

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный медицинский университет» Министерства здравоохранения РФ

На правах рукописи

Спицына Елена Ивановна

**ТРАДИЦИИ РУССКОГО ФОЛЬКЛОРА
В СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА**

**Диссертация на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

24.00.01 – теория и история культуры

Научный руководитель:
доктор социологических наук,
профессор
Фомина Татьяна Константиновна

Научный консультант:
кандидат исторических наук,
доктор философских наук,
профессор
Кибасова Галина Петровна

Волгоград – 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. КУЛЬТУРА ДЕТСТВА И ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ	15
1.1. Мир детства как культурно-исторический феномен.....	15
1.2. Русский фольклор как источник изучения культуры детства.....	49
ГЛАВА 2. ФОЛЬКЛОР В КУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА РУССКОГО НАРОДА.....	75
2.1. Мир детства в русской историко-культурной традиции	75
2.2. Детский фольклор как самобытный язык культуры детства: тенденции развития в современных условиях.....	115
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	177
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	183
ПРИЛОЖЕНИЕ	227

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В России с 90-х годов XX века в связи с резкой сменой модели социально-политического развития наблюдается процесс «размывания» традиционных культурных ценностей, что ведет к утрате нравственных ориентиров молодого поколения. Реалии современности предельно обостряют проблематику, связанную с сохранением и трансляцией этнического культурного кода. Данная ситуация актуализирует потребность обращения к фольклору в целях сохранения и воспроизводства этнокультурной идентичности, поскольку традиционная культура, в целом, и фольклор, в частности, имманентно обусловлены главной своей функцией: выработка адекватных средств и приемов формирования личности и передача социокультурного опыта необходимы для выживания и развития данного этнического сообщества.

Участниками межпоколенной трансляции культуры являются представители разных возрастов, в том числе дети, создающие в рамках общей этнической культуры собственную среду – «мир детства»¹, который, опираясь на идеи Ю.М.Лотмана, представляет собой жизненное и духовное пространство личности, сферу зарождения ее сущностных характеристик, мироощущения и мировосприятия. Ребенок как формирующаяся лингвокультурная и этнокультурная личность, входя в мир культуры, усваивает родной язык, стереотипы и поведенческие нормы, свойственные конкретному этносу.

Культурологический анализ фольклора в аспекте его социального функционирования нацелен на выявление роли данного культурного пласта в освоении культурных норм, формировании ценностных установок молодого поколения, реконструкцию категорий и смыслов, транслируемых детям русской фольклорной традицией, и, в целом, на обеспечение исторической преемственности в развитии отечественной культуры.

Степень разработанности проблемы. Многомерностью феномена детства обусловлен междисциплинарный характер его изучения. Детство в современных

¹ Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 2003. – 847 с. С. 30.

исследованиях рассматривается как этап жизненного пути, компонент общества, обособленный мир внутри господствующей культуры с присущими ему традициями, нормами, ценностями, языком выражения. Для обозначения этого мира широко употребляется термин «культура детства», введенный в научный оборот М.Гудмэн в 1970 году¹. Важную роль в становлении культурологии детства сыграли труды М.Мид², Дж. и Б.Уайтингов³. Комплексный подход к раскрытию социокультурных смыслов детства обозначен в трудах отечественных исследователей В.В.Абраменковой, А.А.Белика, М.С.Кагана, И.С.Кона, В.Т.Кудрявцева, Э.А.Куруленко и др.

С XIX века культура детства и ее фольклорный «язык» стали объектом внимания русских исследователей. Историк Н.И.Костомаров⁴ использовал тесты детского фольклора для характеристики нравов и быта русского народа. Истоки систематического собирательства детского фольклора связаны с именами И.П.Сахарова⁵, А.В.Терещенко⁶, Е.А.Авдеевой⁷, В.А.Попова⁸. С 1851 года в «Чтениях общества истории и древностей российских» при Московском университете печатались детские песни, записанные П.В.Шейном, которые затем вошли в сборник «Русские народные песни»⁹. П.В.Шейн был в числе первых исследователей, обративших внимание на сюжетное и жанровое многообразие детских текстов, что нашло отражение в работе «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.»¹⁰. К образцам детского

¹ Goodman M. The Culture of Childhood: Child's-Eye Views of Society and Culture. – N.Y., 1970. – 167 p. Цит по: Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с. С. 63.

² Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А.Асеева / Сост. В.И. Беликов; ред. И.С. Кон. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с.

³ Whiting B.B., Whiting J.W. Children of Six Cultures. – Cambridge (Mass.), 1975; Whiting B.B., Whiting J.W. A strategy for Psychocultural Research // The Making of Psychological Anthropology. – N.Y., 1979.

⁴ Костомаров Н.И. О цикле весенних песен в народной южнорусской поэзии // Маяк. – 1843. – Т. 11. – № 21. – с. 58-71; Костомаров Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии. – Харьков: Унив. тип., 1843. – 214 с.

⁵ Сахаров И.П. Песни русского народа : Ч. 1-5. – СПб.: тип. Сахарова, 1839. – 494 с.; Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: Т. 1-2. – СПб.: тип. Сахарова, 1841-1849. Т. 1. – 1841. – 602 с., Т. 2. – 1849. – 679 с.

⁶ Терещенко А.В. Быт русского народа / Соч. А.Терещенко. – СПб: тип. военно-учебных заведений, 1848. – в 7 т.

⁷ Авдеева Е.А. Из воспоминаний // Отечественные записки. – 1849. – т. 63. – № 4.

⁸ Попов В.А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр // Вологодские губ. ведомости. – 1860. – 3 дек. – № 49.

⁹ Русские народные песни, собранные П.В. Шейном / Издание общества истории и древностей российских. – Ч. 1. – М.: тип. ун-та, 1870. – 568 с.

¹⁰ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. – СПб.: тип. Император. академии наук. Вып. I. – 1898. Вып. II. – 1900.

фольклора обращался В.И.Даль¹. К.Д.Ушинский в 1864 г. опубликовал книги «Родное слово»² и «Детский мир»³, в которых акцентировал внимание на роли родного языка и фольклора в становлении ребенка. В 1868 г. вышел в печати первый сборник детского фольклора, составленный П.А.Бессоновым⁴. Значительный вкладом в разработку проблемы стал труд Е.А.Покровского⁵.

В 20-30 гг. XX в. обозначился качественно новый этап в изучении детского фольклора. Особый вклад в исследование традиционного детского творчества, быта и языка детей внес Г.С.Виноградов⁶. Ему принадлежит первое определение «детского фольклора»⁷ (1925 г.) и положение о том, что данный культурный пласт позволяет изучать разнообразные сферы детской жизни.

Большую роль в деле собирания и популяризации текстов детского фольклора сыграла О.И.Капица. Членами созданной по ее инициативе в 1927 г. Комиссии по детскому фольклору, быту и языку при Русском географическом обществе были собраны более восьми тысяч образцов детских песен, сказок, загадок. Наиболее значимыми работами О.И.Капицы являются «Поэзия крестьянских детей»⁸, «К вопросу об изучении детского фольклора»⁹, сборник

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: тип. Моск. ун-та, 1862. – 115 с.

² Ушинский К.Д. Родное слово: Год первый. – СПб.: тип. Рогальского и К°, 1864. – 111 с.; Ушинский К.Д. Родное слово: Год второй. – СПб.: тип. Гл. арт. упр., 1864. – 156 с.

³ Ушинский К.Д. Детский мир. Ч. 1-2. – СПб.: Тип. В.А. Рогальского и К°, 1864. – 562 с.

⁴ Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с.

⁵ Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной). – М., 1887. – 368 с.

⁶ Виноградов Г.С. Детский народный календарь. – Сибирская живая старина. – 1924. – вып. 11. – с. 55-86; Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Библиотека собирателя / Этнологическая секция ВСОРГО; Вып. 3. – Иркутск, 1925 – 84 с.; Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика // Сибирская живая старина. – 1925. – Вып. 3-4. – с. 65-106; Виноградов Г.С. Народная педагогика // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 5. – с. 1-28; Виноградов Г.С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 6. – С. 87-112; Виноградов Г.С. Детский фольклор в школьном курсе словесности // Русский язык в школе. – 1927. – № 2. – с. 52-66, № 3. – с. 84-97; Виноградов Г.С. Детские игровые прелюдии // Сибирская живая старина. – 1929. – Вып. 7-8. – с. 119-174; Виноградов Г.С. Из наблюдений за детским потешным фольклором. Сечки // Детский быт и фольклор. – Л., 1930. с. 13-20; Виноградов Г.С. Иркутский детский фольклор. – Иркутск: Изд-во Иркутской Секции научных работников, 1930. – 234 с.

⁷ Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика / Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб.: Историческое наследие, 1998. – с. 35-76. С. 35.

⁸ Капица О.И. Поэзия крестьянских детей // В помощь просвещенцу: Ежемесячник Наркомпроса АКССР. – Петрозаводск, 1928. № 3-5.

⁹ Капица О.И. К вопросу об изучении детского фольклора // Известия РГО. – 1928. – Т. 60. – Вып. I. – с. 59- 79.

«Детский фольклор»¹. Весомый вклад в реконструкцию традиций русского детства внесли исследования Л.С.Выготского, М.Я.Басова, П.П.Блонского, А.Б.Залкинд, Н.А.Рыбникова и др.

С 60-70 гг. XX в. возобновился интерес отечественных исследователей к феномену детства в русской традиционной культуре; активизировалась полевая работа. Анализу подвергались детские тексты, условия их бытования, значение в культуре детства; выявлялись разнообразные тенденции в развитии детского фольклора (Е.В.Померанцева², А.Н.Мартынова³, М.Н.Мельников⁴, С.М.Лойтер⁵ и др. Накопление исследовательского «багажа» позволило создать и опубликовать ряд академических трудов: «Младенчество. Детство»⁶, «Детский поэтический фольклор»⁷, «Детский фольклор»⁸.

С 90 гг. XX в. публикуются работы по современному детскому фольклору⁹, исследуются детские музыкальные традиции (Н.Н.Гилярова¹⁰, Г.М.Науменко¹¹, Н.А.Подчередниченко¹² и др.). В нач. XXI в. защищены диссертации, выявляющие роль фольклора в личностном становлении молодого поколения

¹ Капица О.И. Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. – Л.: Прибой, 1928. – 224 с.

² Померанцева Э.В. Детский фольклор // Русское народное творчество / Сост. Богатырев В.Г. и др. – М.: Высшая школа, 1966. С. 292-302.

³ Мартынова А.Н. К изучению жанровых особенностей русских народных колыбельных песен // Фольклор и литература Урала. Вып. 1 – Пермь: ПГПУ, 1971. С. 51-53.

⁴ Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири / Ред. Н.А. Каргаполов. – Новосибирск: Западно-Сибир. кн. изд-во, 1970. – 218 с.; Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

⁵ Русский детский фольклор Карелии / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, предисл. к разделам и ком. С.М.Лойтер. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 208 с.

⁶ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с. ил.

⁷ Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А.Н. Мартынова; Отв. ред. Б.Н. Путилов. – СПб., 1997. – 577 с.

⁸ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с.

⁹ Школьный быт и фольклор: Учеб. материал по русск. фольклору. / Сост. А.Ф. Белоусов. В 2-х ч. – Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1992. ч. 1. – 223 с.; ч. 2. – 160 с.; Лойтер С.М., Неелов Е.М. Современный школьный фольклор. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995; Чередникова М.П. «Голос детства» из дальней дали (игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с. – 115 с.

¹⁰ Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. – Рязань: РОЦНТ, 1994. – 117 с.

¹¹ Науменко Г.М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I. – М.: Композитор, 1999. – 552 с.: ил.; Науменко Г.М. Русские народные детские игры с напевами. Сборник фолькл. материалов. – М.: Либерия, 2003. – 544 с.

¹² Подчередниченко Н.А. Функции детской музыки в культуре детства // Вестник ТГПУ. – 2013. – № 9 (137) – с. 161-166; Подчередниченко Н.А. Этнокультурные смыслы детских музыкальных традиций (на примере колыбельных) // Вестник САФУ. Серия: Гуманит. и соц. науки. – 2013. – № 4 – с. 105-108.

(О.А.Абрамова¹, Л.К.Зязева², Е.А.Каминская³, А.Б.Теплова⁴ и др.). Особый интерес представляет работа Е.О.Чубрик⁵, в которой убедительно доказано, что в традиционном обществе детский фольклор являлся основным средством инкультурации, однако остался открытым вопрос о значении фольклора в воспроизводстве этнокультурной идентичности в наши дни.

Таким образом, имеется значительная информационная база для исследования бытования фольклора в современных условиях. Научная обоснованность категории «детский фольклор» позволяет сделать его предметом историко-культурологического исследования, продемонстрировать роль в культуре детства и эксплицировать способы трансляции культурных традиций и фольклора молодым поколениям в современной социокультурной ситуации.

Объект исследования: фольклор в культуре детства.

Предмет исследования: детский фольклор как механизм воспроизводства этнокультурной идентичности в современной России.

Цель исследования: выявить роль детского фольклора в формировании культуры детства, в наследовании социокультурного опыта и обеспечении исторической преемственности этнокультурных традиций в современных условиях.

Цель определила основные **задачи** исследования:

- провести историографический обзор научных подходов к изучению культуры детства;
- проследить историю формирования современного детского фольклора, выявить потенциал фольклора в изучении культуры детства;

¹ Абрамова О.А. Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора: автореф. дис. канд. философ. наук. – Барнаул, 2006. – 29 с.

² Зязева Л.К. Традиционная русская культура как основа формирования национального самосознания молодого поколения: автореф. дис. канд. культурологии. – СПб, 2004. – 22 с.

³ Каминская Е.А. Традиционный фольклор: культурные смыслы, современное состояние и проблемы актуализации: автореф. дис. докт. культурологии. – Челябинск, 2016. – 46 с.

⁴ Теплова А.Б. Педагогический потенциал материнского фольклора и традиционной игрушки для становления картины мира современного ребенка: автореф. дис. канд. педагог. наук. – М., 2013. – 23 с.

⁵ Чубрик Е.О. Русский детский фольклор как средство ранней инкультурации: автореф. дис. канд. культурологии. – Владивосток, 2007. – 28 с.

- проанализировать традиции, тексты, игровые практики, сопровождавшие взросление детей в русской историко-культурной традиции;
- охарактеризовать социокультурные функции русского детского фольклора;
- эксплицировать современное состояние детского фольклора и перспективы его использования в приобщении детей к этническим фольклорным традициям.

Гипотеза исследования: Ретроспективное рассмотрение истории развития русского этноса свидетельствует, что детская картина мира, а на ее основе и ментальность, формируются в результате восприятия этнокультурных традиций. Ребенок через фольклор, игры, обряды, ритуалы получает в символическом виде базовые идеи родной культуры, которые идентифицирует как собственные, что позволяет их творчески переосмысливать в соответствии с реалиями своего времени. Особая роль в этом процессе принадлежит детскому фольклору. Данный культурный пласт обеспечивает усвоение идей этнической культуры, служит средством общения, развития, самовыражения, что свидетельствует о его исключительной роли в общечеловеческой культуре и культуре детства.

Территориальные рамки исследования. Для работы привлекались этнографические материалы, зафиксированные в нескольких регионах России. Современное состояние детских фольклорных традиций и детского фольклора выявлялось на основе полевых исследований, проведенных автором и студентами профильных учебных заведений системы культуры и искусства на территории Волгоградской, Пензенской и Саратовской областей.

Хронологические рамки исследования носят двойственный характер. С одной стороны, рассматривалась роль фольклора в современной культуре детства рубежа XX-XXI вв. Авторские полевые исследования осуществлялись в период с 1990 по 2016 гг. С другой стороны, выявление истоков фольклорных традиций потребовало обращения к истории Средневековой Руси, к источникам данного периода, например, «Поучению Владимира Мономаха» (XII в.), «Домострою» (XVI в.). Это позволило проследить процесс формирования представлений о детстве, выявить основы фольклорного воспитания в русской традиционной культуре.

Методология исследования. В работе применялись общенаучные и специальные методы. Системный подход позволил оценить мир детства как сложный социокультурный феномен, обладающий целостностью, определенной автономностью от мира взрослых, характеризующийся наличием специфических культурных форм, совокупностью взаимосвязанных элементов, формирующих носителя этнической культуры. При рассмотрении детского фольклора был избран комплексный подход, суммирующий: сравнительно-исторический метод (сравнительный анализ текстов в синхронном и диахронном срезе); историко-генетический метод (выявление истоков мотивов и образов фольклорных текстов); культурно-исторический метод (определение роли детского фольклора в развитии культуры и общества); структурно-типологический метод (взят за основу жанровой дифференциации детского фольклора); метод интерпретации (позволил выявить ценностные установки, транслируемые детям в текстах материнского фольклора); структурно-функциональный и аксиологический методы исследования (применены при рассмотрении жанровых групп детского фольклора, их сущностных характеристик и социокультурного значения). Методы социологического исследования: опрос, экспертное интервью, анкетирование, включенное наблюдение за детскими группами – позволили выявить современное состояние культуры детства и традиций детского фольклора.

Источниковая база исследования.

Нормативные документы. В целях аргументации роли культурных традиций в развитии общества, личностном становлении молодого поколения привлечены: Конвенция о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.), Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении фольклора: материалы Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 17 октября – 16 ноября 1989 г.), Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия: материалы Генеральной конференции ЮНЕСКО (Париж, 17 октября 2003 г.).

Материалы архивов и фондов. Общекультурный контекст взросления в дореволюционной России изучен на основе документов Российского государственного архива древних актов (ф. 1468 «Сборный личный фонд (1620-

1925)». Особый интерес для характеристики народных традиций, участия детей в общинной жизни представляли материалы фольклориста Е.В. Барсова, этнографов Н.Н. и В.Н. Харузиных.

Исследование «Коллекции архивных документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии (1603-1917)» ф. 132 Государственного архива Пензенской области; а также документов Государственного архива Саратовской области, содержащихся в ф. 407 «Саратовская губернская ученая архивная комиссия (1886-1921)», ф. 408 «Фонды и коллекции личного происхождения: Н.В.Калачов (1648-1919)», ф.1279 «Коллекция краеведческих материалов Саратовской области», имели важное значение для выявления особенностей бытового уклада русского крестьянства, обычаев, обрядов, суеверий, сопровождавших повседневную жизнь детей. Особенно ценный для исследования этнографический материал обнаружен в документах А.Н.Минха, М.Е.Соколова (ГАСО, ф. 407).

Так же были изучены: «Коллекция этнографических материалов» единого фонда Научного архива Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК), материалы фольклорных архивов Волгоградской консерватории им. П.А.Серебрякова (ФА ВК), Пензенского колледжа искусств (АЛФ ПКИ), Саратовской государственной консерватории им. Л.В.Собинова (АКНПиЭ СГК). Это позволило выявить повседневные и празднично-игровые практики культуры детства и сопровождающие их фольклорные тексты.

Опубликованные источники: в исследовании привлекались публикации XIX-нач.XX вв., в т.ч. «Песни русского народа» И.П. Сахарова (т. 4-5, 1838-1839) и «Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым» (т. I – 1841, т. II – 1849), «Детские песни» П.А. Бессонова (1868), «Детские игры, преимущественно русские» Е.А. Покровского (1895), «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. Материалы, собранные и приведённые в порядок П.В. Шейном» (т. I. ч. 1. – 1898). Использовались этнографические материалы и исследования, размещенные в журналах «Этнографическое обозрение» (1889-1916), «Живая старина» (1890-1916, 1994-2016), в т.ч.

«Наброски из мира народной педагогики» И.Н.Мамакина (1894, вып. 2), «Игры крестьянских детей Казанской губ., Свияжского уезда, села Бежбатман» А.Ф.Можаровского (1899, вып. 3-4), «Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии» А.В. Балова (1901, вып. 1-2) и др.

Полевые материалы: фольклорные тексты и этнографические свидетельства, зафиксированные диссертантом в 1990-2016 гг. в сельских и городских населенных пунктах Волгоградской, Саратовской и Пензенской областей; социологические исследования, проведенные автором в период с 2012 по 2016 годы.

Эмпирическая база исследования включает авторские полевые записи фольклора, а также материалы фольклорно-этнографических экспедиций (ФЭЭ), осуществленных студенческо-преподавательским составом Волгоградской консерватории им. П.А.Серебрякова, Пензенского колледжа искусств, Саратовской государственной консерватории им. Л.В.Собинова.

Диссертант счел необходимым для выявления специфики функционирования фольклорных традиций и текстов в современных условиях привлечь результаты авторских социологических исследований (выборочное анкетирование 200 учащихся средних общеобразовательных школ и детских школ искусств г.Саратова в возрасте от 8 до 13 лет и их родителей, экспертные интервью с видными деятелями культуры и искусства различных регионов России).

Научная новизна исследования. Проведен историко-культурологический анализ научных подходов в изучении детства, позволивший аргументировать значимость детского периода жизни в процессе наследования культурных традиций. Исследован потенциал фольклора как средства межпоколенной связи и трансляции социокультурного опыта, а также как источника, раскрывающего специфику культуры детства; выявлены этапы формирования современного детского фольклора. Проведен анализ обрядов, текстов, бытовых и игровых практик, сопровождавших взросление в русской традиционной культуре. Охарактеризованы социокультурные функции жанровых подвидов детского

фольклора. В научный оборот введены ранее неопубликованные фольклорные тексты, результаты авторского исследования, выявившего трансформацию традиций детского фольклора. Для обозначения деятельности, направленной на освоение этнокультурных традиций, предложен термин «детское фольклорное воспитание». Описаны формы приобщения детей к фольклору и этнокультурному творчеству в современных условиях.

Положения, выносимые на защиту:

1. Научные подходы, получившие развитие в различных областях социогуманитарного знания, подтверждают неразрывную связь в триаде «ребенок – культура – общество». Культура детства – это обособленный мир в границах общей культуры, представляющий собой совокупность устойчивых культурных форм, существующих внутри детского сообщества и транслируемых взрослыми детям в соответствии с социокультурными моделями общества. Современная отечественная культура детства сформирована на основе русских традиционных (обрядовых) и городских (устных и письменных) практик. Основные культурные ценности детства передаются по законам устной фольклорной традиции.

2. Фольклор является спутником детства, средством индоктринизации и специфическим языком выражения детской картины мира, что позволяет, с одной стороны, видеть в нем средство межпоколенной связи и трансляции социокультурного опыта, а с другой стороны, использовать его как культурологический источник, аккумулирующий информацию о мире детства, различных сферах опыта, получаемого ребенком в процессе взаимодействия с окружающей природной и социальной средой.

3. Мир детства в русской традиционной культуре представлен многообразными формами обрядового, бытового и игрового взаимодействия взрослых с детьми и непосредственно детей в группе, направленными на формирование всех качественных характеристик нового члена семьи и этнического сообщества. Важнейшей культурной формой освоения детьми жизненного опыта является игра. Игровые практики русского детства нацелены на комплексное развитие качеств, необходимых во взрослой жизни, освоение

гендерных ролей в соответствии с нормами, принятыми в этнокультурной общности.

4. Детский фольклор – это специфическая часть народной культуры, предназначенная для детей, включающая тексты взрослых, обращенные к детям, а также собственно детские произведения и практики, существующие в устных и письменных формах по канонам традиции. Детский фольклор представляет собой многосоставной социокультурный феномен, имеющий игровую природу. Он воплощает духовно-нравственные доминанты русского народа, обеспечивает последовательное и системное усвоение социальных норм, знаний, навыков, идей и ценностей этнической культуры юными поколениями и, следовательно, воспроизводство культуры в ее сущностных основах на новых исторических этапах.

5. Фактором сохранения и преемственности культурных традиций в современных условиях является детское фольклорное воспитание – целенаправленная деятельность по осмыслению идеалов, ценностей и культурных текстов родного народа, формированию гражданской позиции, чувства патриотизма, призванная обеспечить этническую и культурную идентификацию детей. Усвоив элементы народной культуры, сопоставив и творчески интерпретировав их, дети воссоздают традицию, дают ей новую жизнь.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в обосновании особой роли фольклора, как сущностного элемента в культуре детства, способного через воспроизводство традиций русского детства транслировать нормы этнической идентификации в исторической перспективе.

Материалы исследования могут представлять интерес для фольклористов, культурологов, этнологов, педагогов-практиков, в том числе использоваться при подготовке лекционных курсов по истории культуры, народному творчеству, этнопедагогике, а также в учебно-воспитательной работе учреждений образования.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные положения диссертационного исследования были представлены автором на семи международных (Волгоград, 2012; Саратов, 2013, 2017; Пенза, 2012, 2016), шести всероссийских (Саратов, 2012, 2014, 2017; Казань, 2012, 2014, 2016), трех межрегиональных (Ульяновск, 2007, Саратов, 2013, Самара, 2017) и тринадцати региональных (Пенза, 2008; Саратов, 2010, 2012, 2014, 2015, 2016; Вольск Саратовской области, 2014; Балашов Саратовской области, 2014, 2015, 2016, 2017; Энгельс Саратовской области, 2015; Ульяновск, 2016) семинарах и конференциях. Основные положения работы изложены в 20 публикациях (общий объем 51,1 п.л.), из них четыре – в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК РФ.

Материалы диссертационного исследования использованы автором при разработке лекционных курсов по дисциплинам «Народное творчество и этнопедагогика», «Народная музыкальная культура», «Изучение областных певческих стилей» Саратовского областного колледжа культуры имени Е.Н.Курганова (2007-2014); «Учебно-методическая литература» Саратовского областного колледжа искусств (2015-2018); положены в основу экспериментальной работы по внедрению в образовательный процесс авторских программ преподавания специальных дисциплин по направлению «Музыкальный фольклор» (2001-2011); практикума по дисциплинам «Народное творчество» и «Фольклорный ансамбль» ДШИ № 20 г.Саратова.

Структура работы. В соответствии с задачами исследования работа включает введение, две главы, четыре параграфа, заключение, список источников и литературы общим объемом 226 страниц.

ГЛАВА 1. КУЛЬТУРА ДЕТСТВА И ДЕТСКИЙ ФОЛЬКЛОР: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ

1.1. Мир детства как культурно-исторический феномен

Детство – это начальная стадия человеческой жизни, характеризующаяся незрелостью; время интенсивного развития, обретения способов удовлетворения потребностей, познания мира, присвоения культуры и включения в социум. Все дети рождаются с определенными универсальными биологическими характеристиками. Однако каждая культурная традиция по-своему разрабатывает врожденные качества малыша. «Каждая эпоха, каждый народ, каждый общественный класс имеет свою концепцию детства»¹, что находит отражение в общественном сознании, системе фольклора, искусстве, требованиях, предъявляемых взрослыми к детям.

По выражению И.С. Кона, «общество не может познать себя, не познав закономерностей своего детства»². Его изучение предполагает анализ и интерпретацию научных концепций, обращенных к различным аспектам детского развития, выявляющим влияние культурных традиций общества на этот процесс и его результат. Собственные научные подходы получили развитие в рамках философии, психологии, антропологии, этологии, этнографии, этнологии, культурологии, социологии, педагогики и ряда других наук³.

Самостоятельной сферой исследований является история детства, позволяющая выявить трансформацию представлений о детстве, отношения к детям, содержания и стилей воспитательного воздействия со стороны взрослых. Основоположником данного направления является Ф. Ариес⁴.

¹ Субботский Е. В. Детство в условиях разных культур // Вопросы психологии. – 1979. – № 6. – с 142-152. С.147.

² Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива) / АН СССР, институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1988. – 269 с. С. 6.

³ Не претендуя на исчерпывающее изложение вопроса, в рамках данной работы мы остановимся только на некоторых из них.

⁴ Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке: Пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 415 с.

На определенных исторических этапах понятия «детство» не существовало, что свидетельствует не об отсутствии самого концепта в сознании людей, а о том, что он еще не стал в обществе предметом обсуждения, нуждающимся в языковом обозначении¹. В качестве специфической возрастной группы дети всегда присутствовали в реальной жизни.

Впервые категория «ребенок» встречается у Гераклита, заметившего, что «царство <над миром> принадлежит ребенку»². Однако отношение к детям в античности было довольно жестоким. Широкое распространение имели случаи инфантицида в отношении больных, увечных, неполноценных младенцев. Аристотель одобрял практику «отбраковки» неполноценных детей. Цицерон писал, что смерть ребенка нужно переносить со спокойной душой³. Моральных или правовых запретов на детоубийство в Греции не существовало вплоть до IV века до н. э. Раннее детство считалось недостойным внимания. Дети рассматривались как низшие существа. Воспитание детей с семилетнего возраста находилось в ведении государства, озабоченного формированием рядов законопослушных граждан. В связи с этим культивировалась идея образования, созвучная убеждению афинян о том, что гражданин в свободное время должен предаваться учению и размышлениям. Существование школ, по мнению Н. Постмана⁴, подтверждает, что греки начали смутно прозревать идею детства. Свое продолжение эта идея находит в римской культуре. Постепенно вызревает убеждение в том, что взрослые должны ограждать детей от интимных секретов и прочих порочных сторон взрослой жизни. В 374 году вышел закон, запрещающий детоубийства. По мнению Л. Демоза⁵, священнослужители противодействовали детоубийству не столько из-за тревоги за детей, сколько заботясь о душах родителей.

¹ Стернин И.А. Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления. [Электронный ресурс]. – URL: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n31.htm (дата обращения 03.06.2016).

² Досократики. – Мн.: Харвест, 1999. – 784 с. С. 295.

³ Мамычева Д.И. Детство – метаморфозы культурного взгляда. – Таганрог, 2013. – 148 с. С. 9.

⁴ Ярин А. Нейл Постман. Исчезновение детства // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 17-30. С. 18.

⁵ Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.

С падением Рима наступает длительный период Средневековья (V-XVII вв.), характеризующийся отсутствием институализированных форм образования, сколько-нибудь значимого внимания и сопереживания к детям. В средневековой европейской культуре господствовал взгляд на детей как на маленьких взрослых, что находило отражение в языке, манере одеваться в уменьшенные копии взрослых одежд, трудовых обязанностях и ответственности перед законом – дети подлежали повешению за воровство и убийство. Истории известны факты физического и сексуального насилия, торговли детьми¹.

История русского детства имеет немало «белых пятен». Источником информации о нем являются фольклорные тексты и этнографические материалы, а также «взрослые» свидетельства эпохи, исходящие от социальной элиты: проповеди, нравоучения, обличения, юридические документы. Так, подходы к воспитанию русских детей отражены в «Поучениях Владимира Мономаха» (XII в.) и «Домострое» (XVI в.). Согласно «Поучению», воспитанники должны иметь чистую душу, уважение и покорность к старшим, постоянно трудиться. «Домострой» призывает детей покоить родителей в старости, а родителей – заботиться о хорошем воспитании, любить своих чад, но содержать их в строгости и «страхе Божьем». Уложение 1648 года призывает строго наказывать детей за непослушание, непочтение, отказ помогать отцу и матери. Анализируя специфику воспитательных традиций России, В.О. Ключевский отмечал: «В воспитании различаются два дела: одно – развитие и выправка индивидуальных особенностей, личных свойств и наклонностей человека, другое – выработка общего типа, прививка тех общеобязательных правил, понятий и интересов, из которых слагается культура времени и которые делают разнохарактерные личности способными к дружному общежитию»².

Средневековая Русь характеризовалась высоким уровнем детской смертности и жестоким обращением с детьми. Домострой предписывал: «Казни сына своего <...> и не ослабляй, бия младенца: аще бо жезлом биеша его, не умрет, но здравие

¹ Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.

² Ключевский В.О. Два воспитания / Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX: Материалы разных лет. – М.: Мысль, 1990 – 528 с. С. 27.

будет, ты бо, бия его по телу, а душу его избавляеши»¹. В XVII веке за убийство сына или дочери отцу полагался всего лишь год тюремного заключения. Власть родителей была всеобъемлюща, а подчинение ей – безусловным. Детей могли отдавать «в люди», в холопство, в голодные годы отдавали даром, а то и продавали проезжим купцам, которые сбывали «живой товар» на рынках². Вплоть до XIX века в российском законодательстве отсутствовали пункты, защищающие права и интересы детей.

«Ребенок становился взрослым – абсолютно полноценным взрослым – сразу, как только научился говорить»³. Умение нормально говорить и слушать, (так же, как и способность самостоятельно добывать пищу в традиционных сообществах), достигаемое обычно к семилетнему возрасту, становилось границей между младенчеством и взрослой жизнью. Промежуточной стадии не было⁴. Понятие детства связывалось с идеей незрелости, неразумия, зависимости. Не случайно этимология слова «ребенок» восходит к слову «рабъ», а слово «отрок» на Руси употреблялось в значении «слуга» и означало «не имеющий права говорить». По замечанию Ф. Ариеса, понятия «сын, парень, гарсон принадлежат еще и к словарю феодальных или сеньориальных отношений зависимости. Детство кончалось тогда, когда кончалась или становилась меньшей зависимостью»⁵.

Искусство мало обращалось к образам детства, исключением являлись лишь религиозно-аллегорические сюжеты живописи.

Христианская парадигма сакрализации начала человеческой жизни – рождения (рождества Христова) привела к восприятию появления ребенка на свет как к божественному акту, провидению. В христианской идеологии ребенок – символ спасения, воплощение ангельской чистоты и целомудрия («Дети – божья

¹ Цит. по: Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993. – 399 с. С. 145.

² Потепалов Д.В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X-XII вв.) // Педагогическое образование. – 2007. – № 1. – с. 110-116.

³ Постман Н. ТВ формирует новый тип личности – взрослого ребенка. [Электронный ресурс]. – URL: http://media-ecology.blogspot.ru/2011/02/blog-post_17.html (дата обращения 21.08.2014).

⁴ Там же.

⁵ Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке: Пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 415 с. С. 38.

благодать», «Устами младенца глаголет истина»¹. В то же время ребенок являлся носителем первородного греха и в этом смысле ничем не отличался от взрослых². «Младенцы невинны по своей телесной слабости, а не по душе своей»³. Предполагалось, что путь к спасению детской души лежит через беспощадное подавление воли, безусловное подчинение родителям и духовникам⁴.

Средневековая философская мысль, обращенная к детству и детям, наиболее полно представлена в творчестве А. Августина, Н. Кузанского, Э. Роттердамского, Т. Мора, М. Монтеня. В русской философской традиции детство в контексте идеи святости, посредничества сакрального в земном мире, мерила человеческой добродетели нашло отражение в трудах В.В. Зеньковского, С.Н. Булгакова, В.В. Розанова⁵.

Идеология Возрождения (XIV-XVI вв.) и идеи эпохи Просвещения (XVIII в.) способствовали эволюции отношения к ребенку, его воспитанию и духовному развитию. В недрах романтически-просветительской литературы зародилась идея самоценности детства. В 1744 году увидела свет первая детская книга («Джек – победитель великанов»). Значительное влияние на восприятие феномена детства оказал трактат Ж.Ж. Руссо «Эмиль, или О воспитании» 1762 года, провозгласивший идею о том, что «природа желает, чтобы дети были детьми, прежде чем они станут взрослыми»⁶. По замечанию И.С. Кона, в романтических произведениях фигурирует некий отвлеченный символ невинности, близости к природе, чувственности, противопоставляемый холодному миру рассудочной

¹ Этой позиции созвучно существование особого чина детской святости у православных. Были почитаемы инок Иоасаф, Иаков Боровический, Иоанн Устюжский, Дмитрий Угличский, Гавриил Слуцкий, Василий Мангазейский, Артемий Веркольский, Боголеп Черноярский, Феодор Новгородский.

² Мамычева Д.И. Детство – метаморфозы культурного взгляда. – Таганрог, 2013. – 148 с. С. 10.

³ Аврелий Августин. Исповедь. Пер. с лат. М. К. Сергеевко. Вступит. статья А. А. Столярова. – М.: Ренессанс, 1991. – 488 с. С. 59.

⁴ Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800. – N.Y., 1979. P. 255-256.

⁵ Зеньковский В.В. Психология детства. – Екатеринбург: Деловая кн., 1995. – 346 с.: ил.; Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.; Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992. – 399 с.

⁶ Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / Под ред. Г.Н. Джибладзе. Т. 1. – М.: Педагогика, 1981. – 385 с. С. 91.

взрослости. «Постулировав существование и самоценность особого мира детства, романтизм идеализировал его»¹.

В начале XVIII века в высших слоях русского общества было модным поручать вскармливание ребенка кормилице, вместо воспитания детей (и хозяйства) целиком предаваться веяниям времени – балам, кокетству, иметь любовника. Примерно к 70-м годам XVIII века стремительно распространились новые тенденции: в духе романтизма «становится принятым стремиться к природе, к “естественности” нравов и поведения. <...> Кормить детей грудью стало признаком нравственности, чертой хорошей матери»². Как отмечает Ю.М. Лотман, с этого времени начали ценить ребенка, детство. На смену убеждению, что «у детей должен быть мир взрослых интересов, само состояние детства – это то, что надо пробежать как можно скорее»³, задержавшийся в этом состоянии недоразвит и глуп – «в культуру входит представление о том, что ребенок – это и есть нормальный человек. <...> В домашний быт вносятся отношения гуманности, уважения к ребенку»⁴: детям позволяют играть, обустривают детские комнаты, шьют детские одежды, читают вслух книги, устраивают детские балы. Но это происходило исключительно в дворянской среде, причем наиболее образованной и обеспеченной ее части. В целом же (в первую очередь, в крестьянской традиции) еще очень долго сохранялись старые установки.

Исследования Э. Бадинтер⁵ показали, что вплоть до конца XVIII века отношение к ребенку находилось в прямой зависимости от сословного положения, пола и порядка рождения. Ценились законнорожденные мальчики-первенцы. Было распространено спокойное отношение к детской смерти. При появлении нежелательных детей был распространен «закамуфлированный

¹ Кон И. С. Этнография детства. Историографический очерк // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред.: И.С. Кон, А.М. Решетов. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. – 191 с.: ил., с. 9-50. С. 11.

² Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). - СПб: Искусство – СПб, 1994. – 758 с. С. 53.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Бадинтер Э. Любовь в дополнение: история материнской любви (18-20 века). – М.: Статистика, 1990. – 256 с.

инфантицид» – практика несчастных случаев или подбрасывания новорожденных в чужие дома¹.

Складывается несколько подходов к определению природы детства: патернализм, отрицающий потенциальные возможности ребенка (ребенок – еще не человек); педагогический романтизм, актуализирующий преимущества ребенка перед взрослым (ребенок – лучший человек)². Английский историк Л. Стоун³ выделил четыре позиции в восприятии новорожденного ребенка и соответствующие им стили воспитания в европейской культуре: традиционный христианский взгляд, социально-педагогический детерминизм, природный детерминизм и утопически-гуманистический взгляд. С позиций социально-педагогического детерминизма Дж. Локк рассматривал ребенка в качестве чистой доски, на которую жизнь наносит рисунок, характеризующий человеческую индивидуальность. На предопределенности характера и возможностей ребенка еще до его рождения настаивал А. Вейсман. Ж.Ж. Руссо полагал, что ребенок рождается добрым дикарем, порочным его делает общество⁴.

Осознание идеи детства в разных регионах Европы происходило неравномерно. Наиболее прогрессивно этот процесс протекал на Британских островах. В XVII веке наблюдалось выделение детей в обособленные группы по признаку ученичества. Эти группы стали обнаруживать ряд характерных черт: особая одежда, сленг, поведение, тайны, устные тексты. Если первоначально детские группы (классы) не имели жесткой связи между возрастом детей и уровнем грамотности, то впоследствии они были приведены в соответствие, что обозначило стадии взросления.

Однако идеи образования и выделение сфер, которые должны скрываться до поры до времени от детей (насилие, смерть, плохие слова, дурные болезни и пр.), во всей Европе уживались с эксплуатацией детского труда и жестокими дисциплинарными воздействиями за малейшую провинность. Детей били, они

¹ Филиппова Г.Г. Психология материнства. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с. С. 5.

² Мамычева Д.И. Детство – метаморфозы культурного взгляда. – Таганрог, 2013. – 148 с. С. 12-13.

³ Stone L. The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800. – N.Y., 1979.

⁴ Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. / Ред. В.В. Давыдов и др. Том 1. Детство. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1999. –1354 с. С. 261.

вырастали и в свою очередь били собственных детей¹. Ограничения телесных наказаний для детей стали иметь место на границе XVII и XVIII столетия.

В XVIII и XIX веках вместо старомодных порок стало популярным запира́ть детей в темноте на несколько часов²; ребенка больше уговаривали, чем заставляли; повиновения добивались чаще словами, а не методами физического воздействия. Это способствовало эмоциональному сближению детей и родителей, снижению детской смертности. Согласно Л. Демозу, охарактеризовавшему стили взаимоотношений взрослых с детьми в исторической перспективе³, в период с XIX по середину XX века преобладал социализирующий стиль. Воспитательными задачами стали наставление на правильный путь, тренировка детской воли и умения адаптироваться к обстоятельствам. С середины XX века обозначился, хотя и не получил всеобщего распространения, помогающий стиль, предполагающий, что ребенок лучше взрослых осознает, что ему необходимо. Удовлетворением жизненных потребностей детей озабочены оба родителя. Детей не бьют, не ругают, с ними играют, терпеливо отвечают на вопросы, создают условия для развития. В результате вырастают сильные, добрые, волевые люди, имеющие собственное мнение. Л. Демоз отмечает: «Каждое поколение рождается в мире лишенных смысла предметов, которые приобретают то или иное значение в зависимости от того, как ребенка воспитывают»⁴.

На пути осознания фундаментального значения детства в истории человечества пройден длительный тернистый путь – от полного игнорирования, восприятия детей как несовершенных, неумелых маленьких взрослых до осознания ответственности взрослых перед детьми и признания самоценности данного периода становления человеческой личности. Свидетельствами изменения статуса детства в обществе в XX столетии являются детские образы в литературе, искусстве, средствах массовой информации, существование детских форумов и союзов, развитой системы основного и дополнительного образования,

¹ Кон И.С. Бить или не бить? – М.: Время, 2012. – 448 с.

² Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с. С. 70.

³ Там же: с. 83-86.

⁴ Там же: с. 86.

явление детоцентризма в семье (В.В. Абраменкова, В.Т. Кудрявцев и др.), принятие международных документов о правах ребенка¹. Сегодня детство понимается как исток, начальная стадия человеческого бытия, позволяющая определить потенциал будущего.

Проанализировав различные исследовательские позиции, мы выделяем пять периодов в истории детства:

- античность (до V в.н.э.), характеризующаяся жестоким отношением к детям, широким распространением инфантицида в отношении больных, увечных, неполноценных младенцев;

- средневековье (V-XVII вв.) с присущим ему взглядом на детей как на маленьких взрослых, отсутствием сколько-нибудь значимого внимания и сопереживания к детям, равной со взрослыми людьми ответственностью перед законом, фактами физического и сексуального насилия, торговли детьми;

- новое время (XVIII в.) – эпоха, в которую под влиянием идей Возрождения и Просвещения произошла эволюция отношения к ребенку;

- XIX в. – середина XX в. – временной период, характеризующийся сбалансированностью требований, предъявляемых взрослыми к детям и уважительным отношением к их временной слабости, неумению, потребностям;

- современность (II пол. XX в. по настоящее время) – новый виток в развитии отношения к детям, характеризующийся паритетными отношениями ребенка и взрослого, явлением детоцентризма, развитой инфраструктурой детства.

Эволюцию в понимании детства позволяют проследить литературные образы, созданные Ч. Диккенсом («Приключения Оливера Твиста», «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим»), М. Твенном («Приключения Гекльберри Финна», «Приключения Тома Сойера»), Л. Толстым («Детство»), И. Тургеневым («Бежин луг»), А. Чеховым («Детвора»), М. Горьким («Детство»), В. Ивановым («Младенчество»), А. Толстым («Детство Никиты») и многими

¹ Ряд правовых актов – Женевская декларация прав ребенка (1924 г.), Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), «Декларация прав ребенка» (1959 г.), «Конвенция о правах ребенка» (1989 г.), Конституция Российской Федерации (1993 г.), Федеральный закон «Об основных гарантиях прав детей в Российской Федерации» (1998 г.) – направлены на защиту интересов и свобод, обеспечение здоровья, духовного и культурного развития, вовлечение молодого поколения в социальную жизнь.

другими авторами. Вслед за литературой признание детства необходимым этапом развития личности, имеющим в то же время самостоятельную ценность, нашло отражение в живописи и ряде гуманитарных наук. Убедительное обоснование идея самоценности детства получает в XIX веке в концепции А. Фребеля и находит развитие в теории свободного воспитания К.Н. Вентцеля, Я. Корчака. В качестве аксиологического ориентира научной деятельности эта идея развита в XX веке в работах П.П. Блонского, А. Валлона, А.В. Запорожца.

Обобщенное понятие «детство» в современной науке рассматривается как сложный многомерный феномен, имеющий биологическую основу, опосредованную рядом социокультурных и конкретно-исторических факторов; категория, с помощью которой могут быть выявлены закономерности развития и становления личности ребенка в обществе.

Идея о взаимовлиянии культуры, общества и детства зародилась в рамках психологии, в частности нашла отражение в трудах А. Валлона, З.Фрейда, Э. Эриксона и др. Так, психоаналитическую концепцию отношений ребенка и общества развивал Э. Эриксон, отмечая, что с момента рождения воспитание ребенка направлено на включение в социальную группу, выработку качеств и мироощущения, присущих ей¹. По мнению А.Валлона, основной движущей силой развития ребенка являются условия социальной жизни, приводящие к новообразованиям благодаря усложнению взаимодействий индивида с обществом². Это положение созвучно с представлениями отечественной научной школы о социальной детерминации психического развития, наиболее полно выраженной в работах Л.С.Выготского, А.Н. Леонтьева, Д.Б. Эльконина.

В границах генетико-психологической концепции Д.Б. Эльконина ребенок рассматривается как изначально общественное существо, стремящееся жить общей жизнью со взрослыми людьми. Процессы обособления ребенка протекают внутри определенного социального целого. Каждый шаг эмансипации детей от взрослых способствует углублению их связи с деятельностью общества. Детская

¹ Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Летний Сад, 2000. – 415 с.

² Валлон А. Психическое развитие ребенка. – М.: Просвещение, 1967. – 196 с.

картина мира формируется в контексте тех идеальных форм, которые задают ребенку взрослые люди. «Образ взрослости» предстает как проекция собственных будущих возможностей¹.

Согласно культурно-исторической теории Л.С. Выготского, выявившей тождество понятий «личность» и «культурное развитие ребенка», «врастание нормального ребенка в цивилизацию представляет собой единый сплав с процессами его органического созревания»², «личность» не является врожденной характеристикой индивида, она формируется в результате культурного развития «путем врастания речевых форм общения людей во внутренний план индивидуального сознания»³. «При вхождении в культуру ребенок берет нечто от культуры, усваивает нечто <...>, но и сама культура глубоко перерабатывает природный состав поведения ребенка и перекраивает совершенно по-новому весь ход его развития»⁴. Эта позиция перекликается с убеждением М. Мид в том, что «именно культура является главным фактором, который учит детей, как думать, чувствовать и действовать в обществе»⁵.

Культурная антропология и, в частности, психологическая антропология (этнопсихология) рассматривает детство как начальный период в усвоении культуры, присущих ей миропонимания и поведения, в результате которого формируются сходство с членами определенной культуры и отличие от представителей других культур. С позиций нативизма этот процесс основан на развертывании генетической программы, созревании врожденных идей, навыков и умений. Для эмпиризма характерен взгляд на детство как период усвоения культурных стереотипов и обретения навыков в результате определенной деятельности, опосредованной внешними воздействиями, в т.ч. культурными традициями.

¹ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с: ил.

² Выготский Л. С. Развитие высших психических функций / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.М.Теплова. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1960. – 340 с. С. 47.

³ Там же: с. 40-41.

⁴ Выготский Л.С. История развития высших психических функций. // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. Т.3. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с. С. 294.

⁵ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А.Асеева / Сост. В.И.Беликов; ред. И.С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с. С.48-49.

Для характеристики процесса вхождения индивида в систему социальных и культурных связей применяются понятия социализация, инкультурация, этническая социализация, культурная трансмиссия. В попытках разграничить понятия «социализация» и «инкультурация» исследователи придерживаются различных точек зрения. Так, М. Мид¹ под социализацией понимает социальное научение вообще, а инкультурацию рассматривает как реальный процесс научения в специфической культуре. По мнению Д. Мацумото², термин «социализация» относится к самому процессу и механизмам, с помощью которых происходит обучение и овладение социальными и культурными нормами, установками и системами представлений; а термин «инкультурация» относит к продуктам процесса социализации – субъективным, базовым, психологическим аспектам культуры, которые усваиваются в процессе развития человека³. С позиций М. Хересковица, инкультурация – это процесс вхождения человека в культуру⁴, социализация и инкультурация протекают одновременно: без вхождения в культуру человек не может существовать и как член общества⁵. «Употребление этих терминов в качестве синонимов возможно при условии приравнивания культурного пространства к социальному»⁶. В целом, ученые единодушны в признании универсальности социализации и большей специфичности инкультурации.

В ходе инкультурации «ребенок трансформирует ценности культуры в содержание своего внутреннего мира»⁷, осваивает присущие культуре миропонимание и поведение, в результате чего формируются его сходство с членами определенной культуры и отличие от представителей других культур. В

¹ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А. Асеева / Сост. В.И. Беликов; ред. И.С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с.

² Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.

³ Инкультурация [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Инкультурация> (дата обращения: 25.09.2012).

⁴ Частным случаем (вариантом) инкультурации выступает энкультурация – вхождение индивида в конкретную форму культуры (овладение специфическим для человека типом жизнедеятельности в конкретной этнокультурной форме).

⁵ Herskovits M.J. Les bases de l'anthropologie culturelle. – Paris, 1967. – 331 p.

⁶ Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с. С. 102-103.

⁷ Копейкина Е.Ю. Субкультура детства: автореф. дис. канд. культурологии. – Н. Новгород, 2000. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/subkultura-detstva> (дата обращения: 19.08.2013).

этом процессе выделяется институциональный аспект (семья, образовательные учреждения, иные социальные институты); субъектный аспект (дети, взрослые, родители, сверстники, учителя, воспитатели и т.д.); объективный аспект (все виды и типы ценностей культуры); процессуальный аспект (все механизмы, способы, приемы, методики, технологии инкультурации). Конечный результат процесса инкультурации – человек, компетентный в культуре: в языке, ритуалах, верованиях, искусстве, ценностях и т.п.¹

При рассмотрении трансмиссии культуры (передачи от поколения к поколению всех особенностей конкретной культуры), наряду с инкультурацией (трансляцией культурно-заданных ценностей, моделей поведения и др.), выделяется интернализация (собственное усвоение социального опыта – «научение без специального обучения»²), адаптация и конструирование (активное воспроизводство человеком усвоенного социального опыта). Результат этого процесса может варьироваться между точным и безусловным освоением культуры новым поколением и полным фиаско в ее передаче. Первый вариант характерен для постфигуративных, по определению М. Мид³, культур, ориентированных на традиции. Изменения в подобных культурах протекают крайне медленно и незаметно, дети учатся, главным образом, у своих предков. На современном историческом этапе многие элементы культурных традиций размываются, поведение предков не рассматривается членами группы как модель, дети и взрослые учатся, прежде всего, у равных, у современников. Но разрыва поколений не происходит. Сохраняются слои культуры, позволяющие осознавать свою этническую принадлежность: язык, религия, историческая память. Согласно терминологии М. Мид, это кофигуративные культуры. Американская исследовательница предсказывала появление еще одного типа культур – префигуративных, где не предки и не современники, а сам ребенок определяет ответы на сущностные вопросы бытия. В этом случае старшие не видят

¹ Психология развития / Под ред. Т.Д. Марцинковской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЦ «Академия», 2005. – 528 с. С. 438.

² Там же.

³ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А.Асеева / Сост. В.И.Беликов; ред. И.С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с.

повторяющимся в жизни молодых их собственный опыт, жизнь родителей не является моделью для детей, происходит разрыв поколений и, следовательно, полный провал в передаче культурных норм. В целом, концепция М. Мид ориентирована на определение зависимости межпоколенных отношений от темпов научно-технического и социального развития. Автор проводит мысль о том, что «межпоколенная трансмиссия культуры включает в себя не только информационный поток от родителей к детям, но и встречную тенденцию»¹.

Психоанализ был первой теорией, в которой отношения между детьми и родителями рассматривались в качестве главного фактора детского развития, оказывающего влияние на поведенческие модели человека на протяжении всей дальнейшей жизни. Согласно теории привязанности Д. Боулби и М.Эйнсворт, ребенок осознает себя и воспринимает окружающий мир через отношение к нему близкого взрослого. По мнению И. Эйбл-Эйбесфельдта, необходимым условием для формирования полноценного члена любого общества является родительская забота, атмосфера любви и внимания. Благодаря этому ребенок идентифицирует себя с членами своей группы и тем самым готовится принять правила поведения и законы своего общества². Р.П. и Е.К. Рохнер в работе «Родительское разрешение-родительский контроль: кросс-культурные коды»³, основываясь на этнографических данных, представили концепцию социализации, раскрывающую влияние отношения родителей к детям на развитие личности ребенка, его поведение, когнитивную и эмоциональную сферы. Авторы подчеркивают этническую обусловленность детско-родительских взаимоотношений.

Этнологический подход в изучении детства предполагает выявление этнической специфики образа жизни, обычаев и практик воспитания, тенденций их развития или угасания в культурах прошлого и настоящего. Исследования антропологов: Р. Бенедикт, К. Дюбуа, М. Мид, А. Кардинер, К. Клакхон,

¹ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А.Асеева / Сост. В.И.Беликов; ред. И.С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с. С. 412.

² Эйбл-Эйбесфельд И. Поведение детей: культуры народов ко-сан, яномами, химба и эйпо // Культуры. – 1982. – № 4. – с. 5-29. С. 28

³ Rohner R.P., Rohner E.K. Parental asseptance-rejection and parental control: Cross-cultural codes // Ethnology. – 1981. – Vol. 20. – No 3. – p. 245-260.

Р. Линтон, М. Мид, М. Спиро, Дж. и Б. Уайтинг, И. Халлоуэлл и др. – характеризуют влияние воспитательных традиций и норм, особенностей протекания детства на структуру личности взрослого человека и культуру в целом. Изучению подвергались особенности ухода за детьми, развитие эмоциональной сферы детей разных культур (любовь, страх, тревожность, плач и др.), отношение к личности ребенка в раннем детстве, взаимоотношения между детьми в группе и детей со взрослыми, система поощрений и наказаний, детское поведение, приобретаемые навыки и способы обучения им, в том числе детский труд, его мотивация, виды, объем, соотношение игровой и трудовой активности в разных культурах. Обобщающая мысль высказана И.С. Коном, отмечающим влияние социальной структуры общества на возраст включения в полноценную трудовую деятельность: в традиционных культурах он значительно ниже, а объем трудовых обязанностей больше, чем в современных¹. Р.Г. и Р.Л. Монро, Г.С. Шиммин² выдвинули тезис о взаимообусловленности типов труда и способов взаимодействия детей друг с другом. Авторы утверждают, что в труде детьми осваиваются формы социального взаимодействия, которые реализуются затем в иных сферах. М. Роберте и Б.Саттон-Смит выявлена связь между играми и воспитанием, играми и фольклором этнической общности. С их позиций игры «имеют своей аналогией в крупном масштабе – социальное поведение, а в малом – фольклор»³.

Важное место в создании «образа детства» отводилось обрядам и ритуалам, связанным с рождением ребенка, имянаречением и инициациями. Определенное воздействие на исследования оказывали психоаналитические понятия, описывающие коренные потребности ребенка в общении, нежности, любви⁴. Универсальным для всех культур является стремление увидеть выросшего ребенка счастливым, преуспевающим взрослым. Однако счастье и успех в разных

¹ Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 225 с. С. 8.

² Munroe R.H., Munroe R.L., Shimmin H.S Children's Work in Four Cultures: Determinants and Consequences // American Anthropologist, New Series. – Vol. 86 – No. 2 (Jun., 1984), pp. 369-379.

³ Roberts M.J., Sutton-Smith B. Childtraining and Game Involvement // Ethnology. – 1962. – No 1. – p. 166-185. P. 182.

⁴ Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: РГГУ, 2009. – 613 с. С. 203.

культурах понимают по-разному¹, и идеал личности, существующий на уровне индивидуального и общественного сознания, в каждой культуре имеет специфические черты. Полевые исследования антропологов подтверждают решающую роль культурных факторов в формировании человеческого поведения. Оно имеет характерные черты в различных обществах и обуславливается спецификой социального научения.

По выражению И.С. Кона, «воспитательные обычаи общества являются не просто одной из его культурных черт, а главным условием трансмиссии и развития всех прочих элементов культуры»². В границах культурологической парадигмы воспитание рассматривается как процесс межпоколенной передачи значимого социокультурного опыта, обеспечивающий формирование представителя национальной культуры, сохранение культурных традиций и исторической памяти этноса.

«Ребенок присваивает общество»³ и достижения человеческой культуры в процессе воспитательного воздействия со стороны различных социальных институтов. В раннем возрасте роль взрослого как транслятора культурного опыта всеобъемлюща. Взрослея, ребенок все более ориентируется на группу сверстников или старших детей, учителей и кумиров. Взрослое окружение формирует «зону ближайшего развития ребенка»⁴ (Л.С. Выготский), детская группа обеспечивает «зону вариативного развития»⁵ (В.В. Абраменкова). В первом случае обеспечивается подготовка ребенка к освоению норм, ценностей и стереотипов конкретной культуры. Во втором – предполагается диалог различных логик, поведенческих и культурных моделей, готовность к решению задач в непредвиденных обстоятельствах, установка «связи со всеобщностью культуры»⁶ через мифологию, фольклор, игру, творчество.

¹ Мацумото Д. Психология развития. – М.: Инфра-М, 1998. – 400 с. С. 78.

² Кон И.С. Бить или не бить? – М.: Время, 2012. – 448 с. С. 30.

³ Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с: ил. С. 496.

⁴ Выготский Л. С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.

⁵ Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с. С. 7.

⁶ Там же: с. 10.

И все же «ребенок – не просто объект воспитания, социализации и иных внешних воздействий, а сознательный, активный субъект жизнедеятельности»¹ (И.С. Кон), воспроизводящий и создающий в себе человеческие способности, «творец культуры и ее главное творение»² (М.С. Каган). А.А. Белик рассматривает детство как особый мир с ярко выраженными субкультурными чертами, правилами, играми, фантазиями, воспринимаемыми как реальность. «Ребенок одушевляет окружающий его мир, <...> преобразует в своем воображении предметы действительности³, <...> тем самым формирует и воспроизводит важнейшее культурное качество человека в создании идеальных сущностей»⁴.

В своем отношении к реальности формирующаяся детская психика проходит путь, по-своему повторяющий этапы развития общественного сознания – то, что Т.И. Калужниковой условно названо стадиями анимизма, мифологизирования, героизма, критицизма⁵. Все культурные «переживания» основаны на этой повторяемости общечеловеческого в процессе формирования и духовного становления ребенка.

Детский потенциал огромен. В течение короткого срока он стремительно развивается, овладевает речью, поведенческими и культурными навыками, что позволяет характеризовать детство как «культурный взрыв»⁶, вводящий маленького человека в мир культуры.

«Мир детства» (Ю.М. Лотман) – это особое измерение, «к которому человек, как правило, обращается всю жизнь как к источнику дорогих воспоминаний»⁷, «суверенное целостное образование внутри господствующей культуры, отличающееся собственным ценностным строем, обычаями, нормами»⁸

¹ Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с. С. 62.

² Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с. С. 20.

³ Например, палка становится самолетом или лошадкой, а взаимодействия со сверстниками драматизируются (разыгрываются подобно театральным ролям).

⁴ Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: РГГУ, 2009. – 613 с. С. 202.

⁵ Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка: по материалам, записанным от современных российских городских детей: автореф. дис. докт. искусствоведения. – М., 2005. – 52 с.

⁶ Kroeber A. L. Anthropology. Race. Language. Culture. Psychology. Prehistory. – N.Y., 1948.

⁷ Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 2003. – 847 с. С. 30.

⁸ Культурология. XX век. Словарь / Гл. ред., сост. и авт. проекта А.Я. Левит. – СПб: Университетская книга, 1997. – 640 с.С. 450.

(П.С. Гуревич). С позиций И.С. Кона, мир детства представляет собой «автономную социокультурную реальность, своеобразную субкультуру, обладающую своим собственным языком, структурой, функциями, даже традициями»¹. Характеризуя культуру детства как «смысловое пространство ценностей, установок, способов деятельности и форм общения, осуществляемых в детских сообществах»², В.В. Абраменкова использует термин «детская субкультура».

Исследуя вышеизложенные позиции, мы пришли к выводу, что понятия «мир детства», «культура детства», «субкультура детства», «детская субкультура» тождественны.

Единого мнения о времени возникновения и авторстве термина «культура детства» не существует. С позиций И.С. Кона, он введен в научный оборот М. Гудмэн в работе «The Culture of Childhood: Child's-Eye Views of Society and Culture», опубликованной в 1970 году³. Понятия «культура» и «детство» являлись неизменными спутниками в исследованиях представителей этнологической школы (Р. Бенедикт, М. Мид, Г. Рокхайм, Дж. Уайтинг и Б. Уайтинг), характеризующих детство как часть культуры и ответственный период в ее освоении. В работах «Культура и мир детства» М.Мид⁴, «Дети шести культур» и «Психокультурный анализ» Дж. Уайтинг и Б.Уайтинг⁵ были заложены основы культурологии детства⁶. Исследования культуры детства имеют междисциплинарное значение. Широко употребляемой в современной науке является категория «субкультура детства».

¹ Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с. С. 63.

² Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.-Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с.

³ Goodman M. The Culture of Childhood: Child's-Eye Views of Society and Culture. – N.Y., 1970. – 167 p. Цит по: Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с. С. 63.

⁴ Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А.Асеева / Сост. В.И.Беликов; ред. И.С.Кон. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с.

⁵ Whiting B. B., Whiting J. W. Children of Six Cultures. – Cambridge (Mass.), 1975; Whiting B. B., Whiting J. W. A strategy for Psychocultural Research // The Making of Psychological Anthropology. – N.Y., 1979.

⁶ Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солонина, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с. С. 35.

Субкультура детства в качестве «коммуникативной системы, самовоспроизводящейся во времени»¹ существует как «особый культурный пласт»², совокупность норм, ценностей, стереотипов, вкусов, влияющих на стиль жизни, мышление, формирующих личный жизненный опыт, соотносимый с социальными и культурными нормами общества сверстников и мира взрослых. Это «продукт творческого освоения реальности»³, своего рода «культура в культуре, живущая по специфическим и самобытным законам детства»⁴. В общечеловеческой культуре она занимает подчиненное место, но вместе с тем относительно автономна и самостоятельна (Г.С. Виноградов⁵, М.В. Осорина⁶). Заявляя о своем отличии от мира взрослых, дети осваивают этот мир и самоутверждаются в нем. Субкультура детства формируется на основе коллективного опыта многих поколений детей и предстает как совокупность устойчивых форм деятельности, нацеленных на познание окружающего мира, удовлетворение потребностей ребенка в игре, коллективном творчестве, самостоятельности, участии в социальной жизни; правил, предписывающих определенное поведение; «стихия детских переживаний»⁷; способ самопознания, самовыражения, самореализации.

Обобщая значительный материал, получивший разработку в различных сферах научного знания, культурология рассматривает субкультуру в рамках концепции социализации, приобщения к культурным стандартам, присвоения из духовного фонда того, что отвечает ценностным исканиям группы⁸.

¹ Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – 731 с., с. 27-33. С. 29.

² Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства : лекции по историографии и культурной истории детства: учеб. пособие для высш. шк. – М.: Академ. проект, 2004. – 496 с. С. 406.

³ Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. – Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1995. – 256 с. С. 10.

⁴ Кудрявцев В., Алиева Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 3. – с. 87-91; № 4. – с. 64-68.

⁵ Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 8.

⁶ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 275.

⁷ Попкова Т.Д. Современная детская и юношеская субкультура в России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://childcult.rsub.ru/article.html?id=60131> (дата обращения 22.06.2014).

⁸ Культурология. XX век. Словарь / Гл. ред., сост. и авт. проекта А.Я. Левит. – СПб: Университетская книга, 1997. – 640 с. С. 450.

В широком смысле термин охватывает все то, что создано для детей и детьми, в более узком – под субкультурой детства понимают специфические ценности, установки, нормы поведения, способы и виды деятельности, формы общения, осуществляемые в детской среде в конкретно-исторической социальной ситуации развития¹. М.С. Каган² отмечает «двуслойность» культуры детства. Каждый ее пласт играет важное значение в личностном становлении и самоопределении ребенка.

В качестве рабочего мы сформулировали следующее определение: культура детства – это обособленный мир в границах общей культуры, представляющий собой совокупность устойчивых культурных форм, существующих внутри детского сообщества и транслируемых взрослыми детям в соответствии с социокультурными моделями общества. Культура детства может быть оценена как универсальная воспитательная система, обеспечивающая всестороннее развитие ребенка.

М.В. Осорина³ выделяет три основных фактора, определяющих формирование модели мира ребенка. Первый – это влияние «взрослой» культуры, активными проводниками которой являются, прежде всего, родители, а затем и другие воспитатели. Второй – это личные усилия самого ребенка, проявляющиеся в разных видах его интеллектуально-творческой деятельности. Третий – это воздействие детской субкультуры, традиции которой передаются из поколения в поколение детей и чрезвычайно значимы в возрасте между пятью и двенадцатью годами для понимания того, как освоить мир вокруг.

Контакты со взрослыми людьми не могут в полной мере возместить опыт, приобретаемый ребенком в сообществе сверстников. Детский коллектив удовлетворяет потребность ребенка в общении, самооценке, информации, которую по каким-либо причинам нельзя получить у взрослых. Общение со сверстниками позволяет выработать коммуникативные качества, стиль поведения,

¹ Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.-Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с. С. 92; Словарь по социальной педагогике / Авт.-сост. Л.В. Мардахаев. – М.: Академия, 2002. – 368 с. С. 299.

² Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с. С. 300.

³ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 14.

учит подчинению правилам, кодексу чести, самообладанию, «кует» характер, умение отстаивать собственное мнение и свои права. Уважение сверстников является для ребенка фактором, обеспечивающим обретение уверенности в себе и своих силах. Социализация, осуществляющаяся сообществом сверстников, не менее эффективна, чем социализация, осуществляемая официальными институтами. Общество дифференцирует требования, предъявляемые к молодому поколению, в зависимости от гендерной принадлежности. Поэтому, с позиций С.Б. Борисова¹, в качестве института социализации следует выделять не «сообщество сверстников» вообще, а два в большей или меньшей степени взаимодействующих или автономных сообщества – сверстников своего пола и сверстников противоположного пола.

Детские группы формируются на основе единства психологического возраста. Разница между детскими «поколениями» составляет от одного года до пяти лет – не случайно Г.С. Виноградов назвал детей «недолговечным племенем»². Несмотря на это, традиции культуры детства достаточно консервативны. В течение длительного времени сохраняются и транслируются «неписанные правила», регулирующие различные стороны детской жизни. «Основная задача детской традиции в том и состоит, чтобы подсказывать детям приемлемые и эффективные с позиций коллективного детского сознания способы поведенческой реализации своих возрастных потребностей и успешного решения типичных ситуативных задач»³.

Субкультура детства полифункциональна. Наряду с коммуникативной и компенсаторной функциями, Т.И. Калужникова⁴ отмечает антиэнтропийную (препятствующую установлению социокультурной однородности индивидов) и охранительную (направленную на «консервацию» внутренней организации данной субкультуры как сложного комплекса эстетических и нравственных

¹ Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.

² Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 3.

³ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 289.

⁴ Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка: по материалам, записанным от современных российских городских детей: автореф. дис. докт. искусствоведения. – М., 2005. – 52 с.

ценностей, специфических типов деятельности, поведенческих стереотипов, правовых норм, «тайных языков», ритуалов, фольклорных жанров. В.В.Абраменкова¹ выделяет следующие функции: социализирующую (основным агентом социализации выступает группа сверстников), психотерапевтическую (важное значение имеет детский фольклор), культуuroохранительную (сохранение в недрах детской субкультуры жанров, устных текстов, обрядов и ритуалов, утраченных современной цивилизацией) и прогностическую (прогнозирует новые пути развития субкультуры детства).

Важно подчеркнуть, что основные культурные ценности детства передаются по законам фольклорной традиции – устно. Им свойственна многовариантность, коллективность творческого процесса создания текстов и практик, устойчивость и, вместе с тем, открытость, готовность к обновлению. Содержание культуры детства динамично, в процессе социогенеза оно трансформируется, изменяется, включает как актуальные для официальной культуры модели, так и социокультурные инварианты – элементы различных исторических эпох, архетипы коллективного бессознательного, зафиксированные в детском фольклоре, языке, игровых практиках.

«Исходный материал» – игры, игрушки, мифы, сказки и другие компоненты часто заимствуются у взрослого сообщества. Однако для того, чтобы они приобрели особые социальные, психологические и воспитательные функции, детское сообщество осваивает их, включает в специфический смысловой контекст, наделяет новыми качествами и свойствами. В.Г.Виноградов, О.И. Капица, В.Т. Кудрявцев отмечают взаимосвязь детских жестов и компонентов детского общения с ритуалами взрослых (символическое «ответное» наступание на ногу, вторичный удар лбами, примирительный ритуал «Мирись, мирись, мирись...» и др.). Отдельные детские игры также являются результатом присвоения элементов «взрослой» обрядовой культуры: «Жмурки» – компонент погребального культа, «Бояре» – свадебного обряда. Приметы, распространенные

¹ Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.-Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с. С. 117.

в детской среде, часто связанные с неблагоприятными последствиями: о черной кошке, бабе с пустым ведром, о противопоставлении категорий правый-левый (глаз чешется, встать с левой ноги) и другие – выявляют «бинарные противопоставления» (Ю.М. Лотман) – оппозиции добра и зла, мира реального и потустороннего, своего и чужого, свойственные архаическим представлениям наших предков.

Современная отечественная культура детства сформирована на основе русских традиционных (обрядовых) и городских (устных и письменных) практик. Она включает детский фольклор (поэзию пестования, юмор, сатиру и др.), детскую магию, словотворчество (в т.ч. сленг), мифотворчество и философствование, детскую картину мира, стереотипы, эстетические и религиозные представления, способы и формы свободного времяпрепровождения, игровые и ритуальные действия, детский «правовой кодекс» (например, право старшинства в разновозрастных группах), рисунки, язык, моду, знаки собственности, детское собирательство, специфические способы воспитательных воздействий на сверстников, разрешения конфликтов, споров и др.¹

Наряду с устными фольклорными формами, в детской и подростковой среде фиксируются такие компоненты, как анкета, журнал, дневник, «пожеланник», «гадалка», альбом. С.Б. Борисов рассматривает ведение личного дневника в качестве одного из важнейших инструментов саморазвития, управляемого процесса социализации. По мнению автора, личный дневник не только фиксирует и сохраняет память о значимых событиях индивидуальной жизни, но выполняет также релаксационно-психотерапевтическую, квазидialogовую, культурно-игровую, литературно-творческую, аутокогнитивно-социализационную функции².

Важнейшим компонентом культуры детства являются игры. Игра выступает культурной формой, посредством которой ребенок вступает в общение с внешним

¹ Абраменкова В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640 с.; Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т. 13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с.; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.

² Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.

миром, осваивает его и самоутверждается в нем. Игра направлена «на воссоздание и усвоение общественного опыта, фиксированного в социально закрепленных способах осуществления предметных действий, в предметах науки и культуры. В игре, как особом исторически возникшем виде общественной практики, воспроизводятся нормы человеческой жизни и деятельности, подчинение которым обеспечивает познание и усвоение предметной и социальной действительности, интеллектуальное, эмоциональное, нравственное развитие личности»¹. Феномен детской игры может быть оценен с позиций Й. Хейзинги (игра как универсальная категория человеческого существования, основание и значимое свойство культуры²), Э. Финка (игра как фундаментальная особенность бытия людей, один из способов понимания самого себя, средство самовоспитания, совершенствования, утверждения человека как личности³), Ж. Пиаже (игра как естественная природная активность ребенка, в рамках которой он познает мир⁴), Г.В. Плеханова⁵ и Г. Спенсера⁶ (игра как упражняющая деятельность), К. Грооса⁷, считавшего, что развитие приспособлений для дальнейших жизненных задач составляет главную цель детства, и выдающееся место в этой целесообразной связи явлений принадлежит игре; Э. Берна⁸, отмечавшего зависимость разных вариантов игр от культуры и социального класса семьи. Игра передается от поколения к поколению, охватывает прошлое и прогнозируется на будущее, в этом состоит ее историческое значение. В.В. Абраменкова, В.М. Григорьев, И.А. Морозов, Д.Б. Эльконин отмечают социализирующую, развлекательную, коммуникативную, самореализующую и ряд других функций игровых практик детства. «Если развитие приспособлений для дальнейших

¹ Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с. С.127-128.

² Хейзинга Й. *Homo ludens*. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.

³ Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с. С. 357-402.

⁴ Пиаже Ж. Психология интеллекта / Избр. психол. труды. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с. С. 55-231.

⁵ Плеханов Г.В. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. – М.: Гослитиздат, 1956. – 248 с.

⁶ Спенсер Г. Основания психологии: в 4 т.: с прилож. ст. «Сравнительная психология человека» Г. Спенсера / перевод со 2-го англ. изд. – СПб.: И.И. Билибин, 1876; Спенсер Г. Воспитание: умственное, нравственное и физическое / Пер. с англ. М.А. Лазаревой. – М.: Изд-во УРАО, 2003. – 287 с.

⁷ Гроос К. Душевная жизнь ребенка. Перевод В.В. Деловой. Вступ. статья В.В. Зеньковского. – Киев: Издание Киевского Фребелевского общества, 1916. – 242 с.

⁸ Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М.: Эксмо, 2003. – 574 с. С. 16.

жизненных задач составляет главную цель нашего детства, то выдающееся место в этой целесообразной связи явлений принадлежит игре, <...> мы играем не потому, что мы бываем детьми, но нам именно для того и дано детство, чтобы мы могли играть»¹. «Играть в детстве – то же, что накапливать опыт, а этот накопленный опыт порождает в свою очередь новые знания, новые чувства, новые желания, новые поступки и новые способности»². Академик Г.Н. Волков обосновал этнопедагогику игры³. Это направление получило развитие в работах В.М. Григорьева⁴.

Наряду с детской игрой в качестве важнейших подсистем культуры детства И.С. Кон выделяет детский фольклор, художественное творчество, коммуникативное поведение детей⁵.

С первых минут жизни ребенок существует в заданном для него природой и обществом пространстве, в определенной звуковой среде. Звуки материнского голоса открывают малышу радость познания мира⁶. И ответом миру скоро начинают служить младенческие глоссолалии. По мнению Т.И.Калужниковой, спонтанная самореализация в звуках, которая может быть обозначена посредством синонимичных терминов «звуковая активность», «звуковое самовыражение», «звуковое поведение», «звуковая деятельность», «спонтанное пение», является одним из важнейших факторов, способствующих развитию личности ребенка на протяжении всего периода детства. Жанры спонтанного пения тесно связаны с ведущим для каждого возраста видом деятельности ребенка: в младенчестве глоссолалии малыша включаются в процесс его непосредственно-эмоционального общения со взрослыми; в раннем детстве игровыми импровизациями зачастую сопровождаются предметные манипулятивные действия; игры дошкольников озвучиваются игровыми

¹ Гроос К. Душевная жизнь ребенка. Перевод В.В. Деловой. Вступ. статья В.В. Зеньковского. – Киев: Издание Киевского Фребелевского общества, 1916. – 242 с. С. 72.

² Чуковский К.И. От двух до пяти: Книга для родителей. – М.: Педагогика, 1990. – 384 с. С. 228.

³ Волков Г.Н. Этнопедагогика. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1974. – 375 с.

⁴ Григорьев В. М. Этнопедагогика игры: Монография. – М.: Спутник+, 2009. – 226 с.

⁵ Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с. С. 63.

⁶ Мстиславская Е.В. Человек. Природа. Творчество // Естественно-историческое краеведение: прошлое и настоящее / под общ. ред. Г. В. Шляхтина. – Саратов, 2009. – 126 с. С. 157-160.

импровизациями, монологами, считалками и припевами; у младших школьников учебная деятельность соотносится со школьным фольклором, а в их личностном общении со старшими и сверстниками нередко присутствуют игровые импровизации и песни. Автор отмечает всеобъемлющее значение интонирования в детском возрасте, напоминающего «о тех исторических периодах в развитии культуры, когда музыка была основным средством коммуникации между людьми – с одной стороны, между людьми и высшими силами – с другой»¹.

Коммуникативным каналом, языком культуры детства являются тексты детского фольклора: песенки, отговорки, пародии на песни и стихи взрослых, анекдоты, загадки, магические вызывания потусторонних сил, гадания, заговоры и многие другие жанры². Детский фольклор выступает способом освоения и трансляции детской традиции. Каждый жанр детского фольклора выполняет определенную роль в личностном становлении ребенка и саморегуляции детской жизни.

Установление контактов ребенка с окружающим миром происходит путем присвоения опыта старших товарищей, многообразных собственных проб и ошибок. Наряду с практиками, положительно оцениваемыми взрослыми, детству известны традиции, неприемлемые с точки зрения педагогов и воспитателей: скатологические анекдоты, эротический детский фольклор, шалости, бойкоты и др. М.В. Осорина, В.В. Абраменкова, В.Т.Кудрявцев склонны видеть в них способ эмоциональной разрядки, проработки запретов, испытания себя и самоутверждения в группе. Аналогичные цели преследуются детьми в практике посещения опасных мест, лазаньи по деревьям и крышам. Характерно, что различные испытания сопровождали в традиции обряды инициации – посвящения в полноправные члены общины. Испытания часто происходят под девизом «на миру и смерть красна», однако встречаются ситуации, когда ребенок остается один на один со своей силой воли, страхом и ресурсами к его преодолению. В

¹ Калужникова Т.И. Автобиографическая проза как материал для изучения интонационного аспекта детской субкультуры // Человек в мире культуры. – 2012. – № 2. – с. 10-21. С. 20.

² Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с.

экстремальной ситуации совершается некое физическое или эмоциональное действие – поступок, позволяющий приобрести определенный жизненный опыт, навык овладения ситуацией и самим собой; сформировать качественно новую самооценку; повысить свой статус в глазах товарищей.

Особым компонентом культуры детства является сленг – специфический язык общения, фиксирующийся уже на границе дошкольного и школьного возраста. Использование сленга, жаргона, инвективов отражает стремление детей к независимости, самоутверждению среди сверстников. Ребенок экспериментирует, примеривается и ждет ответной реакции окружающих людей на свои действия. Легко улавливая границы дозволенного, дети обычно совсем иначе ведут себя, если рядом взрослые.

Формой индивидуализации в детском сообществе выступают прозвища («клички», «кликухи», «погоняла»). Источниками для их возникновения могут стать имя или фамилия ребенка, пристрастия, повадки, черты характера. Иногда прозвища подмечают худшие качества «обладателя» и носят характер издевки, едкой иронии. В случае прохождения ребенком определенных испытаний прозвища могут меняться, нивелировать негативный оттенок, содержащийся в них. Примечательно, что дети «клеят» не только сверстников, но и взрослых. Некоторые прозвища, представляя собой кросскультурное явление, моделируют ролевую программу отношений в группе и регламентируют поведение отдельного ребенка в социальной организации детского сообщества.

К детским и подростковым практикам относятся также эксперименты с внешностью, граффити, пересказы фильмов или историй.

Культуре детства свойственно особое отношение к тайне, ее эстетизация. Так, уже более века существует обычай зарывания в землю «секретиков» (красивых предметов: камешек, стеклянных осколков, бусин). «Секретами» называются и загнутые углы девичьего альбома с шутивными или любовными надписями. Дети изобретают «тайные языки», совершают тайные обряды

закрепления дружбы», втайне «вызывают» духов, собравшись узким кругом отдельно от взрослых и сверстников, рассказывают друг другу жуткие истории¹.

«Страшилки» – маленькие рассказы-былички, которые принято озвучивать друг другу поздно вечером, в темноте. Данную практику В.В.Абраменкова рассматривает как тренинг боязни темноты и тревожности, один из механизмов, помогающих ребенку «выработать готовность к решениям проблем, которые появятся в будущем, на следующей фазе его развития, и сформировать алгоритм адекватного действия»². «Сущность страшилки – в коллективном переживании страшного, подобно греческому трагическому театру – освобождение и очищение через катарсис, а также в выработке способов саморегуляции и норм поведения, в постижении вечных истин жизни и смерти, в стремлении сообща преодолеть страх»³. Страшилки привлекли внимание исследователей сравнительно недавно (с середины 60-х годов XX века). Однако можно предположить, что этот жанр имеет длительную историю, поскольку обнаруживает связь с известными формами потешек-пугалок и жанрами взрослого фольклора, широко распространенными в крестьянской среде XIX века.

Тексты детского фольклора часто содержат элементы пародии и инверсии (анекдоты, «черный юмор», прибаутки, небылицы и нескладухи). Инвертирование, присущее детской картине мира, является необходимым этапом детского развития. Создание образов-перевертышей («лепых нелепиц» по К.И. Чуковскому) становится для ребенка средством осмысления реалий человеческого мира в том виде, в котором они объективно существуют, ведь нарушение обычного порядка вещей, их перевертывание «с ног на голову» происходит, если ребенок относительно сориентировался в этом порядке. «Небывальщина необходима ребенку лишь тогда, когда он хорошо утвердился в “бывальщине”... нелепицы ощущаются ребенком именно как нелепицы. Он ни на

¹ Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.

² Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с. С. 26-27.

³ Абраменкова В.В. Детское сознание: проблемы демонизации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/73.htm> (дата обращения 13.07.2014).

минуту не верит в их подлинность. Навязывание предметам несвойственных им функций и признаков увлекает его как забава»¹. В перевернутом мире вода горит, безногие бегают, слепой подглядывает, глухой подслушивает. Обратная координация предметов, комическая парадоксальность явлений порождает смех (даже в том случае, если речь идет о «черном юморе»). Ребенок предается добровольному самообману, при этом четко осознает, что это игра. Фантазирование, перевертывание, пародирование являются своего рода прививкой реальности, позволяют побороть собственные страхи («черный юмор»), осознать нормальный порядок вещей. «Не стал бы народ так упорно, в течение стольких столетий, предлагать новым и новым поколениям детей такое множество этих своеобразных произведений поэзии, если бы они не способствовали совершенствованию психической жизни ребят»².

Самый молодой жанр детского фольклора – садистский стишок – получил распространение с конца 70-х годов XX века и к настоящему времени нивелирован. Если пугалки, вызывающие в конечном итоге смех, обладают продуктивным творческим потенциалом, заставляя детей смеяться над своими страхами, то появление садистских стишков связано с поэтизацией жестокости. Это соревнование в кощунственной остроумии, когда осмеиваются все ценности – семейные, дружеские, социальные. Здесь смех не добродушный, а агрессивный, разрушающий внутренние и общественные табу³.

Проявления «черного юмора» В.В. Абраменкова связывает с причинами социального и психологического плана, в том числе с воздействием средств массовой информации, при этом акцентирует внимание на том, что дети 9-12 лет испытывают потребность в проговаривании ужасного (страшных историй, случаев), становящегося своего рода коллективным соревнованием в «остроумии» и иронии.

¹ Чуковский К.И. От двух до пяти: Книга для родителей. – М: Педагогика, 1990. – 384 с. С. 219.

² Там же: с. 222.

³ Абраменкова В.В. Детское сознание: проблемы демонизации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/73.htm> (дата обращения 13.07.2014).

Исследователи¹ указывают на психотерапевтическую функцию произведений «черного юмора», сочетающего смешное с ужасным или трагическим. «Черное» отражает интерес к теме смерти, потребность в выработке «техники безопасности» поведения в сложных жизненных обстоятельствах, коллективного переживания и изживания страхов. Высмеивая ситуации, пугающие его, ребенок как бы отстраняется, видит себя со стороны более сильным, неуязвимым, смелым. «Карнавальный, очищающий смех»² оказывается победой над собственными эмоциями. Не случайно аналогии страшным историям и садистским стишкам находятся в жанрах взрослого фольклора – легендах, быличках, жестоких романсах. Таким образом, можно говорить об инверсии (переиначивании явлений, предметов и ценностей) как о специфическом способе художественного освоения действительности. Средствами пародии и инверсии дети отстраняют превращенный образ взрослости, реальное зло обыденной жизни, тиражируемое средствами массовой информации.

Вечные детские вопросы, догадки и открытия служат проводниками на пути постижения вещей и истин. И это объяснимо. Детство – время размежевания границ – добра и зла, своего и чужого; время поисков и обретения целостности мировосприятия. Отдельные аспекты детского философствования освещены в работах М.В. Кларина, Н.П. Французовой, М.В. Осориной и др. Каждый ребенок естественно суеверен и религиозен (В.В. Абраменкова³, В.В. Розанов⁴). Детская вера в сверхъестественные силы активизирует механизмы освоения мистического и божественного пространств. Духовность выступает компонентом культуры детства, обеспечивающим вектор нравственного развития.

Таким образом, каждое проявление детской субкультуры имеет определенное функциональное значение и воспроизводится новыми поколениями

¹ Абраменкова В.В.: там же; Бутенко И.А. Из истории черного юмора // Социологические исследования. – 1994. – № 11. – с. 148-153; Кудрявцев В.Т. Психология развития человека. Основания культурно-исторического подхода. – Рига: ПЦ «Эксперимент», 1999. Ч. I. – 160 с.

² Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.

³ Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с. С. 18, 25.

⁴ Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992. – 399 с.

детей. С позиций В.Т. Кудрявцева¹, присваиваемый ребенком социокультурный опыт является источником детского развития и культуротворческой деятельности, направленной на умножение совокупного креативного потенциала человечества и, следовательно, механизмом объективно-исторического поступательного развития культуры.

Ребенок живет скорее чувствами, нежели разумом и эмоционально окрашивает все, с чем соприкасается на пути познания «что такое “хорошо” и что такое “плохо”». В дошкольном детстве приоритетными общечеловеческими качествами, значимыми для ребенка, являются мир, дружба, забота (о домашних питомцах, младших товарищах). В подростковом возрасте на первое место выходят солидарность, честность, справедливость, надежность. Однако нельзя не отметить, что за прошедших два-три десятилетия дети существенно изменили систему нравственных координат. Тенденциями современного детства являются все возрастающие равнодушие, эгоизм, склонность к силовому решению конфликтов, панибратское отношение с большинством взрослого окружения.

Д.Б. Элькониным выработан исторический подход к онтогенезу и гипотеза об историческом происхождении периодов детства². В рамках этого подхода получила разработку категория «кризис детства» (критический период в историческом развитии детства)³. Исторический кризис детства имеет фазы «затуханий» и «обострений». Катализатором современного кризиса стали социально-политические процессы, произошедшие в России в конце 1980-х – 1990-х годах XX века. Социальный кризис привел к неопределенности детско-взрослых взаимоотношений, утрате воспитательных идеалов. Свидетельствами неблагополучия в системе детской жизни являются данные об ухудшающемся здоровье детей, рост детской преступности, кризис игровой культуры (распад

¹ Кудрявцев В.Т. Идея историзма в психологии развития: автореф. дис. докт. психол. наук. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissertat.com/content/ideya-istorizma-v-psikhologii-razvitiya-teoret-metodol-issled> (дата обращения 20.02.2015).

² Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с: ил.

³ Венгер А.Л., Слободчиков В.И., Эльконин Б.Д. Проблема детской психологии и творчество Д.Б. Элькониной // Вопросы психологии. – 1988. – № 3. – с. 20-29; Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – с. 37-49; Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. – 1992. – № 3. – с. 7-13.

сюжетно-ролевой игры и ослабление игровых интерактивных форм совместной деятельности), дезорганизация детских сообществ и дегуманизация межличностных отношений внутри группы, увеличение случаев детского инфантилизма и крайней жестокости, трансформация детской картины мира и ряд других.

Б.Д. Эльконин¹ видит причины кризиса в «неявленности» идеальной формы (образа совершенной взрослости) детям. С позиций ученого, это кризис определенного детства, того, «в котором освоение культуры и взросление было единым процессом, т.е. взросление выступало как освоение культуры, а освоение культуры представлялось всему сообществу и, конечно, ребенку как взросление»². Речь идет о детстве, характерном для традиционных обществ, в которых образ абсолютной взрослости (самостоятельного и ответственного действия, проекция собственных будущих возможностей) задавал траекторию личностного развития, возрастные переходы маркировались посредством обрядовых практик и инициаций, являющихся проверкой готовности к новым видам деятельности, актами снятия определенных возрастных запретов.

Традиционно взросление предполагало постепенное, последовательное освоение окружающего пространства, поведенческих форм и знаний. Общество дозированно открывало детям (по мере их взросления) содержания и смыслы. Сегодня этот процесс – в силу всеобщей доступности информации – неконтролируем. Доступ в интернет и телекоммуникационные каналы разрушили границы и фильтры. Согласно Н. Постману³, появление феномена детства было связано с изобретением типографского станка (появлением книгопечатания) и распространением грамотности, которой следовало учиться у взрослых. «Исчезновение детства» – его кризис – ученый объясняет засилием электронных медиа, стирающих границу между детством и взрослостью, снимающих социальные запреты, ценности возрастных ограничений и дисциплины, а также

¹ Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. – 1992. – № 3. – с. 7-13.

² Там же: с. 10-11.

³ Postman N. The Disappearance of Childhood. – N.Y.: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1994.

упадок семьи и утрату традиций. «Без социальных секретов детство немислимо»¹. В традиционном обществе темные стороны жизни до определенного времени скрывались от детей, приобщение к взрослым тайнам было дозированным и щадящим. Например, сказка, быличка позволяли ребенку интегрировать полученную «секретную» информацию в общую картину мира. По мнению Н. Постмана², рычагами, способными удержать детство, не дать ему исчезнуть, являются полная семья, создающая определенные цензурные фильтры, стереотипы поведения и восприятия; выработка у детей критического отношения к происходящему на экране. Эту же позицию разделяет В.В. Абраменкова, отмечающая, что устранение негативных факторов современной социальной ситуации развития детства, гуманизация отношений ребенка с миром возможны на основе укрепления института семьи, организации игровых и образовательных пространств, деятельности детских общественных и творческих организаций, воссоздания различных форм детской субкультуры³.

Проблематика, связанная с социальными рисками в детской среде, имеет междисциплинарное значение, но наиболее разработана в социологии. С позиций данной области научного знания детство оценивается как «структурный компонент общества, отражающий социальные и культурные изменения»⁴, период освоения социальных ролей, норм и ценностей (первичной социализации); анализу подвергаются проявления и формы субкультуры детства, политика государственного регулирования в интересах детей.

Возрастная периодизация детства обуславливается традициями общества и имеет различные границы на разных исторических этапах. Современное детство протекает в условиях все более увеличивающегося и усложняющегося информационного потока. Необходимость его освоения, а также ряд социальных условий способствуют увеличению хронологических рамок детства.

¹ Ярин А. Нейл Постман. Исчезновение детства // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 17-30. С. 24.

² Postman N. *The Disappearance of Childhood*. – N.Y.: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1994.

³ Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с.

⁴ Щеглова С.Н. «Социология детства» как элективный курс. Опыт преподавания // Социс. – 2003. – № 6. – с. 109-113. С. 109.

Отечественные психологи¹ обычно выделяют стадию новорожденности (от момента появления на свет до двух месяцев); младенческий возраст (от 2 месяцев до 1 года); раннее детство (от 1 года до 3 лет); дошкольный (от 3 до 6-7 лет); младший школьный возраст (от 6-7 до 10-11 лет). В соответствии с Конвенцией о правах ребенка² возрастные рамки детства охватывают период от рождения до 18-летнего возраста, если по закону, применимому к данному ребенку, он не достигает совершеннолетия ранее. Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»³ устанавливает те же возрастные границы.

При определении границ детства в данном исследовании мы ориентируемся на возраст от рождения до 11 лет включительно. Однако необходимо отметить, что наряду с термином «дети» часто употребляется выражение «дети и подростки», что характеризует схожесть процессов, происходящих на границе этих возрастных этапов. Окончанием детства мы считаем период, отмеченный сформированностью основных качеств активной личности.

Интерес к миру детства в русской традиционной культуре год за годом возрастает. Разработана инфраструктура изучения детства⁴, отмечается рост публикаций, создан Библиографический указатель работ по истории детства⁵. Анализу подвергаются различные аспекты детской жизни: быт, фольклор, общественные взгляды, идеалы, права, положение в обществе, особенности воспитания и др. В качестве значимого компонента культуры детства изучается детский фольклор, его этнографическое окружение, специфика, роль в развитии

¹ Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб: Союз, 1997. – 220 с.; Кулагина И.Ю. Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет). 5-е изд. — М.: Изд-во УРАО, 1999. – 176 с. и др.

² Конвенция о правах ребенка / Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года, вступила в силу 2 сентября 1990 года. – М.: РИОР, 2007. – 24 с.

³ Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155182/ (дата обращения 23.08.2013).

⁴ Наиболее показательным является международный семинар «Культура детства: нормы, ценности, практики», действующий на базе РГГУ, суммирующий разнообразную исследовательскую деятельность российских и зарубежных специалистов (см. URL: <http://childcult.rsuh.ru>).

⁵ Библиографический указатель работ по истории детства (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / Сост. В.Г. Безрогов, О.Л. Шенягина. – М., 2009. – 53 с.

ребенка. Так, Г.М. Науменко¹ исследует особенности детского интонирования, специфику бытования и вариантность музыкально-поэтических текстов, Т.И. Калужникова² – стереотипы звукового поведения ребенка, Н.А. Подчередниченко через призму детского музыкального фольклора анализирует детскую картину мира. Особое внимание уделяется культурным текстам, авторами которых являются сами дети (в т.ч. особенностям их функционирования в культуре и проблемам интерпретации). Этнографические исследования направлены на реконструкцию категорий и смыслов детской жизни в зависимости от культурно-исторического контекста.

Выводы. Научные подходы, получившие развитие в различных областях социогуманитарного знания, выявляют неразрывную связь в триаде «ребенок – культура – общество». Культура детства – это обособленный мир в границах общей культуры, представляющий собой совокупность устойчивых культурных форм, существующих внутри детского сообщества и транслируемых взрослыми детям в соответствии с социокультурными моделями общества. Современная отечественная культура детства сформирована на основе русских традиционных (обрядовых) и городских (устных и письменных) практик. Основные культурные ценности детства передаются по законам устной фольклорной традиции.

1.2. Русский фольклор как источник изучения культуры детства

Фольклор – это «специфическая область художественной деятельности народа»³, представляющая «своеобразную проекцию, общий контур жизненно важных в культурной традиции смыслов, значений, способов реализации

¹ Науменко Г.М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I. – М.: Композитор, 1999. – 552 с., ил.; Науменко Г.М. Фольклорная азбука. Методика обучения детей народному пению. – М.: Современная музыка, 2013. – 138 с., илл., нот.; Этнография детства: Сборник фольклорных и этнографических материалов / Запись, сост., нотации и фотографии Г.М. Науменко. Рис. Г.А. Скотиной. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.: ил., нот. и др.

² Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка: по материалам, записанным от современных российских городских детей: автореф. дис. докт. искусствоведения. – М., 2005. – 52 с.

³ Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи / Сост., ред., предисл. и прим. Б.Н. Путилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с. С. 9.

нормативных связей, отношений с окружающей средой»¹. Опосредованно отражая этнографическую действительность, фольклор «инкорпорирует описание множества сторон и деталей материальной, социальной и духовной жизни»² и выступает для исследователей ценнейшим источником, зеркалом культурных традиций того народа, социальной группы, к которым принадлежит. Анализ детских фольклорных текстов и практик, предполагающий учет событийного ряда, социального окружения, контекста, в котором имеет место коммуникация³, позволяет оценить нравы, царящие в ту или иную эпоху, социально-культурные изменения в обществе; систему детских представлений о различных жизненных явлениях, потребности и интересы; выявить, как в народной традиции осуществлялось духовное и физическое развитие ребенка; какими средствами формировались навыки, отношение к труду, правила поведения, взгляды на общественную жизнь.

Традиции исследования русского детского фольклора были заложены в XIX веке. Интерес к «народной словесности» возник в среде образованных дворян, увлеченных идеями романтизма и народности. В русской традиционной культуре, фольклоре неграмотного крестьянства, воспринимаемого как сословие, отличное в социальном и культурном плане, интеллигенция искала следы великого исторического прошлого России, истоки национальной культуры. Постепенно границы между культурами стали рассматриваться не только в сословном, но и в возрастном разрезе. Исследователи «заметили» детей, с их верованиями, быличками, магическими текстами закличек, многообразием игр, самобытностью языка и традиций. Так, историк Н.И. Костомаров⁴ использовал тесты детского фольклора для характеристики нравов и быта русского народа.

¹ Мехнецов А.М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы / Сост. Е.А. Валевская, К.А. Мехнецова; Вст. ст. Г.В. Лобковой. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 440 с. С. 28.

² Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 239 с. С. 109.

³ Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир / Сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. Вып. 8. – М.: ГЦРФ, 2005. С. 22-41.

⁴ Костомаров Н.И. О цикле весенних песен в народной южнорусской поэзии // Маяк. – 1843. – Т. 11. – № 21. – с. 58-71; Костомаров Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии. – Харьков: Унив. тип., 1843. – 214 с.

Распространение идей И. Песталоцци о нравственном воспитании, учитывающем индивидуальные особенности ребенка, и Ф. Фребеля, утверждавшего, что очень важно в целях художественного и эстетического воспитания и развития детей привлекать фольклорный материал, оказало значительное влияние на собирателей фольклора и способствовало появлению сборников, содержащих детские тексты.

Начало собиранию детских произведений было положено И.П. Сахаровым¹, А.В. Терещенко², Е.А. Авдеевой³, В.А. Поповым⁴, чьи печатные издания середины XIX века включают тексты колыбельных, прибауток, потешек, закличек, игр. В 1842-1863 годах публикации детских произведений появлялись в журнале А.О. Ишимовой «Звездочка». Отдельные образцы детского фольклора содержит издание В.И. Даля⁵.

Начиная с 1851 года в «Чтениях общества истории и древностей российских» при Московском университете печатались детские песни, записанные П.В. Шейном (1826-1900). Они вошли в изданный в 1870 году сборник «Русские народные песни»⁶. Следует отметить, что этот автор был в числе первых исследователей, обративших внимание на сюжетное и жанровое многообразие детских текстов. П.В. Шейн не только выделил «песни детские» в самостоятельный раздел, но и предпринял попытку их классификации, что нашло отражение в работе «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п.»⁷. Изыскания П.В. Шейна продемонстрировали художественные достоинства образцов устной народной детской поэзии, что

¹ Сахаров И.П. Песни русского народа : Ч. 1-5. – СПб.: тип. Сахарова, 1839. – 494 с.; Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым: Т. 1-2. – СПб.: тип. Сахарова, 1841-1849. Т. 1. – 1841. – 602 с., Т. 2. – 1849. – 679 с.

² Терещенко А.В. Быт русского народа / Соч. А. Терещенки. – Санкт-Петербург : тип. военно-учебных заведений, 1848. – в 7 т.

³ Авдеева Е.А. Из воспоминаний // Отечественные записки. – 1849. – т. 63. – № 4.

⁴ Попов В.А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр // Вологодские губ. ведомости. – 1860. – 3 дек. – № 49.

⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: тип. Моск. ун-та, 1862. – 115 с.

⁶ Русские народные песни, собранные П.В. Шейном / Издание общества истории и древностей российских. – Ч. 1. – М.: тип. ун-та, 1870. – 568 с.

⁷ Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. – СПб.: тип. Император. академии наук. Вып. I. – 1898. Вып. II. – 1900.

способствовало активизации интереса к детским текстам фольклористов, этнографов, музыкантов, педагогов. Так, основоположник научной педагогики в России К.Д. Ушинский в 1864 году издал книги «Родное слово»¹ и «Детский мир»², акцентировав внимание на исключительной роли родного языка и фольклора в становлении ребенка, соразмерности воспитательных целей национальному характеру. В 1860-1870-х годах XIX века в журнале «Учитель» печатались произведения детского фольклора, снабженные комментариями и анализом с точки зрения их значения в детском развитии.

В 1868 году П.А. Бессонов выпустил книгу «Детские песни»³, включающую 150 текстов, сопровождаемых комментариями. Это был первый самостоятельный сборник детского фольклора. В детской устной поэзии автор искал ответы на вопросы о том, «как и на чем вырастают в народе творческие песенные силы по ступеням и летам возраста, какими стихиями питаются “врастающие в жизнь новые людские поколения”, в каком зачатке формируются здесь образы поэтические при малых еще собственных средствах детей»⁴. В 1869 году вышла книга Е.А. Черкасской «Детские колыбельные песни и прибаутки, с литографиями и нотами; посвящено русским детям», переизданная затем под названием «Песни колыбельные и детские прибаутки»⁵. Почти одновременно увидел свет этнографический сборник В.Ф. Кудрявцева «Детские игры и песенки Нижегородской губернии»⁶.

Открытие этнокультурных смыслов российского детства было во многом обусловлено деятельностью врачей Е.А. Покровского, В.Ф. Демича, Г.И. Попова, которыми зафиксированы этнографические сведения о традиционных способах ухода за ребенком.

¹ Ушинский К.Д. Родное слово: Год первый. – СПб.: тип. Рогальского и К°, 1864. – 111 с.; Ушинский К.Д. Родное слово: Год второй. – СПб.: тип. Гл. арт. упр., 1864. – 156 с.

² Ушинский К.Д. Детский мир. Ч. 1-2. – СПб.: Тип. В.А. Рогальского и К°, 1864. – 562 с.

³ Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с.

⁴ Цит. по: Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 391-392.

⁵ Черкасская Е.А. Песни колыбельные и детские прибаутки. – 2-е изд. – Страсбург: тип. Зильбермана, 1870. – 39 л., 8 с. нот.: ил.

⁶ Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. – 1871. – т. IV. – с. 167-238.

Покровский Егор Арсеньевич (1838-1895) – русский педиатр, психолог, антрополог, с 1878 года – председатель Медицинской комиссии Императорского общества любителей естествознания, археологии и этнографии, идейный вдохновитель антропологических выставок. Он собирал «детский материал» со всех концов Российской империи: одежду, игрушки, описания быта, традиций. Итогом собирательской и научной деятельности стали многочисленные труды¹. Наиболее известный из них – «Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной)»² – содержит описания игр и связанные с ними произведения устной поэзии ряда российских губерний и Кавказа. Детские игры, с позиций автора, являются незаменимой школой физического, умственного и нравственного воспитания.

Большое влияние на формирование отношения общественности к детству и детскому фольклору оказали изыскания и творческая интерпретация фольклорных произведений, представленные в изданиях 70-90-х годов XIX века. В этот период печатались небольшие музыкальные сборники детских песен, игр, сказок с напевами, предназначенных для детского исполнения³. Среди них примечательны: сборник одноголосных детских песен и подвижных игр с русскими народными мелодиями Е.Н. Водовозовой⁴, включающий 39 народных песен с аккомпанементом фортепиано, который написал А.И. Рубец; и сборник «Детские песни на русские и малороссийские напевы с аккомпанементом

¹ Покровский Е.А. Первая пища русского ребенка. – М., 1880. – 8 с.; Покровский Е.А. Значение детских игр в отношении воспитания и здоровья. – М., 1884. – 24 с.; Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. – М., 1884. – 380 с.; Покровский Е.А. Первоначальное физическое воспитание детей. Популярное руководство для матерей. – М., 1888. – 263 с.; Покровский Е.А. Детские игры и гимнастика в отношении воспитания и здоровья молодежи: Докл., читанный в IV секции (школьной) Русского общества охраны народного здоровья в СПб. 11 сент. 1893. – СПб., 1893. – 40 с.; Покровский Е.А. О первых приемах воспитания у разных народов // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. – 1879 г. – т. 35. – вып. 1-3. – с. 133-136.

² Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной). – М., 1887. – 368 с.

³ Петушок. На забаву малышам. – СПб., 1870.; Родные звуки. Песенки малютки – СПб., б.г.; Народные песни. Книжка для школ, № 23. – М., 1871; Школьные напевы / Сост. А. Васс – Приложение к журн. «Народная школа» – СПб., 1871; «Сборник песен для школ» – Рига, 1893.

⁴ Водовозова Е.Н. Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста с приложением чертежей и сборника детских песней и подвижных игр с народными мелодиями / Музыка А.И. Рубца. – СПб.: тип. А.М. Котомина, 1871. – 245 с.

фортепиано» М.А. Мамонтовой¹, состоящий из 24 песен. Значительным событием явилось издание в 1875 году в Петербурге сборника «Гусельки», содержащего 115 колыбельных, детских песен и прибауток с голосами и аккомпанементом фортепиано. Сборник получил одобрение совета профессоров Петербургской консерватории и имел большую популярность: в дальнейшем «Гусельки»², расширенные составителями сначала до 128, а позже до 150 номеров, переиздавались до 1917 года 29 раз. В 1875 году вышел «Русский детский песенник»³ композитора А.С. Фаминцына, включивший, помимо песен с народными напевами, несколько прибауток и игр. В 1876 году Н.Я. Афанасьев опубликовал в сборнике «Детские песни»⁴ традиционные колыбельные, потешки, прибаутки. Как пособие для организации подвижных игр и детских праздников составил фольклорный сборник «На память детям»⁵ В.Л. Поляков. Н.П. Артемьев поместил заклички, потешки и прибаутки в книгу «Бубенчики»⁶. Так самые разные жанры детского фольклора становились объектом внимания образованной части русского общества.

Исследования детского быта и фольклора постепенно приобретали региональную направленность. Материалы по приволжскому детскому фольклору нашли место в работах А.Ф. Можаровского «Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях»⁷, «Из жизни крестьянских детей Казанской губернии»⁸. Большой интерес для изучения быта и

¹ Мамонтова М.А. Детские песни на русские и малороссийские напевы с аккомпанементом фортепиано / Ред. П.И. Чайковский. – М.: изд. И.А. Мамонтова, 1875. – 56 с.

² Гусельки: 128 колыбельных, детских и народных песен и прибауток: с голосами и с аккомп. фортепиано / собрали Н. Х. Вессель и Е. К. Альбрехт. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1876. – 96 с.

³ Русский детский песенник: Собрание песен с нар. напевами / Сост. А. Фаминцын. Ч. 1-2. – Leipzig: тип. Бера и Германа, 1875. – 66 с.

⁴ Афанасьев Н.Я. Детские песни / с аккомп. фортепиано. В 14-ти тетр. – М.: Изд. авт., ценз. 1876.

⁵ Поляков В.Л. На память детям: Игры, хороводы, гимны на 1, 2 и 3 голоса а capella: Пособие для семьи, школ и детских садов при устройстве подвижных игр и детских праздников / Собрал В. Поляков. – М.: Юргенсон, б.г. – 46 с.

⁶ Артемьев Н.П. Бубенчики: Новейший сборник: 50 детских песен: для фортепиано с надписанным текстом / Муз. аранж. Николай Артемьев. – СПб.: Давингоф, ценз. 1893. – 47 с.

⁷ Можаровский А.Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1877. – Т. 28. – Кн. 4. – С. 102-139.

⁸ Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. – Казань, 1882. – 95 с.

словесности детей представляют труды: «Поверья и обычаи Сургутского края»¹ И.Я. Неклепаева, включающий раздел детских игр с относящимися к ним словесными произведениями; «Детские песни и игры»² В.Н. Добровольского, размещенный в «Смоленском этнографическом сборнике», а также работа П.Н. Тиханова «Брянский говор. Заметки из области русской этнологии»³, где имеются замечания о переходе обычаев в детскую среду, справки по истории возникновения игр.

Публикации детского фольклора, материалы и исследования размещались в журналах «Этнографическое обозрение» (1889-1916 гг.) и «Живая старина» (1890-1916 гг.): «Народные колыбельные песни»⁴ А.В. Ветухова, «Наброски из мира народной педагогики»⁵ И.Н. Мамакина, «Игры крестьянских детей Казанской губ., Свияжского у., села Бежбатман»⁶ А.Ф. Можаровского; «Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии»⁷, «Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии»⁸ А.В. Балова и др. Интересный фактический материал, выявляющей роль обрядовых песен в культуре детства, представлен В.Н. Харузиной в работе «Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни»⁹.

Записи детских песен осуществлялись часто не в местах бытования песен от подлинных носителей фольклора, а от лиц, оторванных от крестьянской среды, по памяти, в виде свободного «авторского пересказа», с многочисленными наслоениями, переосмыслениями, искажениями исконного смысла и формы. Тем не менее, большая часть публикаций детского музыкального фольклора XIX и

¹ Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. – Т. 30. – Омск. – 1903. – с. 27-230.

² Добровольский В.Н. Детские песни и игры // Смоленский этнографический сборник. – М., 1903. – Ч. IV. – с. 472-498.

³ Тиханов П. Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. – СПб.: тип. Имп. АН, 1903. – 263 с. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – т. 76. – № 4.

⁴ Ветухов А.В. Народные колыбельные песни // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2-3. – с. 127-142.

⁵ Мамакин И.Н. Наброски из мира народной педагогики // Живая старина. – 1894. – вып. 2. – с. 294-298.

⁶ Можаровский А.Ф. Игры крестьянских детей Казанской губ., Свияжского у., села Бежбатман // Живая старина. – 1899. – вып. 3-4. – с. 432-442.

⁷ Балов А.В. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 3. – с. 90-115.

⁸ Балов А.В. Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина. – 1901. – вып. 1-2. – с. 116-120.

⁹ Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. – М. : Унив. тип., 1911. – 78 с. Отт. из: Этнографическое обозрение, Кн. 88-89.

первой четверти XX века имеет большую художественную, этнографическую и историческую ценность. По лучшим из этих изданий мы получаем представление о детских песнях, играх и обрядах, которые бытовали в то время; узнаем об изменениях, которые происходили в детском репертуаре.

Значительный интерес к детскому фольклору проявляли русские композиторы. Нередко они сами собирали фольклор и выступали в роли составителей сборников народных песен, непременно включали в них детские образцы – колыбельные, потешки, игровые напевы. Так, произведения детского фольклора содержит «Сборник русских народных песен»¹ Н.А. Римского-Корсакова, вышедший в Петербурге в 1876 году. Напевы детских песен композитор использовал в своем творчестве. Например, мелодии колыбельной «Баюшки, баюшки» и потешки «Ладушки» вошли в оперу «Сказка о царе Салтане». Напев потешки «Идет коза рогатая» из названного сборника звучит в увертюре и финале оперы «Русалка» А.С. Даргомыжского. Опираясь на типичные народные попевки, образы сказок, колыбельных, потешек, прибауток, закличек, дразнилок, А.К. Лядов создал обработки 18 детских песен для голоса с фортепиано² (опусы 14, 18, 22, изданы в Лейпциге в 1890 году). В оперу М.П. Мусоргского «Борис Годунов» вошли напевы детских прибауток и игра «В хлёт». В опере А.Н. Серова «Вражья сила» исполняется прибаутка «Как у нас-то козел». П.И. Чайковский редактировал сборник М.А. Мамонтовой «Детские песни на русские и малороссийские напевы»³. И.Ф. Стравинский создал ряд вокальных миниатюр для голоса и фортепиано на тексты прибауток и скороговорок. Обработки произведений детского фольклора также имеют место в творчестве С.М. Ляпунова, А.Н. Черепнина, М.М. Ипполитова-Иванова, В.С. Калинникова. Значительную роль детский фольклор сыграл в творчестве А.Т. Гречанинова. Первый из его сборников для детей – «Ай, дуду! Шесть детских песен на

¹ Римский-Корсаков Н.А. Сборник русских народных песен: Ч. 1. №№ 1-40: Ор. 24. – СПб: В. Бессель и К^о, 1876. – 82 с.

² Лядов А.К. Детские песни на народные слова для голоса с фортепиано. – М.: Композитор, 1994. – 31 с.

³ Мамонтова М.А. Детские песни на русские и малороссийские напевы с аккомпанементом фортепиано / Ред. П.И. Чайковский. – М.: изд. И.А. Мамонтова, 1875. – 56 с.

народный текст»¹ – включает обработки колыбельных, прибауток и календарных песен для голоса и фортепиано; следующий сборник – «Петушок. Сборник русских народных песен для детей»² – содержит 12 образцов, подобранных из сборников «Великорус в своих песнях...» и «Школьного сборника». Примечательно творчество Г.Г. Лобачева, издавшего в Москве в 1929 году «Маришкины песни»³ – обработки 10 детских песен, напетых известной народной исполнительницей Ольгой Ковалевой.

В 1920-х годах, когда молодой Страной Советов предпринимались попытки изучения фольклора различных социальных групп в целях агитации, воспитания и формирования личностных качеств будущих строителей светлого «завтра», активизировались исследования детского фольклора и закрепился сам термин. В этот период вышла в свет статья А.М. Поповой «Детские игры и забавы в сибирской деревне»⁴, содержащая тексты детских песен и описание тридцати игр, и работа М.М. Зимина «Жизнь костромских деревенских детей в народной поэзии»⁵, опубликованная в ежемесячном журнале Костромского губкома ВКП(б), что свидетельствовало о придании особого значения вопросам изучения детского фольклора в новых исторических реалиях.

Первое определение объема, содержания и границ жанровой группы «детский фольклор» принадлежит Г.С. Виноградову (1886-1945), рассматривавшему данный феномен как совокупность словесных произведений, явление «обособленного детского быта и обособленной детской жизни»⁶. В 20-30-х годах XX в. Г.С. Виноградовым проведена углубленная разработка вопросов традиционного детского творчества, быта и языка детей на этнографической

¹ Гречанинов А.Т. Ай, дуду! 6 детских песен на народный текст / для 2-х голосов с сопр. фортепиано. Соч. 31. – М.: Гутхейль, 1903. – 27 с.

² Гречанинов А.Т. Петушок: Сборник русских народных песен для детей с сопр. фортепиано. Соч. 39. – М.: Гос. изд-во. Муз. сектор, 1926. – 21 с.

³ Лобачев Г.Г. Маришкины песни. / Напевы О.В. Ковалевой / для голоса с фортепиано. Соч. 11. – М.: Гос. изд-во, муз. сектор, 1929. – 17 с.

⁴ Попова А.М. Детские игры и забавы в сибирской деревне (село Распутино, Яндинской волости, Балаганского уезда, Иркутской губернии) // Сибирская живая старина : этнографический сборник / Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. – Иркутск, 1923. – Вып. 1. – с. 106-120.

⁵ Зимин М.М. Жизнь костромских деревенских детей в народной жизни // Октябрь [Кострома]. – 1926. – № 4. – с. 53-58; № 7-8. – с. 65-67.

⁶ Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 398.

основе. На протяжении 20 лет он собрал большое количество детских текстов. Многие из этого материала ему удалось опубликовать и научно интерпретировать в ряде статей и сборников¹. Г.С. Виноградов настойчиво искал форму, дающую возможность нарисовать «наиболее полную картину детской жизни»², и пришел к выводу, что решению этой задачи может помочь «обстоятельно составленный детский календарь»³. В нем нашлось место образцам детского обрядового фольклора и сатирической лирики, праздничным развлечениям с участием детей и типичным ребяческим шалостям; особое внимание автор направил на описание различных видов детского крестьянского труда и обычных для детей способов времяпровождения, различавшихся по сезонам.

С позиций Г.С. Виноградова, детский быт в целом, детские игры, забавы, развлечения, песни и труд, отношение к миру взрослых, к миру животных и растений не могут изучаться без знания общих условий детской жизни; «их следует изучать <...> в условиях реальной обстановки, реальной жизни <...> во всех ее проявлениях»⁴. Автор показал, что межпоколенная трансляция культуры осуществляется при помощи двух встречных потоков: путем передачи культурного наследия от старшего поколения к младшему и путем «врастания» нового поколения в жизнь взрослых. Автор подчеркивал воспитательную направленность и необходимость изучения детского фольклора, позволяющего оценить, «каким путем мы вступаем во владение культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями»⁵.

¹ Виноградов Г.С. Детский народный календарь. – Сибирская живая старина. – 1924. – вып. 11. – с. 55-86; Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Библиотека собирателя / Этнологическая секция ВСОРГО; Вып. 3. – Иркутск, 1925 – 84 с.; Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика // Сибирская живая старина. – 1925. – Вып. 3-4. – с. 65-106; Виноградов Г.С. Народная педагогика // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 5. – с. 1-28; Виноградов Г.С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 6. – с. 87-112; Виноградов Г.С. Детский фольклор в школьном курсе словесности // Русский язык в школе. – 1927. – № 2. – с. 52-66, № 3. – с. 84-97; Виноградов Г.С. Детские игровые прелюдии // Сибирская живая старина. – 1929. – Вып. 7-8. – с. 119-174; Виноградов Г.С. Из наблюдений за детским потешным фольклором. Сечки // Детский быт и фольклор. – Л., 1930. с. 13-20; Виноградов Г.С. Иркутский детский фольклор. – Иркутск: Изд-во Иркутской Секции научных работников, 1930. – 234 с.

² Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 11.

³ Там же.

⁴ Там же: с. 7.

⁵ Там же: с. 10.

Большая роль в деле собирания и популяризации текстов детского фольклора принадлежит О.И. Капице (1866-1937). По ее инициативе в 1927 году при Русском географическом обществе была организована Комиссия по детскому фольклору, быту и языку. В течение нескольких лет члены этой комиссии собрали более восьми тысяч образцов детских песен, сказок, загадок. Наиболее значимыми работами О.И. Капицы стали «Поэзия крестьянских детей»¹, «К вопросу об изучении детского фольклора»²; большой сборник «Детский фольклор»³.

Однако необходимо отметить, что с позиций эстетики страны Советов, высокой художественной ценностью обладали былины, песни исторические и лирические, средством агитации служили частушки. Возникший было интерес к детскому фольклору, понимаемому преимущественно не как «фольклор детей», а как «фольклор для детей» (т.е. колыбельные песни, пестушки, потешки, прибаутки), стал ослабевать. «Маргинальные» жанры: дразнилки, считалки, небылицы и пр. – попали в опалу и надолго выпали из поля зрения отечественных исследователей.

В довоенные и послевоенные годы XX века наблюдался спад интереса к детскому фольклору. С позиций С.М. Лойтер это объясняется тем, что в идеологические постулаты советской политизированной парадигмы детства не вписывался «сам материал обособленного, автономного, изолированного от воздействия взрослых детского фольклора»⁴. Из публикаций периода с середины 1930-х по начало 60-х годов примечательны филологические статьи М.Г. Китайника «Поэзия старшего дошкольника»⁵, «Детский фольклор и детская литература»⁶; работы «Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор»⁷ В.П. Аникина; «К вопросу о детском

¹ Капица О.И. Поэзия крестьянских детей // В помощь просвещенцу: Ежемесячник Наркомпроса АКССР. – Петрозаводск, 1928. № 3-5.

² Капица О.И. К вопросу об изучении детского фольклора // Известия РГО. – 1928. – Т. 60. – Вып. I. – с. 59-79.

³ Капица О.И. Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. – Л.: Прибой, 1928. – 224 с.

⁴ Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. – 296 с. С. 7.

⁵ Китайник М.Г. Поэзия старшего дошкольника // Ученые записки кафедры детской литературы МГПУ. – М., 1939. – Вып. 1. – с. 95-109.

⁶ Китайник М.Г. Детский фольклор и детская литература // Детская литература. – 1940. – № 5. – с. 12-15.

⁷ Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

фольклоре»¹ Э.С. Литвина, «К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей»² А.А. Кайева.

Однако с середины 60-х годов наметилась новая волна интереса к детству и детскому фольклору. Этому в немалой степени способствовала либерализация, на волне которой после длительного перерыва были изданы труды Л.С. Выготского, переведены на русский язык труды М. Мид, Ж. Пиаже, Э. Эриксона. Значимыми исследованиями этого периода стали «Об изучении современного детского фольклора»³ В.А. Василенко, «Детский фольклор»⁴ Е.В. Померанцевой.

Большой общественный резонанс во многих странах мира вызвала вышедшая в печати в 1959 году книга Айоны и Питера Опи «Фольклор и язык школьников»⁵, школьников»⁵, содержащая свод текстов (потешек, считалок, дразнилок, загадок, примет и др.), бытующих в среде английских детей. Авторы рассказывали об особом детском «племени», обладающем древней традицией и развитой самобытной культурой. Это издание включило в круг исследовательских интересов современный детский фольклор. Наиболее полно его формы представлены в изданиях «Школьный быт и фольклор» А.Ф. Белоусова⁶ и «Детский фольклор» из серии «Библиотека русского фольклора»⁷.

Продолжая исследовательские традиции Г.С. Виноградова, М.Н. Мельников опубликовал значительные теоретические работы: «Русский детский фольклор Сибири»⁸, «Русский детский фольклор»⁹. А.Н. Мартыновой¹⁰ предпринята попытка изучения особенностей колыбельных песен. С.М. Лойтер составлен

¹ Литвин Э.С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор. Т. 3. Материалы и исследования. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 449 с. С. 92-103.

² Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. – 1958. – т. IX. – вып. 3. – с. 89-134.

³ Василенко В.А. Об изучении современного детского фольклора // Современный русский фольклор / Под ред. Э.В. Померанцевой. – М.: Наука, 1966. – с. 187-199.

⁴ Померанцева Э.В. Детский фольклор // Русское народное творчество / Сост. В.Г. Богатырев и др. – М.: Высшая школа, 1966. – 357 с. С. 292-302.

⁵ Opi Iona and Peter. The Lore and Language of Schoolchildren. – Oxford University Press, 1959.

⁶ Школьный быт и фольклор: Учеб. материал по русск. фольклору. / Сост. А.Ф. Белоусов. В 2-х ч. – Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1992. ч. 1. – 223 с.; ч. 2. – 160 с.

⁷ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с.

⁸ Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири / Ред. Н.А. Каргаполов. – Новосибирск: Западно-Сибир. кн. изд-во, 1970. – 218 с.

⁹ Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

¹⁰ Мартынова А.Н. К изучению жанровых особенностей русских народных колыбельных песен // Фольклор и литература Урала. Вып. 1 – Пермь: ПГПУ, 1971. С. 51-53.

сборник «Русский детский фольклор Карелии»¹. К севернорусским традициям детского фольклора обращены работы Б.Б. Ефименковой², Е.И. Мельник³. Так в ряду исследований детского фольклора более ярко выделилось направление, связанное фиксацией его региональных особенностей, что нашло отражение в многообразных изданиях⁴. Диапазон экспедиционной работы фольклористов охватил почти все регионы России.

Центральное место в ряду исследований детского фольклора принадлежит публикациям, носящим обобщающий характер. Таковы ранее упомянутый «Детский фольклор»⁵ М.Ю. Новицкой и И.Н. Райковой, первый выпуск серии «Мудрость народная» («Младенчество. Детство»⁶), академический сборник «Детский поэтический фольклор»⁷ А.Н. Мартыновой. Данные издания снабжены развернутыми вступительными статьями, комментариями и представляют все жанровые группы детского фольклора. При этом они содержат исключительно поэтические тексты, что не позволяет оценить выразительные особенности музыкального языка.

Со второй половины 70-х годов стали появляться издания, посвященные детскому музыкальному фольклору. Таковы «Северные байки» Б.Б. Ефименковой⁸, «Детский музыкальный фольклор Рязанской области» Н.Н. Гиляровой⁹, сборник Л. Мухомедшиной «Детский фольклор Приангарья»¹,

¹ Русский детский фольклор Карелии / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, предисл. к разделам и ком. С.М. Лойтер. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 208 с.

² Ефименкова Б.Б. Северные байки: колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. – М.: Сов. композитор, 1977. – 80 с.

³ Мельник Е.И. Детский фольклор Каргопольского Обозерья: Опыт освоения местной традиции. – М.: Всерос. науч.-метод. центр нар. тв-ва и культ.-просв. работы. – М., 1991. – 104 с.

⁴ Бордюг Н. Д. Детский музыкальный фольклор Нижегородской области в праздниках и обрядах (опыт реконструкции). – Н. Новгород: НОНМЦ, 1993. – 81 с.; Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. – Рязань: РОЦНТ, 1994. – 117 с.; Золотая веточка: детский фольклор Архангельской области / Сост. Е. Якубовская // Альманах «Русская традиционная культура». Вып 1. – 1997. – № 1. – 124 с.; Вып. 2. – № 3. – 1997. – 160 с. и др.

⁵ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002 – 560 с.

⁶ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с. ил.

⁷ Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А.Н. Мартынова; Отв. ред. Б.Н. Путилов. – СПб., 1997. – 577с.

⁸ Ефименкова Б.Б. Северные байки: колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. – М.: Сов. композитор, 1977. – 80 с.

⁹ Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. – Рязань: РОЦНТ, 1994 – 117 с.

«Солнышко-ведрышко. Детский музыкальный фольклор Архангельской области»² Г.М. Науменко и Г.Т. Якуниной и ряд других. Кроме того, стали выходить в печати многочисленные репертуарные сборники, включающие сценарии народных праздников, обрядов, сказок, а также неприхотливых бытовых сцен (составители Н.Н. Григорьева³, Т.П. Латышева⁴, Л.А. Ладик⁵, Г.М. Науменко⁶, С.И. Пушкина⁷ и другие⁸).

Следует отметить, что исследователи чаще отдают предпочтение «взрослому» фольклору, лишь «попутно» фиксируют единичные образцы детских песен. Многие из вышедших за последние 40-50 лет музыкально-этнографических сборников содержат по две-три записи колыбельных песен, потешек, прибауток, сделанных от взрослых исполнителей. Публикации же материала, зафиксированного от самих детей, редки. Это придает особую ценность публикациям Г.М. Науменко, в том числе сборникам «Детский музыкальный фольклор»⁹ и «Русские народные детские игры с напевами»¹⁰. Следует заметить, что Г.М. Науменко является автором-составителем 50 изданий 1976-2012 гг., многообразно и ярко презентующих культуру детства.

Теоретическое осмысление накопленного материала позволило рассматривать детский фольклор в качестве самостоятельной области традиционной культуры и важнейшей составляющей культуры детства. Наряду с художественно-стилистическими вопросами анализу подвергались детский быт, обычаи, язык, репертуар, процессы становления Человека в семье, явления современного детского городского фольклора, а также современная детская

¹ Мухомедшина Л. А. Детский фольклор Приангарья / Иркутский фольклорный клуб. – Иркутск, 1992.

² Науменко Г.М., Якунина Г.Т. Солнышко-ведрышко. Детский музыкальный фольклор Архангельской области. – Архангельск: Белая горница, 1994. – 144 с.

³ Народные песни, игры, загадки / Сост. Н.Н. Григорьева. – Смоленск, 1996 – 62 с.

⁴ Народные обряды / Сост. Т.П. Латышева. – Смоленск, 1995. – 48 с.

⁵ Ладик Л.А. Русские народные праздники: Возрождение традиций (Рождество). – М.: Родник, 1999. – 48 с.

⁶ Науменко Г.М. Гори, солнце, ярче! Репертуарно-методический сборник. – М.: ВЦХТ, 1999. – 176 с.; Народный праздничный календарь в песнях, сказках, играх, обрядах: в 2 ч. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Рифмэ, 1999. Ч. 1 – Зима, весна. – 172 с. Ч. 2 – Лето, осень. – 127 с.

⁷ Сценарии народных праздников / Сост. С.И. Пушкина. – М.: Родник, 1999. – 156 с.

⁸ Петров В.М., Гришина Г.Н., Короткова Л.Ю. Весенние праздники, игры и забавы для детей. – М.: Сфера, 1998. – 144 с.; Традиционные народные праздники в образовательных учреждениях: метод. пособие / Под общ. ред. Е.И. Якубовской. – СПб.: СПбАППО, 2005. – 288 с. и др.

⁹ Науменко Г.М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I. – М.: Композитор, 1999. – 552 с.: ил.

¹⁰ Науменко Г.М. Русские народные детские игры с напевами. Сборник фолькл. материалов. – М.: Либеря, 2003. – 544 с.

мифология. Направлениями в рассмотрении детского фольклора являются: историко-генетическое¹, этнографическое², фольклористическое³, филологическое⁴, функционально-педагогическое⁵, социально-педагогическое⁶, психологическое⁷, культурологическое⁸.

Подытоживая вышесказанное, мы выделяем четыре основных периода в изучении детского фольклора в России:

¹ Абрамова О.А. Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора: автореф. дис. канд. философ. наук. – Барнаул, 2006. – 29 с.; Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. – Т. 1. – М.: ГРЦРФ, 2005. – С. 215-242; Борисов С.Б. Человек. Текст. Культура. Социогуманитарные исследования. Изд. 2-е, доп. – Шадринск, 2007. – 556 с.; Коршунков В.А. Фольклорно-этнографический комментарий к восточнославянским детским потешкам про сороку // Традиционная культура и мир детства: мат. межд. науч. конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 2 / Ред. колл.: М.П. Чередникова, М.Г. Матлин, В.Ф. Шевченко. – Ульяновск, 1998. С. 26-42. и др.

² Байбурин А.К. Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции // Антропологический форум. – 2005. – № 3. – с. 381-397; Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – Наука, 1984. – 254 с. С. 229-245; Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении: дис. канд. истор. наук. – СПб., 1999 – 155 с.; Шангина И.И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 296 с.; и др.

³ Бережнова О.В. Жанры детского фольклора Орловского края: дис. канд. филолог. наук. – М., 2003. – 178 с.; Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка: по материалам, записанным от современных российских городских детей: автореф. дис. докт. искусствоведения. – М., 2005. – 52 с.; Новицкая М.Ю. Русский детский внеигровой фольклор (стихотворные жанры): дис. канд. филолог. наук. – М., 1984. – 247 с.; Редькова Е.С. Жанрово-стилевые особенности детского музыкального фольклора: по материалам экспедиций в Псковскую область: автореф. дис. канд. искусствоведения. – СПб, 2009. – 25 с. и др.

⁴ Кучегура Л. А. Специфика смеха в современном детском стихотворном фольклоре: автореф. дис. канд. филолог. наук. – Челябинск, 2000. – 22 с.; Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. – 296 с.; Школьный быт и фольклор: Учеб. материал по русск. фольклору. / Сост. А.Ф. Белоусов. В 2-х ч. – Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1992. ч. 1. – 223 с.; ч. 2. – 160 с.; Шевелева Л.А. Детский фольклор старожилов сел Прибайкалья: традиция бытования: XX - начало XXI в.: дис. канд. филолог. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 163 с.; Шестакова Н.Л. Жанр сказки в современном детском фольклоре: На материале Омско-Иртышского региона: дис. канд. филолог. наук. – Омск, 2004. – 276 с.; и др.

⁵ Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Высшая школа, 1987. – 285 с.; Виноградова Н.Ф., Куликова Т.А. Дети, взрослые и мир вокруг. – М.: Просвещение, 1993. – 128 с.; Григорьев В.М. Этнопедагогика игры: Монография. – М.: Спутник+, 2009. – 226 с.; и др.

⁶ Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка. – СПб.: Речь, 2004, – 272 с.: ил.; Конькина Е.В. Здоровьесохранительные культурные формы: семантика и прагматика фольклора // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 1 (103). – с. 119-125; и др.

⁷ Абраменкова В.В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка. – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640 с.; Абраменкова В.В. Детская субкультура: содержание, функции, значение в культуре. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36717.php (дата обращения 08.08.2013)., Осорина М.В. Черная простыня летит по городу или Зачем дети рассказывают страшные истории / Популярная психология: хрестоматия / Сост. В.В. Мироненко. – М.: Просвещение, 1990. – 399 с. С. 280-289; Смирнова Н.А. Традиционная игра как культурно-психологический феномен: дис. канд. психолог. наук. – М., 2000. – 123 с.; Романова А.Л., Смирнова Е.О. Смешное и страшное в современной детской субкультуре // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 2. – с. 81-87; и др.

⁸ Басенкова Л.В. Детские игры в современном социокультурном пространстве России: дис. канд. культурологии. – М., 2010. – 159 с.; Карабулатова И.С., Ермакова Е.Е., Зиннатулина Г.И. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: обряды, заговоры и колыбельные песни народов Тюменской области. – Тюмень: Экспресс, 2005. – 340 с.; Подчередниченко Н.А. Этнокультурные смыслы детских музыкальных традиций (на примере колыбельных) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4 – с. 105-108; Чубрик Е.О. Русский детский фольклор как средство ранней инкультурации: автореф. дис. канд. культурологии. – Владивосток, 2007. – 28 с.; и др.

- дореволюционный (30-е годы XIX века – начало XX века), характеризующийся интересом русской интеллигенции к фольклору какместилищу идей национальной культуры, эпизодичной фиксацией и творческой интерпретацией детских текстов;
- послереволюционный (20-е – начало 30-х годов XX века), обнаруживающий тенденцию к целенаправленному собиранию детского фольклора и теоретическому осмыслению различных сторон детской жизни в связи с задачами воспитания юных граждан молодой страны;
- середина 30-х – начало 60-х годов XX века – период, отмеченный спадом интереса к детскому фольклору: фольклорные записи имели единичный характер, исследования были ориентированы на систематизацию и жанровую дифференциацию ранее накопленного материала;
- современный (с середины 60-х – 70-х годов XX века по настоящее время), характеризующийся масштабной собирательской работой, целенаправленным теоретическим осмыслением детских текстов и условий их бытования, выявлением разнообразных тенденций в детском фольклоре, его значения в культуре детства.

Фольклор, пронизывающий все сферы жизни человека традиционного общества, являлся путеводной звездой для ребенка, входящего в мир культуры. Он служил естественным фоном взросления, исподволь, без принуждения перенимался от старших детей и взрослых. В быту, игровой и обрядовой практике дети постигали опыт предшествующих поколений, что обеспечивало «межпоколенную преемственность культурных жизненных стереотипов»¹, которые, несмотря на изменчивость в различные исторические периоды и особенности в разных социальных слоях, оставались относительно устойчивыми в каждом народе.

По замечанию Г.К. Вагнер, многие фольклорные образы являются концептуальными, в них «закреплены самые непосредственные, а потому и самые

¹ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с. С. 6.

фундаментальные представления о вечном порядке и гармонии мироздания, о незыблемости круговорота жизнедающих сил природы»¹. Каждое фольклорное произведение имеет определенное бытовое назначение, при этом утилитарные функции тесно переплетены с эстетическими. Художественные образы и формы их воплощения проходят длительный отбор, откристиализовываются, канонизируются, но не застывают, а продолжают развиваться и на языке исполнительских канонов становятся живым свидетельством культуры определенной социальной группы, народа, исторического времени.

Фольклорный текст – это всегда относительно устойчивая комбинация элементов традиции. Несмотря на степень варьирования, происходящего при каждом новом исполнении, сохраняется общая смысловая зона. Тем самым традиция сохраняется и постоянно обновляется². Фольклорная сокровищница включает напластования различных исторических эпох. Содержание «посланий» прошлого в разные времена переосмысливается, обогащается или отчасти нивелируется в условиях конкретной культурно-исторической ситуации. Тем не менее, традиция надежно удерживает те компоненты, которые обеспечивают самосохранение и самовоспроизводство этноса. Характерно, что наиболее устойчивой частью фольклора были и остаются тексты, отражающие нравственно-этические нормы народа. К нравственным ценностям, воплощенным в произведениях фольклора, могут быть отнесены «ценность родной земли, Родины; ценность семьи, рода и традиционных семейных отношений; ценность созидательного труда как основы жизни на земле; ценность здорового образа жизни; ценностное отношение к человеку, к искусству»³ и др. Неприхотливые детские тексты так же, как величавые былины и сказания, в художественной форме отражают идеалы, чаяния, миропонимание, черты национального характера и духовные доминанты русского человека. «Детский фольклор содержит систему этнокультурных стереотипов и последовательно транслирует

¹ Вагнер Г. К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 7. – с. 37-38. С. 37.

² Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – с. 3-7.

³ Абрамова О.А. Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора: автореф. дис. канд. философ. наук. – Барнаул, 2006. – 29 с. С. 8-9.

их, формируя тем самым определенную ментальность, и, как результат – представителя культуры»¹.

Глубинный слой «коллективного бессознательного» (К.Г. Юнг), информация, накопленная предшествующими поколениями, актуализируется в определенных условиях, в т.ч. в процессе освоения фольклора родного народа. Воспринимая фольклорные тексты, содержащие закодированную (порой сжатую до смыслообраза) информацию о наиболее важных для этноса процессах, явлениях, событиях, ребенок эмоционально переживает и «присваивает» их ценностное содержание. В этом смысле каждое фольклорное произведение является механизмом, способом трансляции социально значимой информации; а детский фольклор, сопровождающий начальный период становления ребенка, – системообразующим фактором преемственности культуры.

Детский фольклор – область народного творчества, включающая тексты старшего поколения, обращенные к детям, а также собственно детские произведения и практики. Данному культурному пласту свойственны педагогическая целесообразность, неизменная связь с речевой культурой, трудом, бытом, обычаями, традициями, религией, игрой. В детском фольклоре отражено своеобразие языка (фонетики, лексики), музыкально-исполнительских локальных традиций, что позволяет характеризовать данный феномен как средство выражения национального и регионального культурного своеобразия. Наследие детского фольклора является частью национальной культурной традиции и средством приобщения к ней.

Освоение родного языка, окружающего мира, традиционных знаний начиналось с текстов материнского фольклора. По мнению М.Н. Мельникова, «в жанрах поэзии пестования, при строгом учете физических, физиологических и психических возможностей и потребностей ребенка в каждый возрастной период, сконцентрирован необходимый для поддержания прогрессирующего потока нервных импульсов, веками отобранный, эмоционально действенный и тщательно

¹ Чубрик Е.О. Русский детский фольклор как средство ранней инкультурации: автореф. дис. канд. культурологии. – Владивосток, 2007. – 28 с. С. 27.

выверенный материал, закреплены формы его введения и приемы дозирования»¹. На примере текстов русского материнского фольклора М.В. Осорина показывает, какими традиционными способами ребенку оказывалась помощь в структурировании пространства окружающего мира и осознании своего места в нем². «Традиционная поэзия пестования обеспечивала ребенка ценностно-смысловыми опорами в разнообразных формах, последовательно и постепенно создавая мировоззренческий фундамент для формирующейся личности, являлась той культуротворческой средой в культуре детства, где ценности выступают основанием для познания и конструирования образа социального мира»³.

Четкую границу между материнским фольклором и собственно детским корпусом текстов провести достаточно сложно. Трех-четырёхлетние дети, подражая окружающим их взрослым, запоминают и транслируют произведения, обращенные к ним. Процесс освоения может носить и целенаправленный характер. На следующих этапах детского развития фольклор перенимается (преимущественно устно) у сверстников, старших детей и иных возрастных групп.

Детская традиция обладает значительной устойчивостью. Несмотря на частую смену поколений детей (через каждые 5 лет), многие тексты детского фольклора в относительно неизменном виде воспроизводятся детьми на протяжении длительных исторических периодов. В то же время дети легко ассимилируют новую информацию, стремительно реагируют на изменения в окружающем мире. Юные поколения сохраняют те компоненты традиционного детского фольклора, которые отвечают их внутренним потребностям (игры, считалки, дразнилки) и дают жизнь новым фольклорным текстам, отражающим реалии современности.

На формирование корпуса произведений детского фольклора оказывают воздействие бытующие в определенной социокультурной ситуации

¹ Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1997. – 240 с. С. 5.

² Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 14.

³ Подчередниченко Н.А. Этнокультурные смыслы детских музыкальных традиций (на примере колыбельных) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4 – с. 105-108. С. 108.

представления, фольклор взрослых, образцы массовой культуры, профессиональные формы литературного и музыкально-поэтического творчества и ряд иных факторов. В отличие от устных традиций патриархальной крестьянской среды, «куда не заглядывало не только образование, но и грамотность, где дети жили, думали и смотрели, как их прадеды»¹, современный фольклор во многом связан с письменной культурой, техническими способами распространения информации и содержит ряд новых традиций, порожденных потребностью в культурной обособленности и самоидентификации членов различных сообществ (солдаты, школьники и др.). Это влечет за собой возникновение «специфических культурных кодов и текстов»².

С середины XX века стали все отчетливее прослеживаться тенденции угасания многих традиционных жанровых групп фольклора, в т.ч. детского (обрядовые песни, поэзия пестования), и всплеск современных форм детского фольклорного творчества, связанных с литературными источниками и письменной традицией в целом.

До середины 80-х годов XX века отечественная наука³ рассматривала в составе детского фольклора традиционные жанры: колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки, сказки (материнский фольклор); жеребьевки, считалки, игры, дразнилки, заклички, приговорки, календарные песенки (собственно детский фольклор). Исследования трех последних десятилетий⁴ внесли коррективы в характеристику данного культурного пласта. Наряду с

¹ Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии (собраны в 1861-1888 годах). – СПб.: типография В. Безобразова, 1890. – 153 с. С. 13.

² Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – с. 3-7. С. 6.

³ Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.; Русское народное поэтическое творчество / Сост. М.А. Вавилова, В.А.Василенко, В.И. Игнатов и др. Под ред. А.М. Новиковой. 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1978. – 440 с.; Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

⁴ Лойтер С.М., Неелов Е.М. Современный школьный фольклор. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. – 115 с.; Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 744 с.; Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.; Чередникова М.П. «Голос детства» из дальней дали (игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В.Ф.Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.; Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – 731 с.; Алексеевский М.Д. Детский фольклор: 7 фактов об истории возникновения, сюжетах и формах детской мифологии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.ru/faq/6001> (дата обращения 23.06.2013); Самоделова Е.А. Школьный фольклор в Интернете // Интернет и фольклор: сб. ст. / Сост. А.С.Каргин. – М.: ГРЦРФ, 2009. – 320 с. С. 180-193; Граматчикова Н.Б., Хоруженко Т.И. Постфольклор и интернетлор. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 62 с. и др.

классическим корпусом детских произведений и поэзией пестования к этой области народного творчества стали относить «школьный фольклор в его устных и письменных формах, в том числе речевые образования, вошедшие в детскую традицию»¹. Это не случайно, учитывая большую занятость детей в образовательной деятельности, время пребывания в учебной обстановке в среде сверстников и учителей.

Школьный фольклор – явление многожанровое и генетически разнородное. В нем «получили специфическое преломление традиционное устно-поэтическое творчество и постфольклор, художественная литература и театр, кинематография и мультипликация, компьютерные игры, политические события и факты повседневности»². Это школьная рукописная альбомная традиция, соответствующая основным принципам существования фольклорного текста³ (девичьи альбомы, анкеты), страшилки, анекдоты, пародийная поэзия, тайные языки, сетевой фольклор, «наивная литература», а также другие жанры и смешанные формы. «В отличие от классического детского фольклора школьный фольклор – городской по преимуществу»⁴. Более активными его носителями являются городские дети, а «трансмиссия идет из города в деревню»⁵.

Обновление детского фольклорного репертуара связано как со взрослением каждого отдельно взятого ребенка, так и со сменой поколений. На кратком историческом отрезке времени возможно изучение фольклорных процессов, в том числе возникновения-утраты сюжетов, варьирования, способов трансляции текстов. Например, в течение трех десятилетий садистские стишки испытали мощный всплеск популярности, этапы деградации и на сегодняшний день почти не используются в детской субкультуре. Данный фольклорный пласт в настоящее

¹ Лойтер С.М. Изучение детского фольклора. [Электронный ресурс]. – URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=59510> (дата обращения 20.06.2014).

² Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. – М.: Флинта, 2002. – 315 с. С. 222.

³ Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. – Т. 1. – М.: ГРЦРФ, 2005. – С. 215-242; Лойтер С.М., Неелов Е.М. Современный школьный фольклор. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. – 115 с. и др.

⁴ Лойтер С. М. Школьный фольклор в контексте «культуры детства» // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. научн. трудов. – Петрозаводск: КГПУ, 1995. – С. 7-14. С. 7.

⁵ Осорина М.В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. / Под ред. А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – 326 с. С. 47-64. С. 53.

время живет, в первую очередь, в воспоминаниях родителей, чье детство пришлось на период расцвета этого жанра. Взрослые рассказывают шокирующие тексты своим детям, те – сверстникам, но дальнейшего развития данный жанр современного детского фольклора не обнаруживает.

Устная детская традиция обычно оказывается полностью освоенной к 10-12-летнему возрасту. Затем в детский репертуар начинают проникать произведения старших возрастных групп. Если в патриархальной России отрочество было отмечено участием в хороводах, обрядовых действиях и, следовательно, освоением новых фольклорных жанров, то современные девочки с наступлением подросткового возраста ведут дневники, составляют анкеты, пожеланники, песенники. Мальчикам в этот период свойственно увлечение скабрёзной поэзией и анекдотами.

Новым, не вписывающимся в привычный ряд жанров детского фольклора образованием последнего десятилетия стал так называемый интернет-фольклор, творчески разрабатываемый и активно транслируемый подростками на страницах социальных сетей.

Несмотря на постоянное обновление и развитие, некоторые сюжеты и формы детского фольклора демонстрируют высочайшую степень сохранности и устойчивости. Такова, например, хрестоматийная считалка «Раз-два-три-четыре-пять, вышел зайчик погулять», восходящая к детскому стихотворению Ф.Б. Миллера, написанному в 1851 году. Первоначально стихотворение представляло собой подпись под картинкой в иллюстрированной книжке для детей. Затем текст был фольклоризирован и распространился в качестве считалки, бытует он также в качестве песенки. Примечательно, что еще Г.С. Виноградовым в 1930 году были зафиксированы 24 варианта этой считалки. В исследовании Т.И. Алиевой¹, осуществленном в 1980-1990-е годы, фиксируется 22 варианта данного текста, полученных только от четырехлетних детей. Устойчивыми в репертуаре нескольких поколений остаются анекдоты про крокодила Гену и Винни-Пуха, в

¹ Кудрявцев В., Алиева Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 3. – с. 87-91; № 4. – с. 64-68.

то время как другие сюжеты стремительно выходят из живого бытования. По утверждению К.И. Чуковского, в памяти маленьких слушателей всегда выживало лишь то, что наиболее соответствовало их детским запросам и вкусам. Все фальшивое, чуждое детской психике переставало существовать для следующих поколений детей. «Недетское погибло на тысячелетней дороге»¹.

С позиций А.М. Мехнецова, фольклор как область проявления этнического сознания «охватывает все сферы исторической жизни этноса и сохраняет приметы различных этапов его эволюции»². Не случайно детский фольклор хранит отголоски архаичных верований и представлений, проявляющихся в нехитрых текстах закличек типа «Солнышко-ведрышко, выгляни в оконушко» или «Дождик-дождик, пуще, дам тебе я гущи». Архаические черты прослеживаются также в детских играх «Горелки», «Ящер», «Олень», «Курилка», «Жмурки», «Бояре», некогда служивших развлечением молодежи, а ранее того являвшихся составной частью ритуалов, лишившихся с веками изначального смысла, но частично сохранивших формальное выражение: определенный порядок действий, словесные, песенные тексты и т.п.³ Так, в образе ящера исследователи склонны видеть языческого Велеса, змееподобного хозяина подземного мира, в образе Курилки – славянского бога солнечного света, весны и тепла Ярилу.

Сведения о традиционной славянской модели мира содержат загадки и приметы. Характерно, что данные жанры являются достоянием как взрослой, так и детской культуры. Сформированность детской смекалки, степень владения информацией, закодированной в этих фольклорных жанрах, на протяжении многих веков выступала показателем готовности к взрослой жизни. Загадка бифункциональна. С одной стороны, это развлечение, способ обучения и развития на основе сопоставления явлений, установления тождества между отдельными

¹ Чуковский К.И. От двух до пяти: Книга для родителей. – М.: Педагогика, 1990. – 384 с. С. 217.

² Мехнецов А.М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы / Сост. Е.А. Валевская, К.А. Мехнецова; вст. ст. Г.В. Лобковой. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 440 с. С. 18.

³ Бернштам Т.А. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодёжных играх «Ящер» и «Олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л.: 1990. С. 17-36; Топоров В.Н. К интерпретации некоторых мотивов русских детских игр в свете «основного» мифа (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // *Studia mythologica Slavica*. Ljubljana. – 2002. – № 5. – с. 71-112; Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М.: Высшая школа, 1999. – 331 с.

компонентами, объектами, понятиями. С другой стороны, это механизм трансляции модели мира средствами тайных кодов (языков). Примером может служить загадка, сохранившая архаические представления о Мировом Древе как основе пространственно-временных координат мира: «В саду царском стоит дерево райское: на одном боку цветы расцветают, в другом листья опадают, на третьем плоды созревают, на четвертом сучья подсыхают» (отгадка: весна, лето, осень, зима).

Специфическим средством народной воспитательной традиции, имеющим распространение как во взрослой, так и в собственно детской среде, являются малые фольклорные формы – пословицы и поговорки. Оценка поступков, человеческих качеств и жизненных явлений, содержащаяся в них, оказывает влияние на формирование личности ребенка и выявляет особенности этого процесса.

Детскому фольклору присущи специфические черты поэтики и форм бытования, отличающие его от фольклора взрослых. Доминирующим признаком детского фольклорного текста является соотнесение с игровым или иным коммуникативным действием¹. Игровая подоплека содержится практически в каждом подвиде жанра. Характерной чертой является также функциональная подвижность текстов. В зависимости от условий использования один и тот же сюжет может фиксироваться в различных жанровых подвидах. Например, сюжет «Как повадился коток» представлен как прибаутка, колыбельная, игровые припевки².

Для детской культуры в целом и детского фольклора, как его неотъемлемой части, типично пародирование, присвоение и творческая переработка текстов взрослой культуры. Так, с последней трети XX века популярны переделки стихов из школьной программы, песен из детских фильмов и мультфильмов. Героями детского фольклора становились покемоны, телепузики, герои У. Диснея, популярные исполнители. По замечанию М.Д. Алексеевского, «пародирование

¹ Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.: ил. С. 339.

² Зилотина Е.А., Смирнова О.В. Материалы по детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с., с. 123- 189. С. 125.

текстов массовой культуры – это творческий процесс, живая языковая игра, которую стоит поощрять, даже если уровень пародии кажется невысоким»¹.

Еще одной характерной чертой детского фольклора являются инвертирование, алогизм (нарушение естественного порядка вещей, событий, действий во времени или пространстве, несовпадение слова и дела). В наибольшей степени эти черты присущи прибауткам, сказкам, небылицам, анекдотам: («Ехала деревня середь мужика»², «Безрукий-то клеть обокрал, голопузому за пазуху наклал, безногий вприпрыжку побежал»³).

Детские фольклорные тексты обнаруживают стремление к звукоподражаниям («звукописи»), преобладание принципа повторности. Ритмическая упорядоченность, повторность в строении музыкального и поэтического материала не только «выстраивают» природные ритмы детского организма, но и способствует быстрому усвоению «ограниченного числа элементов системы <фольклора> и правил их сочетания»⁴.

В детском фольклоре различаются игровые, поэтические, прозаические, музыкальные и музыкально-инструментальные формы. Наиболее оформленная мелодическая линия присуща произведениям материнского фольклора. В собственно детской среде звуковое оформление ориентировано, преимущественно, на речевое интонирование.

Дети продолжают рождаться, общаться и создавать фольклорные тексты – на пространстве школьного двора, деревенской околицы или интернета. Исследование этого мира, живого, интересного, яркого, динамично развивающегося, позволяет оценить различные социально-культурные изменения в обществе, провести «работу над ошибками», спрогнозировать будущее.

Вывод. Фольклор является спутником детства, средством построения и специфическим языком выражения детской картины мира, что позволяет, с одной

¹ Алексеевский М.Д. Детский фольклор: 7 фактов об истории возникновения, сюжетах и формах детской мифологии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.ru/faq/6001> (дата обращения 23.06.2013).

² Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с.: ил. С. 199.

³ Там же: с. 197.

⁴ Лотман Ю. М. Феномен культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. – 478 с. С. 88.

стороны, видеть в нем средство межпоколенной связи и трансляции социокультурного опыта, а с другой стороны, использовать его как культурологический источник, аккумулирующий информацию о мире детства, различных сферах опыта, получаемого ребенком в процессе взаимодействия с окружающей природной и социальной средой.

ГЛАВА 2. ФОЛЬКЛОР В КУЛЬТУРЕ ДЕТСТВА РУССКОГО НАРОДА

2.1. Мир детства в русской историко-культурной традиции

Культура в качестве адаптирующего механизма, обеспечивающего функционирование общества, формируется на основе «негенетической памяти коллектива» (Ю.М. Лотман), т.е. традиции, представляющей собой в значительной мере систему социально-значимых стереотипов¹.

В научной литературе под традицией (от латинского tradition – передача) понимается «совокупность элементов социального и культурного наследия, передающихся от поколения к поколению и повторяющихся в определенных социальных группах в течение длительного времени»², явление социальной коммуникации, механизм воспроизводства культуры, социальных институтов и норм³.

Традиция предполагает наличие и трансляцию значимых элементов культуры – сакральных образов, канонов, архетипов, духовных ценностей, знаний, опыта. Применительно к народной духовной культуре данный опыт содержит систему народных представлений о Вселенной, человеке и социуме, то есть картину мира. Именно она задает основные пространственно-временные и социальные координаты, позволяя человеку ориентироваться в окружающем мире, а также содержит модели преодоления кризисных ситуаций, возникающих в жизни природы и общества⁴.

На протяжении длительного периода исторического развития мир обыденный и мир потусторонний в восприятии человека существовали нераздельно и пронизывали все вещи и явления. Предметы повседневной жизни несли некий высший смысл, магический заряд и выражали сложные космологические представления. «Представления о мире как об упорядоченной

¹ Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с. С. 19.

² Суханов И.В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. – М.: Изд-во политич. лит-ры, 1976. – 216 с. С. 23.

³ Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1982. – № 2. – с. 78-96; Суханов И.В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1976. – 216 с.; Традиция // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. С. 253.

⁴ Народное музыкальное творчество / Отв. ред. О.А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005. – 568 с. С. 57.

системе делало окружающие обстоятельства освоенными, понятными, что давало ориентиры, делало жизнь человека традиционного общества понятной, постигаемой, где каждый занимал свое место, действия были регламентированы¹ различными формами символического поведения и обрядово-ритуальными практиками.

По объему своего содержания традиция выступает как родовое понятие. Обычай, обряд, ритуал являются частными (видовыми) ипостасями общего². Сфера действия обычая, как правило, ограничивается областью быта и морали. Обычаи зарождаются в повседневной жизни и воспроизводят целесообразные трудовые, семейно-бытовые и иные действия. Обыкновение (привычка) отдельных индивидов на уровне этноса как совокупности индивидов становится обычаем. Границы обычая могут размываться, корректироваться, отклоняться от привычного – в отличие от ритуала, регламентирующего неизменность и строго определенную последовательность действий, их значимость для коллектива³.

В русской традиции термин «ритуал» обычно применяется в отношении правил или порядка проведения религиозных или светских церемоний. Для явлений народной культуры наиболее употребим термин «обряд». Обряд – это комплекс символических действий, по «неписаным правилам» сопровождающий все наиболее значимые моменты человеческой жизни, маркирующий переходы из одного состояния в другое (инициация, вступление в брак и пр.) – от рождения до смерти.

К традиционным обрядам русских могут быть применены выводы Э.Дюркгейма⁴ в отношении функций ритуала – дисциплинарной, связующей,

¹ Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М., 1995. – 138 с. С. 25.

² Аникин В.П. Теория фольклора: курс лекций. 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – 428 с.; Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. – Люистон: Эдвин Меллен Пресс, 2002. – 386 с.; Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 486 с.; Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1982. – № 2. – с. 78-96; Мехнецов А.М. Народная традиционная культура / Сост. Е.А. Валиевская, К.А. Мехнецова; вст. ст. Г.В. Лобковой. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 440 с.; Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с. и др.

³ Триль Ю.Н. Ритуал в традиционной культуре // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – с. 263-268. С. 265.

⁴ Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиозоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с. С. 174-231.

воспроизводящей и эйфорической. Обряды, несомненно, налагали на индивидов с самого раннего возраста определенные ограничения и готовили к взрослой жизни; позволяли чувствовать себя значимым звеном общины, рода, устанавливать связь с предками и потомками, поддерживать традиции и транслировать духовный опыт, достигать чувства общей радости или скорби, сопереживания и единения. Обряд предполагал коллективность, включенность всех членов общины, некоторую вариативность при неизменном в целом «сценарии», преемственность новыми поколениями, позволяющую обеспечить мироупорядоченность и самосохранение народа.

Прошлое – исходная точка в понимании настоящего¹, это «бывшая современность», образующая основу «для существования и развития традиций, и эти традиции всегда активны по отношению к «новой современности»². «Традиции народной культуры, согласуя в своих законах свойства консервативности и постоянного обновления, выстраиваются в исторически многослойную и, вместе с тем, целостную систему, в которой прошлый опыт, при необходимости, может быть востребован и воссоздан»³. Содержанием традиции при этом может выступать любой функциональный компонент культуры (от ценностей до частных приемов художественного творчества).

Традиция передается посредством культурных текстов, к каковым относятся, в том числе, обрядово-ритуальные действия и произведения фольклора. Прочтение культурных текстов невозможно без контекста, который их окружает. Только комплексное изучение самих культурных текстов и контекста, в который они включены, позволяют освоить «язык» (код) культурной традиции⁴. Культурные коды (семантический, синтаксический, код с установкой на отрицание знаковости, синтетический – по Ю.М. Лотману) являются базой,

¹ Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – с. 105-115.

² Земцовский И.И. Народная музыка и современность // Современность и фольклор: ст. и материалы / Сост. В.Е. Гусев, А.А. Горьковенко. Отв. ред. В.Е. Гусев. – М.: Музыка, 1977. – 348 с. – С. 27.

³ Мехнецов А.М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы / Сост. Е.А. Валевская, К.А. Мехнецова; вст. ст. Г.В. Лобковой. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 440 с. С. 360.

⁴ Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. ст. – М., 1973. – 256 с., с. 16-22. С. 18-19.

носителями, аккумуляторами и трансляторами социальной памяти. «Коды» детства, выраженные в вербальных языках, знаково-символических системах, пространственно-временной организации, способствуют реализации коллективной и индивидуальной идентичности, служат механизмом закрепления и передачи социокультурных традиций и исторической памяти. Культурные коды детства с течением времени трансформируются, наполняются новыми значениями и смыслами, но не исчезают бесследно.

К традиционной народной культуре большинство исследователей склонно относить наследие русской деревни, крестьянства. И это не случайно: Россия до начала XX века была аграрной страной, и преобладающим народонаселением в ней являлось именно крестьянство. Отметим, что по законам традиции развивалась также культура горожан разных сословий. Однако, с позиций Н.А. Хренова, народная культура является универсальной картиной мира земледельца, именно этот пласт содержит «базовый для русской культуры тип личности»¹. По замечанию В.М. Щурова, «глубинные истоки национальной культуры просматриваются, прежде всего, в крестьянских обычаях и установлениях, в силу большой сохранности устоев жизни сельского населения на протяжении веков, что способствовало консервации некоторых старых и даже древних элементов культуры»². В попытке зафиксировать «подлинные» образцы народной культуры исследователи обращаются, в первую очередь, именно к крестьянским обрядам, обычаям, играм и песням.

Картина мира наших предков ярко воплощалась как в обыденной жизни, так и в культовых практиках. «В любой древний обряд должны были входить и входили религиозные образы и представления, жившие в сознании человека»³, при этом для русской культуры характерно взаимопроникновение, органичное слияние языческого и христианского мировоззрения, что нашло отражение в народных традициях и текстах, в т.ч. окружающих взросление русских детей.

¹ Хренов Н.А. Традиционная культура и игровой универсум земледельца // Славянская культура и современный мир: Сб. материалов науч.-практ. конференции. / Сост. В.Е. Добровольская. Вып. 1. – М.: ГРЦРФ, 1997. – 168 с., с. 123-139. С. 123.

² Щуров В.М. Песня, традиция, память. – М., 1987. – 58 с. С. 11.

³ Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря 16–19 вв. – М., 1957. – 236 с. С. 9.

Под «народной культурой» принято понимать определенную совокупность форм жизнедеятельности: бытовой уклад, традиции, мифологию, ритуальные практики, ценности, идеалы и нравственные нормы. Понятия «народная культура» и «традиционная культура» употребляются как синонимичные или же сводятся воедино.

Традиционной народной духовной культуре свойствен ряд специфических черт: преимущественно устная природа бытования и распространения, анонимность, архетипичность (устойчивая повторяемость образов, не исключая вариативности текстов и символов) и ряд других. Цикличность (повторяемость) обнаруживается в круге жизни, годовом календарном круге. Ритм крестьянской жизни находился в точном соответствии с природными ритмами. В эту размеренную систему координат целенаправленно вводились новые члены общины – дети. Обрядовые и бытовые практики культуры детства включали различные вербальные и физические действия: заговоры, тексты детского фольклора, игру, посильный труд. Каждому этапу жизни ребенка соответствовала определенная традиция, комплекс воздействий, направленных на формирование личностных характеристик нового члена общины. Можно выделить традиции, связанные с вынашиванием, рождением, «правкой» ребенка, его крещением и другие.

Обобщенный образ русского детства складывается на основе этнографических свидетельств XIX-XX веков. Наиболее полное представление о различных его сторонах можно почерпнуть в исследованиях Г.С. Виноградова¹, А.К. Байбурина², Д.А. Баранова³, Т.А. Бернштам⁴,

¹ Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с.

² Байбурина А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб.: Наука, 1991. – 320 с., с. 257-266; Байбурина А.К. Полярности в ритуале (твердое-мягкое) // Полярность в культуре / Сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. (Альманах «Канун». Вып. 2). – СПб, 1996. – 430 с., с. 157-165; Байбурина А. К. Развязывание ума // Лотмановский сборник / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – 734 с., с. 676-681.

³ Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении: дис. канд. истор. наук. – СПб., 1999 – 155 с.; Баранов Д.А. Стоит город не на земле, не на воде: к мифологии колыбели // Живая старина. – 1998. – № 2. – с. 21-23.

⁴ Бернштам Т.А. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // Советская этнография. – 1986. – № 6. – с. 24-35; Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 274 с.

М.М. Громыко¹, Д.К. Зеленина², Г.М. Науменко³, И.И. Шангиной⁴, а также в материалах, разработанных сотрудниками отдела этнографии русского народа Российского этнографического музея⁵ Т.А. Зиминой, Е.Л. Мадлевской и др.

Крестьянские семьи вплоть до начала XX века были многодетными. Чем больше детей, тем больше рабочих рук и крепче хозяйство. Крестьянские семьи насчитывали 7-10, а то и 12-15 детей. Продолжение рода, полноценное потомство считалось целью брака и всей жизни. На обеспечение репродуцирующей функции женщины был направлен ряд обрядовых действий – кумление девушек на Троицу, осыпание зерном новобрачных на свадьбе, их сажание на квашню, обливание молодоженов водой на Масленицу и др.

По народным воззрениям, «дети – благодать Божья»⁶. Бездетность или смерть ребенка воспринимались как кара за грехи, а прерывание беременности – как детоубийство. Рождение внебрачных детей осуждалось общиной и церковью. Весь период беременности женщине предписывалось строго соблюдать правила, призванные обеспечить здоровье и красоту ребенка. Беременной запрещалось злиться, сквернословить, бить животных, посещать кладбища и деревенские гуляния, шить в праздники.

Наиболее желанным в крестьянской среде было рождение мальчика. «Дочь – чужое сокровище»⁷, а сын, выросши и женившись, пополнял число работников, что было необходимо для обеспечения материального благосостояния семьи. К младшим детям в многодетных семьях, где есть старшие женатые сыновья, относились менее предвзято, чем к первенцу, что нашло свое выражение в ряде поговорок: «Бог дал – Бог взял»⁸ (если младенец умер), «У кого детки, у того и

¹ Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 448 с.; Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / Отв. ред.: В.А. Александров, В.К. Соколова; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1986. – 278 с.

² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.

³ Этнография детства: Сб. фолькл. и этнограф. мат. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.: ил., нот.

⁴ Шангина И.И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 296 с.

⁵ Российский этнографический музей: Дети и народная педагогика. Русские. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ethnomuseum.ru/deti-narodnaya-pedagogika-russkie> (дата обращения 11.06.2014).

⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 480 с. С. 80.

⁷ Там же: с. 87.

⁸ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1995 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Данилова Анна Семеновна 1917 г.р.

бедки»¹, «Без детей горе, а с ними – вдвое»². Характерно, что последняя пословица имеет прямо противоположный по смыслу вариант: «С детьми горе, а без них вдвое»³. Тем самым выявляется некоторая двойственность в отношении к детям – как любой другой системе, традиционной культуре присущи определенные противоречия. Тем не менее крестьяне понимали, что ребенок осуществляет связь поколений, поддерживает непрерывность рода. Признавая естественность и неизбежность детского «неразумия», к малышам относились терпеливо, заботливо⁴. Из поколения в поколение передавались традиции ухода за малолетними детьми, подготовки к семейной и общественной жизни. В народном сознании четко выражены идеи необходимости, природосообразности и непрерывности воспитания.

Воспитание детей в русской традиции предполагало передачу общественных и трудовых знаний и навыков, а также приобщение к понятиям и правилам человеческой жизни, морали, христианским заповедям и святыням. «Главное внимание <...> обращено было на житейские правила, а не на научные знания. Кодекс сведений, чувств и навыков, какие считались необходимыми для усвоения этих правил, составлял науку о “христианском жительстве”, о том, как подобает жить христианам. Этот кодекс состоял из трёх наук, или строений: то были строение душевное – учение о долге душевном или дело спасения души, строение мирское – наука о гражданском общежитии и строение домовное – наука о хозяйственном домоводстве»⁵.

Конкретные цели воспитания воплощались в образе идеального человека («добрый молодец», «умница-красавица») и в виде добродетелей, в которых просматривается их традиционное народное понимание: развитие ума, воспитание честности, порядочности, трудолюбия. Идеалы совершенной

¹ АKNПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Полубоярова Анастасия Никаноровна 1912 г.р.

² Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 480 с. С. 85.

³ Там же.

⁴ Некрылова А.Ф., Головин В.В. Роль отца в традиционной народной педагогике // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с., с. 7-26. С. 9.

⁵ Ключевский В.О. Два воспитания / Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX: Материалы разных лет. – М.: Мысль, 1990. – 528 с. С. 9.

личности включали также красоту, радушие, физическую силу, здоровье, выносливость.

На протяжении веков в народе выработаны эффективные методы, позволяющие детям наиболее полно овладеть знаниями и навыками, необходимыми во взрослой жизни. К таковым относятся школа материнского фольклора, «система запретов и предписаний»¹ (А.К. Байбурин), система «запретов и поощрений»² (М.В. Осорина), приемы народной педагогики (Г.Н. Волков³), способы включения в трудовую и обрядовую практики общины (Т.А. Бернштам⁴). Воспитание опиралось на созданные народом специально для детей музыкальные и поэтические произведения, игры, игрушки, бытовые предметы, приспособления для физического, эмоционального, умственного развития (предметы домашнего обихода, природные материалы и пр.).

Первым и главным лицом в воспитании была мать. Связь «мать-дети» в традиционной культуре выступает базой для установления прочих межличностных отношений. Нарушение этой связи, например, в случае материнского проклятья, отождествлялось с отторжением из общества, разрывом с ним. Нарушение материнского завета понималось как источник несчастий и крушения личной судьбы. В свою очередь и матерям не прощалось пренебрежение к установленным традицией правилам ухода за детьми. «Женщин, младенцы которых умерли от “небрежения”, было принято считать “негодящимися”, ненужными людям и Богу»⁵.

Основной функцией ритуалов жизненного цикла является преодоление разрыва между биологическим и социальным, «культурной реальностью мира людей и физической реальностью природного мира»⁶. «В традиционной культуре событие, соотнесенное с ритуалом (смерть, рождение), может и произойти, но

¹ Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – 224 с., с. 23-42. С. 25.

² Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 15.

³ Волков Г.Н. Этнопедагогика. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1974. – 375 с.

⁴ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 274 с.

⁵ Шангина И.И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 296 с. С. 26.

⁶ Панченко А.А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 31-38. С. 32.

человек считается умершим и родившимся только после совершения соответствующих обрядов. Ритуал не “подтверждает” и не “утверждает” уже совершившийся факт, но конструирует, создает его и, в конечном счете, является им»¹. Иными словами, ритуальная активность человеческого сообщества как бы дублирует природные процессы, формируя социально приемлемые образы рождения и смерти, новорожденного и умершего, преобразуя или предвосхищая физиологические изменения при помощи специфических механизмов культуры. Только пройдя серию специальных обрядов, ребенок становился полноправным членом родовой общины.

Обряды и обычаи, предшествующие родам, были связаны с представлением о нечистоте беременной женщины, поскольку представления о женском начале в традиционной модели мира связывалось с нижним, нечистым. Рождение воспринималось как переход из неживого состояния в живое, «из не-общественного (асоциального) – в общественное (социальное)»². Это обуславливало ряд обрядовых действий, связанных с «переходом» через определенную границу – метлу, коромысло, лежащего вниз лицом на пороге мужа. Д.К. Зеленин и А.В. Юдин отмечают сходность и симметричность родильной и погребальной обрядности. Ритуальные действия аналогичны, но производятся в обратном порядке и с обратным эффектом. Так, особо тщательно осуществлялись обряды очищения роженицы и бабки-повитухи (на третий день) и церковный обряд с роженицей (на сороковой день после родов).

В попытке предопределить судьбу младенца, пуповину девочки перерезали на прялке или веретене (чтобы она стала искусной пряхой), пуповину мальчика – на топоре (чтобы был мастеровитым)³. Опасаясь подмены младенца на «нечистика», перевязывали пуповину волосами матери – у девочки, волосами обоих родителей – у мальчика⁴.

¹ Байбурин А.К. Некоторые общие соображения о ритуале // *Aequinox*. МСМХСШ. – М.: Книжный сад, 1993. – 284 с., с. 4-15. С. 4.

² Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М.: Высшая школа, 1999. – 331 с.

³ Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с. С. 321.

⁴ Некрылова А.Ф., Головин В.В. Роль отца в традиционной народной педагогике // *Мир детства и традиционная культура*: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с., с. 7-26. С.11.

Дети в традиции воспринимались «пришельцами» из иного, потустороннего мира. Чтобы отделить от него ребенка, смыть остатки нечеловеческого, повитухой совершалось первое омовение, которому приписывалась возможность обеспечения защиты и благополучия, надления счастливой долей. В обязанности повитухи входила «правка» новорожденного – действия, направленные на придание «мягкому» младенцу наиболее желательных форм: округлой формы головы, прямых рук, ног и др.

Если ребенок рождался слабым, над ним совершались обряды ритуального «перерождения» – «пронимания»¹, то есть протаскивания или погружения малыша в отверстие, интерпретируемые как воспроизведение акта родов. Детей протаскивали в земляные ворота, в хомут, развилку ветвей, дупло, материнскую рубаху или мучной мешок, в окно или дверь, купали в святом источнике. Наиболее часто встречался обряд «перепекания» младенца: его на хлебной лопате сажали в теплую печь, обернув пеленкой, рубахой матери или тестом². Частота осуществления пронимальных и очистительных обрядов находилась в прямой зависимости от состояния физического и душевного здоровья ребенка. Дальнейшие действия с малышом были направлены на придание «твердости» мягкому телу.

В русской традиции было принято тугое пеленание, призванное придать мягкому, аморфному существу крепость, свойственную взрослому. Пеленки изготавливались из старых родительских вещей, что в символической форме воплощало идею преемственности, передачи благополучия от одного поколения к другому. Наибольшей силой, по народным представлениям, обладала старая, обычно только что снятая с тела отцовская рубаха (чтобы ребенок стал «частью» отца). Считалось, что прикосновение к ней наделит ребенка здоровьем и жизнеспособностью, обеспечит любовь и жалость родителя. Потому в мужскую рубаху после первого купания заворачивали новорожденных обоего пола. Но девочек затем обычно пеленали вторично – теперь уже в материнские вещи.

¹ Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сб. МАЭ. Вып. 47. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999. – 250 с.: ил. С. 149-190.

² Там же.

Использование в качестве первой пеленки одежды родителей соответствующего пола имело целью правильное наследование половых ролей, позволяющее в дальнейшем избежать физической слабости у мальчика, бесплодия у девочки. Пеленание продолжалось от полугода до года или полутора лет. «Развязывание» тела ребенка знаменовало переход к новой стадии моторного и интеллектуального развития.

Первым «домом» младенца на пути из «иног мира» в большой мир людей являлась колыбель (люлька, колышка, колыска, зыбка), повешенная над полом. По поверью, это было наиболее безопасное место для новорожденного: с кровати, стоящей на земле, его может похитить нечисть, а в положении «между небом и землей» он находится в полной безопасности. Опасаясь «подмены нечистым» и вредоносного воздействия на ребенка злых духов, к колыбели привешивали иконы и колокольчики, вырезали или рисовали смолой один-два креста¹, в колыбель или под нее клали обережные предметы: веретено, веник, кудель – девочке; молоток, топор, шило, нож – мальчику. Так с помощью «гендерных знаков-символов»² обозначалась половая принадлежность новорожденного.

Основой детского развития, базой для построения этнокультурной концепции мироустройства является родной язык. Знакомство с ним начиналось с текстов материнского фольклора: колыбельных, пестушек, потешек. Именно они были призваны «обеспечить ребенку целостное мировосприятие и ощущение своей включенности в общий порядок мироздания, т.е. задать некую систему основных координат, помогающих ребенку самоопределиться в жизненно важных отношениях с миром»³.

Мерное раскачивание колыбели в сопровождении монотонного пения матери, няньки или бабушки успокаивали и усыпляли ребенка. С годовалого возраста эмоциональная окраска колыбельных песен становилась разнообразнее в

¹ Баранов Д.А. Стоит город не на земле, не на воде: к мифологии колыбели // Живая старина. – 1998. – № 2. – с. 21-23. С. 23.

² Жульникова С.Н. Гендер в предметном коде культуры: символ и архетип (на материале славянских обрядов первого года жизни) // Кижский вестник. – 2009. – № 12. – с. 61-79.

³ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 15.

зависимости от настроения малыша, уже начинающего понимать сюжет, смысл вокального монолога пестуны.

Одним из первых слов, выделяемых малышом в окружающем звуковом пространстве, являлось его собственное имя. В крестьянской среде его порой давала повитуха, стремившаяся «укрепить» слабого новорожденного, или священник (тогда до крещения детей величали «богом данными» – «Богданами»). Церковное таинство крещения совершалось на третий, восьмой, но не позднее сорокового дня после рождения.

Если ритуалы, связанные с родинами, были преимущественно ориентированы на формирование «правильного» физического облика младенца, то «крестильная» группа обрядов делала его «правильным» человеком в социальном смысле¹. По мнению Д.К. Зеленина, крестьянские крестильные обряды следует рассматривать «как акт приема новорожденного в общину»². В деревенской культуре восточных славян представления о крещении связаны не столько с религиозной, сколько с социальной идентичностью: слово «крещеный» использовалось для обозначения принадлежности к миру людей как таковому. Некрещеные или умершие до крещения дети считались нечистыми существами, после смерти превращающимися в демонов.

«Духовное родство пуше плотского», – гласит русская пословица. Крестные родители являлись «социальными» и духовными покровителями ребенка, несли ответственность за веру ребенка, выступали посредниками между новорожденным и крестьянской общиной, ребенком и Богом. Не случайно молитвам крестных иногда придавалась даже большая сила, чем молитвам родной матери, а в фольклоре восточных славян распространен сюжет о чудесном крестном, которым оказывается сам Христос³.

Передача ребенка повитухой на руки крестным родителям (по возвращению из церкви после совершения таинства крещения) сопровождалась помещением

¹ Панченко А.А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 31-38. С. 32-33.

² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с. С. 323.

³ Кормина Ж.В. Институт крестных родителей в традиционной культуре // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. Вып. 1. – СПб., 1999. – с. 221-239.

малыша на тулуп или шубу мехом наверх. «Ее “двойная” принадлежность (“культуре” и “природе”) соответствует двум формам ее использования (мехом внутрь или наружу), причем во втором случае закономерно актуализируется идея богатства, которая является основной в мотивировках участников обряда»¹. Сколько в мехе волосинок, столько богатства прибудет крещеному. Крестины сопровождались застольем, обязательным атрибутом которого являлась каша (пшенная, пшеничная, гречневая). «Кум, кума и родные кладут бабушке (повитухе) на блюдо – ребенку на кашу – денег»². Приглашенные гости дарили подарки. Подарками крестных выступали крест, пояс, рубаха – предметные символы, выделяющие человека (своего) от нелюдей (чужих)³. Чтобы ребенок быстрее рос, бегал, раньше заговорил, выполнялись определенные ритуальные действия: хлеб разламывали, высоко подняв его; бросали в потолок кашу, подпрыгивали, присутствующим детям полагалось больше бегать⁴, капли алкоголя, оставшиеся в стаканах, гости выплескивали вверх со словами: «Дай Боже (имярек) красоту и высоту»⁵.

Считалось, что имя предопределяет человеческую судьбу. При крещении священник обычно не менял имени, выбранного повитухой. В иных случаях имянаречение осуществлялось крестными родителями в соответствии со святцами. Получив имя, ребенок приобретал покровительство святого. Верили, что «имя преподобного в крещении – к счастью младенца, имя мученика – к несчастью»⁶. Опасались называть новорожденного именем умершего ребенка. В то же время повсеместно был распространен обычай давать имена умерших дедов или бабушек, если они прожили счастливую жизнь. Эта тенденция «отражает общность всех родственников – и живых, и мертвых – и подчеркивает то, что их

¹ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб: Наука, 1993. – 240 с. С. 48.

² НА СОМК, оп.1, ед.хр.11. ФЭЭ в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии., 1920 г. Информант Бирюкова Афанасия Яковлевна.

³ Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб: Наука, 1993. – 240 с. С. 49.

⁴ Там же: с. 53.

⁵ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1996 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Баранова Ирина Даниловна 1913 г.р.

⁶ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996 – 480 с. С. 81.

объединяет родовое имя»¹. В семье могли одинаково звать дочь и мать, отца и сына.

В бережных целях первое имя часто сохраняли в тайне и называли ребенка вторым, домашним именем или прозвищем². Данный обычай повсеместно существовал у русских до XVII века. Домашние ласковые прозвища, употребляемые чаще имени, и сегодня являются широко распространенным явлением, в некоторых регионах фиксируется обычай «двойных» фамилий³. В процессе взросления изменялись формы использования имени – от уменьшительно-ласкательной до полной, включающей отчество.

Первоосновой детского духовного и телесного здоровья считалось грудное вскармливание. Младенца прикладывали к груди при первом требовании (плаче). По поверью, материнское молоко способствует укреплению эмоциональной связи «мать-дитя» и наделяет малыша жизненными силами, но если ребенок «не отрывается» от груди, получает ее слишком часто, то ему суждено вырасти вором. Кормление грудью продолжалось обычно до полутора-двух, а иногда и трех лет.

Ребенок, начавший ходить рано, считался более жизнестойким. Для обучения сидению и ходьбе использовали специальные приспособления: сидулки, сидухи, сиделки, ходульки, ходунки. Если малыш долго не вставал на ножки, взрослые – чаще отец – «разрезал пути», сковывавшие ребенка. Для этого совершали ножом, лучиной или ножницами между ножками движение, символизирующее разрезание.

В течение первого года жизни стричь ногти и волосы не полагалось. Их изначальная «твердость» и опережающий рост являлись залогом укрепления и развития ребенка⁴. Если нарушить запрет – можно «отрезать язык», и ребенок долго не будет говорить. Связь волос с языком и разумом в традиционных

¹ Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении: дис. канд. истор. наук. – СПб., 1999. – 155 с. С. 76.

² Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 2000. Т. 1. с. 508-510. с. 508; Мадлевская Е. Прозвище // Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 2006. С. 310-312.

³ Так фамилия автора – Спицына – на малой родине (с. Малая Сердоба Пензенской области) с момента основания поселения (1697 г.) по сей день «по уличному» (в бытовом обиходе) звучит как Савина.

⁴ Байбурин А.К. Полярности в ритуале (твердое-мягкое) // Полярность в культуре / Сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. (Альманах «Канун». Вып. 2). – СПб, 1996. – 430 с. С. 157-165.

представлениях очень устойчива. Верили в их особую силу, связь с судьбой, душой, прародителями. Волосы наделяли сакральными свойствами и широко использовали в магических практиках ворожбы и гадания. Волосатость и немота – характеристики животного мира. Обрезание волос представлялось «операцией» по отделению ребенка от «природы» и включению его в «культуру». Обрезанные волосы символизировали прежнее «докультурное» состояние. Новый статус закреплялся наделением ребенка «культурными» признаками (поясом, крестом)¹.

В первый раз ребенка стригли не ранее, чем через год после рождения. Иногда постриг совершался на третьем или пятом году жизни (в древнерусских летописях встречаются упоминания о том, что сразу после пострига двух или трехлетних князей сажали на коня). Постригу подвергались преимущественно мальчики, для девочек проводился обряд первого заплетения косы. Обряд «пострижин» совершали повитуха или крестный. Волосы выстригали крестообразно на макушке. Эти волосы хранили, иногда зашивали их в ладанку или закатывали в воск и впоследствии использовали в случае болезни ребенка («обкатывали» больное место). Оставшиеся волосы либо подравнивали, либо состригали наголо, веря, что новые вырастут «лучше прежних».

«Судя по поздним данным, основными моментами пострига были: посадение ребенка на или рядом с объектом, символизирующим мужскую или женскую сферу жизнедеятельности (для мальчиков – конь, топор, борона, сабля, различные “мужские” инструменты; для девочек – веретено, прялка, чесальный гребень, пряжа и др.); обстрижение волос мальчику и заплетение косы девочке; переодевание их соответственно в мужскую или женскую одежду (мальчик впервые надевал штаны или шапку, а девочка – юбку, иногда – платок); угощение всех участников ритуала»². А.К. Байбурин рассматривает обряд пострига как одну из форм инициаций – обряд перехода в мир взрослых, утверждение посредством культурных образцов половой принадлежности ребенка³.

¹ Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – 320 с., с. 257-266. С. 260-262.

² Там же: с. 258.

³ Там же: с. 259.

До этого момента ребенок считался существом бесполом – не случайно по отношению к младенцам применяли термины среднего рода (дитя, чадо) или собирательные (мелочь, тварня, блазнота)¹ и детей обоего пола одевали одинаково. Теперь девочкам полагалось носить женскую одежду². Изношенную первую «настоящую» одежду выбрасывать было не принято, ее сжигали в печи, подобно первым волосам, первой нити, т.е. обращались с ней, как со священной вещью³.

Постриг был связан не только с формированием половой идентификации ребенка, но и с представлениями о появлении сверхслуха (прокалывание ушей у девочек символизировало обретение способности слышать звуки сакральных инструментов⁴), становлении («развязывании») «языка» и «ума», т. е. речи и интеллекта⁵.

Первый этап жизни ребенка характеризовался как вхождение «в первый разум». Его окончанием считали время, когда ребенок был отнят от груди, умел сидеть, ходить, держать ложку, пить из чашки, осмысленно произносить первые слова. С этого времени (примерно с 1,5-2 лет) ему полагалось принимать пищу совместно со взрослыми и осваивать правила поведения дома, за столом, «на людях».

Одним из первых знаний, получаемых детьми, было знание о пространстве, которое поначалу было тесным (зыбка, дом), потом все более расширялось (двор, улица, лес, поле). Сызмальства осваивались оппозиции «свое-чужое», «внутреннее-внешнее» и понятие границы, рубежа, черты, через которую нельзя переступить. «Если внутренний мир воспроизводит космос, то по ту сторону его границы располагается хаос, антимир, внеструктурное иконическое пространство,

¹ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 274 с. С. 25.

² По свидетельству информантов Жулевой Марии Павловны (1915 г.р.) Стрельниковой Прасковьи Васильевны (1915 г.р.), Ющичкиной Анны Ксенофонтовны (1912 г.р.) различия в одежде могли проявляться значительно позже, в 10-12 лет. (АЛФ ПКИ, ф. 1993. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1992 г. Рук. Спицына Е.И.).

³ Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – 320 с., с. 257-266. С. 259.

⁴ Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван, 1983. – 231 с. С. 78.

⁵ Панченко А.А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 31-38. С. 34.

обитаемое чудовищами, inferнальными силами или людьми, которые с ними связаны <...> в антипространстве живет разбойник <...> он говорит на антиязыке, осуществляет антиповедение (громко свистит, непристойно ругается)»¹. «Чужое» пространство до определенного возраста существовало для ребенка в фольклорных текстах, рассказах взрослых, но постепенно осваивалось им.

В возрастном интервале от трех до семи лет у славян могли совершаться обряды, символизировавшие вхождение детей в семейную и общинную трудовую деятельность: «когда девочка 5-6 лет впервые спрядет нить и смотает ее в клубок на клочок кудели, этот клубок сжигают, а золу девочка должна выпить с водой или съесть»². В этом обыкновении просматривается мотив судьбы, доли, протяженности жизни ребенка (А.К. Байбурин). Для мальчиков испытанием часто выступало посажение на коня. Эта группа ритуалов завершала процесс «очеловечивания» ребенка: «из “младенца” он превращался в “отрока”»³.

Хронологические рамки отрочества колебались в России в пределах с 5-8 до 12-15 лет. Нижняя граница определяла время приобщения ребенка к труду, верхняя – срок достижения брачного возраста. Согласно церковным канонам, отрочество наступало с семилетнего возраста, когда дети впервые допускались к исповеди. С этого времени ребячью начинали строже наказывать и учить всяким житейским наукам. В целом, церковь маркировала этапы детства обрядами крещения, чина младенческого погребения, сроками, установленным для начала исполнения церковных «правил» – поста и исповеди.

Таким образом, «решающим фактором в определении рубежа между младенчеством и отрочеством (и, по сути дела, между ребенком и взрослым) оказывались не внутреннее состояние и развитие человека, а совершаемые над ним ритуальные действия»⁴.

¹ Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История / Тартуский ун-т. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с. С. 189.

² Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с. С. 332.

³ Панченко А.А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 31-38. С. 33.

⁴ Там же: с. 34.

Отец семейства воспринимался как безусловный авторитет, хозяин. Он нес ответственность за телесную и душевную чистоту своих домашних, имел неограниченную волю в решении судьбы своих детей. Наряду со средствами «кроткого вразумления» широкое распространение имели методы физического «внушения» разума. Мать могла отшлепать ребенка за мелкие проступки, отец наказывал реже, но больнее и за более серьезные прегрешения (ложь, воровство, порчу имущества), в ход шли розги, плетка, ремень. При этом было принято «наказывать в меру и за дело, учить детей без людей»¹ – не подвергать «позору» ни их самих, ни родителей. Более жалостливые матери, хотя и пугали «неслушников» отцовским наказанием, часто скрывали провинности детей от строгого мужа.

Вместе с тем уважительное отношение взрослых к детской жизни проявлялось в поощрении детских игр, совместном изготовлении игрового инвентаря, специальных развлечениях, устраиваемых для ребятни в праздники (масленичное катание детей на лошадях и пр.). «В микрокосме крестьянского дома самое высокое, “небесное” место – полати (дощатый настил над печкой) – было предназначено детям, а детские игрушки <...> бережно сохранялись и передавались из поколения в поколение»².

Женщина-мать всегда выполняла роль основного распорядителя домашних дел, организатора семейного уклада и воспитателя. Мужчины вступали в процесс воспитания, когда дети подрастали, и их было можно учить какому-либо ремеслу. В многопоколенной патриархальной семье в воспитании ребенка также принимали участие братья, сестры и старшее поколение родственников (бабушки, деды), озабоченные воспитанием детей, передачей традиций, опыта и трудовых навыков «малым» не меньше родителей. Средства и методы воспитания зависели от возраста ребенка.

¹ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1996 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Баранова Ирина Даниловна 1913 г.р.

² Абраменкова В.В. Агиологическая психология детской святости // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2007. – № 4. – с. 33-57. С. 36.

Личность ребенка формировалась в среде и средой. По замечанию В.О.Ключевского, «ребенок должен был воспитываться не столько уроками, которые он слушал, сколько тою нравственною атмосферой, которой он дышал. Это было <...> ежеминутное действие, посредством которого дитя впитывало в себя сведения, взгляды, чувства, привычки»¹.

Обобщением представлений о воспитании молодого поколения являются пословицы, поговорки, дидактические приемы и правила народной педагогики: разъяснение, поучение, поощрение, одобрение, личный пример, показ, упражнения, намек, запрет, укор, осуждение, наказание, назидание. К наказанию взрослые прибегали в исключительных случаях; словом и личным примером (делом) стремились убедить ребенка в разумности определенных понятий, действий, поступков. Широко применялись поощрение и одобрение. Особое значение всегда придавалось общественному мнению, определяющему меру воспитанности, трудолюбия и благочестия ребенка. Ценились такие личностные качества, как бескорыстие, доброта, милосердие, уважение к старшим, искренность, скромность, находчивость, смелость, свободолюбие, совесть, терпение. Благополучие рода, общины, семьи всегда ставилось выше личного.

По всякому жизненному случаю, требующего воспитательного воздействия старших, использовались сказки («сказка – ложь, да в ней намек»), притчи, присловья и др. Жизнь и подвиг во благо Отечества, любование красотой родной земли-кормилицы, защита «своего» пространства, сородичей, слабых и обиженных – эти и многие другие идеи, воплощенные в разнообразных фольклорных текстах, способствовали формированию идеалов, патриотического самосознания русских детей: «всякому мила своя сторона»², «родимая сторона – мать, чужая – мачеха»³. Любовь к Отчизне начиналась с любви к отчему дому.

¹ Ключевский В.О. Два воспитания / Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX: Материалы разных лет. – М.: Мысль, 1990 – 528 с. С. 13.

² Даль В.И. Пословицы русского народа. Т.1. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 480 с. С.472.

³ Там же: с. 473.

Главной добродетелью человека считали почитание старших, в первую очередь, отца с матерью («кто родителей почитает, тот вовеки не погибает»¹). Злословие в отношении родителей считалось величайшим грехом. Не случайно широко распространены были поверья и рассказы, связанные с силой материнского проклятья. А вот родительское благословение, по народным представлениям, «на воде не тонет, на огне не горит»², «материнская молитва со дна моря вынимает (достает)»³.

Богоугодным делом в народной традиции считалось милосердие – помощь страждущим: нищим, путникам, слабым, убогим, вдовам («Милостливому человеку Бог подает»⁴). В среде русского крестьянства было принято брать в семьи на воспитание осиротевших детей. При этом наряду с состраданием и милосердием крестьяне руководствовались и прагматическими соображениями. Ведь сирота в скором времени становился работником, кроме того, лишний «рот» обеспечивал увеличение надела общинной земли. Приемыши считались родными и имели равные права на наследство.

Старались научить ребенка делать добро и уберечь от мстительности, обиды: выяснять отношения, не откладывая на долгий срок, словом или в честном бою, а то и вовсе простить обидчика. Прощение было принято просить перед дальней дорогой, перед смертью, перед каждым важным начинанием и в специально отведенное для этого время – в Прощеное воскресенье на Масленичной неделе.

Значимыми понятиями в традициях народного воспитания выступали честь и достоинство. Понятие чести включало отношение к взятым на себя обязательствам, к работе и людям, внутреннюю цензуру собственных слов и поступков («честь ум рождает, а бесчестье и последний отнимает»⁵, «лучше смерть, нежели позор»⁶, «каково проживешь, таково и прослывешь»⁷). Считалось,

¹ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996. – 480 с. С. 93.

² Там же: с. 92.

³ Там же: с. 93.

⁴ АKNПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1995 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Данилова Анна Семеновна 1917 г.р.

⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 3. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996 – 480 с. С. 103.

⁶ Там же: с. 105.

⁷ Там же: с. 51.

что «честный» человек всегда поступает «как должно» – выполняет свой долг и живет «правильно», «по-божески» – правдиво. О совершивших несправедный поступок говорили: «Креста на нем нет»¹.

Молитвам учили с малолетства. Они предшествовали трапезам, каждому большому начинанию, с них начинался день и ими заканчивался. К 7-8 годам каждый ребенок знал обычно «Богородицу» и «Отче наш». С этого возраста взрослые брали детей с собой в церковь по воскресным и праздничным дням, помогали подготовиться к исповеди и причастию. Старики рассказывали детям христианские предания и жития святых, обучали духовным стихам, приобщали к чтению Псалтири.

Приверженность христианским ценностям переплеталась с освоением языческих знаний. Широкое бытование имели мифы, легенды, волшебные сказки, былички и предания о нечистой силе, магические практики защиты от русалок, лешего, банника, лихорадок, вызывания дождя и др. Наряду с приметами, пословицами, поговорками, дети перенимали от старших суеверные представления и способы ограждения от различных напастей.

Фольклор во всем его многообразии служил естественным фоном взросления. Ребенок рос в определенной образной и звуковой среде. Ему была адресована поэзия пестования, детским сообществом уготованы специальные детские произведения, день за днем исподволь воспринимался фольклор старших возрастных групп. Корпус «взрослых» текстов вводил в сознание ребенка основы интонационного, попевочного, метроритмического, ладогармонического строя русской песенности, яркие поэтические образы и идеалы, воплощающие миропонимание ныне живущих и прошлых поколений. Осваивая многогранную народную мудрость, дети постепенно и целенаправленно включались в обрядовую жизнь общины.

С 5-6-летнего возраста девочкам разрешалось разжечь лучину и присутствовать иногда на «супрядках» – собраниях взрослых для совместной

¹ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Полубоярова Анастасия Никаноровна 1912 г.р.

работы. Маленькие мальчики выполняли особые функции в свадебном ритуале, продавая косу невесты. Иногда их сажали на колени новобрачной, желая таким образом воздействовать на пол будущего ребенка. Мальчики и девочки 7-10 лет совместно, поскольку еще не достигли половой зрелости, встречали и «кормили» Коляду, участвовали в святочных обходах дворов («христославлении» и «посевании»), в обрядах Егорьева дня, когда скот первый раз после зимы выгоняли на пастбище. На Пасху и Красную горку «катали яйца», играли в «Подкучки»¹. В Чистый четверг на страстной неделе, когда крестьяне считали необходимым защитить свой дом различными магическими способами от нечистой силы и колдунов, детям поручалось на заре обежать дом с колокольчиком. Обрядовые действия обычно сопровождались специальными речитативными или напевно интонируемыми формульными текстами, призванными воздействовать на силы природы. В детском репертуаре имелись заклички и приговоры на все случаи жизни: и чтобы дождь пошел, и чтобы перестал, и чтоб скотинка плодилась, и чтобы рожь уродилась...

В русской традиции известны обряды, которые исполнялись только детьми². Таковы встреча Масленицы (в воскресенье перед масленичной неделей), обход дворов в Средокрестие (в среду на четвертой неделе Великого поста), обряд «Встречи весны» («Жаворонки» – когда «дети бегают по крышам “смотреть солнышко”»³).

Приобщение к обрядовой жизни происходило также через игровую имитацию различных ритуалов семейного цикла. Обычно из глины или тряпок девочки изготавливали целую «семью» кукол с «маленькими детьми», укладывали спать, пели колыбельные, устраивали кукольные свадьбы и похороны. Хоронили кукол в поле, где пасли скотину, или рядом с кладбищем,

¹ Спицына Е.И. Меж высоких хлебов: сб. фолькл.-этнограф. мат. Вып. II. – Саратов: Софит, 2006. – 120 с. С. 17.

² Коринфский А.А. Народная Русь / Репринт. воспроизведение издания 1901 г. – Смоленск: Русич, 1995. – 656 с.

³ НА СОМК, оп.1, ед. хр.16. ФЭЭ в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии, 1920 г.

голосили по ним, а потом ходили «поминать» хлебными корочками, ягодами, орехами, щавелем¹.

До достижения подросткового возраста дети могли играть вместе, но чаще делились на девчоночьи и мальчишечьи группы. С достижением подросткового возраста ритуальные функции парней и девок разделялись. Девушки становились главными участницами святочных гаданий, весенних хороводных гуляний, обрядов троицко-купальского цикла. Парни-подростки присоединялись к мужчинам в пасхальных обходах дворов и кулачных боях.

Участие в обрядовой жизни коллектива способствовало ощущению значимости собственного существования, защищенности, связи с другими членами традиционного сообщества. Одной из важнейших установок народной педагогики являлось разумное соотношение игры и труда в детстве.

Семья на протяжении многих веков являлась самостоятельной производственной единицей. Ее благосостояние зависело от вклада всех членов семьи, в т.ч. детей. Потому в русской традиции большое значение придавалось воспитанию уважительного отношения к труду, развитию трудовых умений. Так, мальчик мог стать полноправным членом деревенской общины только тогда, когда освоил «премудрость» (необходимые приемы) земледелия, навыки ухода за домашними животными. Девочка должна была научиться стряпне, рукоделию и иным хозяйственным навыкам. Критерии социальной зрелости, готовности к самостоятельной жизни «имели сословный характер»².

Крестьянские дети начинали трудиться рано, примерно с пяти лет, при этом главная эмоционально-психологическая и общественная установка была направлена на пробуждение в ребенке ощущения собственного достоинства, необходимости посильного вклада в общее дело. Нарвать скоту травы, вымыть посуду, полить грядки, собрать ягоды, подмести пол, накормить домашнюю птицу было по силам и пятилетке. А в 6-7 лет дети носили дрова, воду; девочки учились прясть. Хоть и пряли они толсто, ничего не выбрасывалось, шло на

¹ Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов / Ред.-сост. А.М. Мехнецов. Т. 2. – СПб., 2002. – 845 с. С. 76.

² Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 225 с. С. 8.

веревки. Несложные, посильные для исполнения поручения сменялись хозяйственными обязанностями, о которых уже не приходилось напоминать. При этом учитывался пол и возраст ребенка. Девочка готовилась к роли и функциям женщины-хозяйки, мальчик осваивал навыки и знания, необходимые мужчине. В 10 лет косили, гребли, пасли скот, лошадей, возили снопы и навоз, «таскали» и «колотили» лен. С 9 лет мальчики боронили со старшими, а в 12 – пахали землю, владели техникой обиходных работ, что делало их практически равноправными работниками. Девочки чаще оставались дома с маленькими братьями и сестрами. В 6 лет – уже нянька: качает зыбку, кормит младенца. К 10-11 годам девочка в полном объеме осваивала приемы пеленания, кормления, укачивания, блок текстов поэзии пестования и умело управлялась с малышами, в случае материальных затруднений в семье могла наниматься нянчить «в люди». Анализируя подобный порядок, Р.Г. и Р.Л. Монро, Г.С. Шиммин отмечают, что впоследствии девочки, ухаживающие за детьми, переносят часть выработанных в этом процессе поведенческих стереотипов на всех детей младше себя, а мальчики, занятые тяжелым трудом, чаще проявляют готовность брать на себя ответственность¹.

Девочка-подросток помогала матери не только по дому, но и в поле. Мальчики в том же возрасте умели запрячь лошадь, рыбачили, умели стрелять, могли наниматься в пастухи и на иные работы. Параллельно с сельскохозяйственными хитростями постигались основы ремесла (плетение бечевок, корзин, лаптей, обработка кожи, прядение, вышивка). Разнообразие хозяйственных условий на пространствах России обуславливало региональные различия в возрастных градациях и направлении семейного трудового воспитания. Так, на Южном Урале и юге Западной Сибири детей, в т.ч. и девочек, с раннего возраста обучали управляться с лошадьми, а в Задонском уезде Воронежской губернии – гончарному делу².

¹ Munroe R.H., Munroe R.L., Shimmin H.S. Children's Work in Four Cultures: Determinants and Consequences // American Anthropologist, New Series. – Vol. 86 – No. 2 (Jun., 1984), pp. 369-379.

² Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 544 с. С. 372.

Включение детей в трудовую деятельность и промыслы происходило постепенно, соразмерно возрасту. «Начиналось это зачастую с поощрявшихся родителями игр, переходивших в полуигру, полужанятие. Следующим этапом было подключение к настоящему промыслу, но на определенном, более легком участке – под руководством старшего. Заканчивался процесс самостоятельной деятельностью, наступавшей иногда уже в подростковом возрасте»¹. При этом перенимались не только приемы работы, но и знания, понятия, представления, «секреты».

Характерно, что наказывать ребенка за провинности «трудом» было не принято. Ребенок должен был в самой тяжелой работе видеть не расплату за содеянное, а высокий долг человека, исполняемый с «легким сердцем» и радостью. Взрослые считали необходимым поощрять, хвалить «работников» за их труд, всякий раз отмечать, что посильная помощь очень важна для семьи. Чувство сопричастности общему делу тешило детское достоинство. Работать хуже старших или раньше других устроить отдых считалось зазорным. Труд, уважение и достаток воспринимались как взаимосвязанные понятия: «Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто»². Добросовестное отношение к труду формировалось также в процессе освоения фольклорных текстов: сказок, пословиц, поговорок, притч, осмеивающих бездельников и лентяев. Особое значение для формирования отношения к трудовым обязанностям имело общественное мнение. Оно «клеймило» тех, кто к положенному сроку (по местным представлениям) не овладел мастерством. Обидно было слышать в свой адрес слова «неумеха», «непряха», «безлапотник», вот и стремились дети соответствовать ожиданиям взрослых.

К 12-13-летнему возрасту от ребенка ожидали достаточной физической силы для исполнения тяжелых работ, полного овладения всеми трудовыми навыками, сформированности взглядов на явления общественной жизни, умения строить свою жизнь по законам гармонии и красоты: в труде и отдыхе находить

¹ Громько М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 544 с. С. 372.

² Даль В.И. Пословицы русского народа. Т.2. – СПб: ТОО «Диамант», 1996. – 480 с. С. 263.

удовлетворение и радость, каждую бытовую вещь изготавливать «с душой», украшать росписью, резьбой, орнаментом, «складно» говорить и петь, «ловко» работать. Отрочество было ознаменовано своеобразным посвящением в новый половозрастной статус: парни и девки начинали принимать участие в хороводах и посиделках.

Основной формой освоения социокультурного опыта в период детства и отрочества выступала игра. От взрослых детям и среди поколений детей транслировались традиции игровой культуры, включавшие физические и интеллектуальные практики, фольклорные произведения и обрядовые действия.

Игра – естественная форма детской активности. Однако происхождение игры связано не только с врождёнными биологическими потребностями человека, но и с магико-культовым поведением¹. Вероятно, в ранний период человеческой истории игры представляли собой простейшие манипуляции подручным материалом: камешками, плодами, костями². Позже игра проявляет себя в ритуале, обряде, предполагающих набор словесных формул, символики, атрибутики, драматургии, наличие временных и пространственных рамок.

Каждый обряд – это «большая» игра по строго выверенному традицией «сценарию», в рамках которого выделяются «роли» и «правила», хотя и допускается известная степень творческой и поведенческой свободы «исполнителей». Как уже упоминалось ранее, календарные и семейные обряды русских синтезируют христианские и языческие мотивы. В большей степени игровыми моментами отмечена та их составляющая, которая является отголоском языческих верований³. Примером культовой игры может служить перевоплощение в «личины», встречавшееся в скоморошских представлениях, святочных играх, традициях второго дня свадьбы; игровые традиции шутивного характера могли сопровождать даже погребальные церемонии⁴. С течением

¹ Игра // Большой энциклопедический словарь: А-Я / Гл. ред. Прохоров А.М. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. – СПб.: БСЭ, 2000. – 1452 с. С. 434.

² Детские игры упоминаются в Библии. Сведения о детских играх и игрушках дают древние изображения, а также материалы раскопок: детские свистульки, глиняные погремушки, изготовленные иногда в форме кукол.

³ Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь / Послесловие В.Я. Первухина. – Репринт. издание 1914 г. – М.: Индрик, 2003. – 440 с.; Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Русское слово, 1997. – 824 с.: ил. и др.

⁴ Попович М.В. Мировоззрение древних славян. – Киев: Наукова думка, 1985. – 170 с.

времени игровая культура трансформировалась, приобретала новые формы, ее ритуальная функция в значительной мере нивелировалась. Но неизменным на протяжении веков оставалось влияние игровых форм и практик на освоение культурных традиций и формирование личности ребенка в этнической общности.

Опираясь на позицию Й. Хейзинги, культура детства «возникает и разворачивается в игре, как игра»¹, реализуя свойственное человеку стремление к воспроизведению форм реального мира с помощью игровых приемов, ребенок самозабвенно разыгрывает «порядок вещей» в той мере, в какой его постигает.

Игра в русской традиционной культуре пронизывала как обрядовую, так и бытовую сферы. Ребенок, едва появившись на свет, вводился в существующий «игровой универсум»². Сначала он становился объектом ритуально-игровых воздействий со стороны окружающих его взрослых, затем – активным участником детских игр и игровых (в т.ч. обрядовых) практик.

Взрослые осознавали потребность детей в активном движении, эмоциональной разрядке, общении со сверстниками, рассматривали игры («ребячество») как некую тренирующую деятельность. Считалось, что детям предопределено играть самой природой. Поговорки гласят: «Старый хочет спать, а молодой играть»³, «Молод с игрушками, а стар – с подушками»⁴. Запретов на игры детей, особенно младшего возраста, не существовало. Такие запреты могли иметь место лишь в случаях, когда ситуация явно выходила за рамки дозволенного.

На детских играх лежала многообразная функциональная нагрузка. Играя, дети овладевали знаниями, навыками, стереотипами поведения, формами трудовой деятельности и общения, копировали и «воспроизводили» мир взрослых. Игры помогали выстраивать отношения между поколениями, развивали физическое здоровье и закаляли характер. Они были и развлечением, и учением, и

¹ Хейзинга Й. *Homo ludens*. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с. С. 7.

² Хренов Н.А. Традиционная культура и игровой универсум земледельца // Славянская культура и современный мир: Сб. материалов науч.-практ. конференции. / Сост. В.Е. Добровольская. Вып. 1. – М.: ГРЦРФ, 1997. – 168 с. С. 123-139.

³ Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. 2. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996 – 480 с. С. 49.

⁴ Там же.

подготовкой к взрослой жизни. Основной их целью, с позиций народной педагогики, было приобщение к нормам, принятым в общине, формирование женских и мужских качеств.

По наблюдениям Е.А. Покровского, «первые попытки ребенка к игре вызываются исключительно по рефлексу, с пятого месяца проявляется нарастающая потребность использования для игры предметов из внешнего мира. Впоследствии ребенок, играя с теми или другими предметами, уже производит над ними те или другие наблюдения, тот или другой эксперимент или даже анализ, смотря по возрасту и смысленности, а в конце концов такого рода игры мало-помалу сознательно доводят его до признания существования причин, связи и последствий всех тех явлений, которые он наблюдал или сам намеренно вызывал при помощи своих игрушек или игр»¹.

Первыми культурными формами, реализующими потребность полугодовалого ребенка в игре и общении, были пестушки и потешки. Это всем известные «Ладушки», «Идет коза рогатая», «По кочкам, по кочкам!», «Сорока-ворона» и другие. В нехитрой игре с ручками, ножками, головкой ребенок получал первые уроки коммуникации, физическое и эмоциональное развитие. В арсенале игровых средств, адресованных детям постарше, были разнообразные прибаутки, ставящие своей целью разбудить воображение, зарядить весельем, стимулировать развитие речевых навыков. Подрастающий ребенок все чаще оказывался за пределами своего двора и осваивал все многообразие игровых форм, бытующих в детском сообществе.

Типы народных детских игр чрезвычайно многообразны: жребий и наказание, игры с игрушками (предметами), игры с движениями, символические игры, игры с песнями и хороводами, домашние игры, сезонные игры и др. Специфическими игровыми формами являются загадки, дразнилки, скороговорки – это соревнование в остроте ума, воображения, умения найти верный ответ, быть находчивее или быстрее соперника. Зачином большой игре служат

¹ Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские / Репринт. воспроизв. издания второго, испр. и доп. 1895 г. – СПб.: Историческое наследие, 1994. – 388 с. С. 2-3.

многообразные «конания», «жеребьевки», считалки. Для разрешения игровых конфликтов в детской традиции припасены «отговорки» и «мирилки».

Традиционная детская устная культура донесла до нас также игры с припевами и приговорами. Сюжетные действия некоторых из них унаследованы от древних языческих обрядов¹ («Дрема», «Горелки», «Жмурки», «Кострома», «Ящер») – выпав из репертуара старших возрастных групп, они надолго задержались в детской среде. Многие игры воспроизводят картину серьезных дел взрослых: охоту («Бобер и охотники»), торг («В горшки»), посев, жатву и обработку хлебных злаков, льна и других культур («Лен», «Горох», «Мак», «Конопелька»); в символической форме показывают тепло семейных отношений («Утёна», «Репка», «Редька»). Отражением социальных мотивов являются игры: «В цари», «Палач», «В разбойники», «Беглые», «Почта» и другие. Это не случайно, ведь дети во все времена играли в дела и общественные порядки взрослой жизни².

Предметом неустанной заботы народа было физическое развитие ребенка, воспитание выносливости, ловкости, сноровки, что находило свое выражение в подвижных играх и национальных забавах. Подвижные народные игры могут быть классифицированы с учетом различных оснований: по содержанию, используемым предметам или материалу, степени подвижности и преобладающим движениям, по возрасту и даже по наличию/отсутствию сюжета. Примером сюжетных подвижных игр могут являться «Бояре», «Плетень», «Тетёра», «Золотые ворота», «Коза», «А мы просо сеяли», «Кондалы скованы», «Горелки» и другие. Бессюжетными подвижными играми, повсеместно распространенными в детской среде в IX-XX веках, являлись «Клёк», «Кулик», «Лапта», «Городки», «Палочка-выручалочка», «Пятнашки» и множество иных, имеющих местные наименования, варьирующиеся правила, атрибутику, пространственные характеристики. Е.А. Покровский рассматривал подвижные

¹ Топоров В.Н. К интерпретации некоторых мотивов русских детских игр в свете «основного» мифа (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // *Studia mythologica Slavica*. Ljubljana. – 2002. – № 5. – с. 71-112.

² Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. М.Ю. Новицкая, Г.М. Науменко – М.: Просвещение, 1995. – 224 с. С. 2-8-210.

игры как наиболее естественную форму физических упражнений детей, соответствующих их анатомическим и психологическим особенностям. Каждая подвижная игра предполагает слаженность действий, наличие волевых качеств, следование правилам, существующим в коллективе («лежачего не бьют», «сам погибай, товарища выручай»).

Игры девочек отличались размеренностью, спокойным течением. Преобладали игры с драматическим началом, преимущественно бытовые и хороводные. В их сюжетах отразились народные представления о предназначении женщины как продолжательнице рода, рачительной хозяйке, потому главными персонажами этих игр являлись «мать», «дочь», «хозяйка», «соседка».

Сценки из семейного быта нередко разыгрывали с помощью кукол. В игре «Дочки-матери» куклы изображали малолетних детей, которых заботливые «матери» укачивали, распевая колыбельные песни, кормили и поили, шили для них одежду. В других играх каждая кукла изображала определенный персонаж, девочки же двигали их руками и говорили за них. Кукол старались одеть в костюмы в соответствии со статусом, обозначенным ролью, дать им имя. В игре «в свадьбу» они старались воссоздать обрядовые действия, подсмотренные в жизни; в игре «в беседу» повторяли ситуации, возникавшие на молодёжных посиделках, где девочкам иногда разрешалось присутствовать. Подобные игры нередко проходили под присмотром взрослых девушек или женщин. Например, в Псковской губернии, мать, отдавая свои куклы дочери, посвящала ее в правила игры «в свадьбу». Игровой опыт мог приобретаться и в разновозрастной детской среде: младшие внимательно следили за игрой более старших девочек, потом участвовали в них на второстепенных ролях, лишь со временем активно включались в игровое действие.

Не чужды были девочкам и подвижные уличные игры: «Ловишки», «Пятнашки», «Жмурки», «Прятки» и др. В отличие от игр мальчиков, они не всегда предполагали соревновательный момент и носили, скорее, характер спортивного развлечения. Были любимы игры со скакалкой (веревочкой) и прыжковые игры («В цари», «Классы»). Одно из наиболее распространенных

развлечений девочек – катание на качелях. По народной примете, чем выше ты «взлетаешь», тем выше лен (иногда – озимые) урождаются.

В играх девочек использовались предметы, обладавшие, по мнению хозяек, эстетической привлекательностью – природные камешки или черепки от посуды. Иногда их специально шлифовали и даже раскрашивали.

Девочек 8-10 лет часто отдавали в няньки для присмотра за 2-6-летками. Занимаясь малышами, няньки затевали совместные игры. В репертуар пестуний входили драматизированные, хороводные, спортивные игры – как традиционные, которые передавались из поколения в поколение, так и импровизированные, которые девочки придумывали сами. Так, повсеместно в России была распространена игра «Деточки». В разных губерниях данная игра могла носить название «Криночки», «Сидящие столбы», «Голыши», «Горшки», «Ступы». Суть игры заключалась в сидении «дитятей» при активном перемещении «нянек». Детям постарше пестунии предлагали игры по типу «ловишек», которые сопровождались диалогами, ритмичным текстом, песенками. Пользовались популярностью игры в животных: «Кошки-мышки», «Гуси-лебеди», «У медведя во бору».

Игры мальчиков были ориентированы на мужской стиль поведения и способствовали развитию представлений о мужской чести и достоинстве. С народной точки зрения, главная мужская функция – защита Родины, семьи и общины. Предполагалось, что мужчина должен обладать физической силой, пытливым умом, твердостью духа. Игры мальчиков были направлены на развитие этих качеств и носили испытательно-посвятительный характер. Им свойственны максимальное напряжение сил и энергии, агрессия, азарт, нередко жестокость, грубость, создание группировок и противоборств, командные и индивидуальные соревнования, нацеленность на победу, выявление победителей и побежденных¹. Участие в игре было обязательным для каждого мальчика и являлось своеобразной ежедневной проверкой для него. Победа позволяла

¹ Зимина Т.А. Игры крестьянских детей [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ethnomuseum.ru/igra-v-zhizni-rebenka> (дата обращения 10.04.2015).

самоутвердиться, проигрыш свидетельствовал о слабости, нерасторопности, невезучести. «Наказание», полагавшееся проигравшему, учило ребенка преодолевать боль и трудности, заставляло бороться за лучший результат, требовало превзойти соперника по тем или иным параметрам.

В мальчишечьей среде преобладали спортивные игры и «войнушки». Они могли проходить под непосредственным руководством мужчин. Действие игр «в войну» могло развиваться на основе реальных событий – сражений и битв, вошедших в историю русского народа или значимых для конкретной местности. Их основу составляли бои – рукопашные или с использованием оружия в виде палок, мячей, дубин. С их помощью мальчики имитировали удары мечом, саблей, шашкой, пикой, стрельбу из ружья. Часто отцы или старшие братья специально изготавливали «оружие» из дерева, придавали ему необходимую форму.

Для проведения игры «в войну» могли строить специальные оборонительные сооружения – «крепости» или использовали для этой цели какие-либо старые постройки, а также ямы, канавы, горки. Зимой «крепости» возводили из снега и льда. Одна команда пыталась захватить «крепость» неприятеля, другая – ее защитить. В завершении такой игры воздвигнутые сооружения обычно разрушались. Вариантом игры «Взятие крепости» можно считать игры с соломенными или снежными куклами: чучелами, снеговиками. Представители одной команды стремились их уничтожить, другой – старались не допустить этого. Еще один из вариантов игры заключался в преследовании, поиске и «пленении» одной партией другой. В этом случае момент непосредственного противоборства отсутствовал. Такова игра «Казачьи-разбойники».

Иного характера были игры, воспроизводившие другие типично мужские занятия: пахоту, охоту, рыбную ловлю, покос, запрягание лошадей. В играх «в охоту» и «рыбную ловлю» дети в основном метились в цель или стреляли, используя лук и стрелы, рогатки, мячи, метательные палки, камни. Типичными для русской деревни были также игры, являющиеся испытанием на умение переносить физическую боль («Колика-баба», «Еги-баба», «Масло»). Например, в игре «Колика-баба» один из игроков забирался на возвышение и кричал: «Колика-

баба!» Остальные ему отвечали: «Наш дядя, нажимай кулаки, на чьи боки?» Стоявший указывал на одного из игроков. Тот должен был занять место водящего. Пока он бежал к возвышению, товарищи старались его ударить. Задача бегущего игрока – постараться избежать ударов.

Примерно с десяти лет мальчики начинали принимать участие в праздничных кулачных боях и драках взрослого населения. Противоборство подростков нередко предшествовало или завершало состязания парней и женатых мужчин, когда мальчикам предоставлялась возможность продемонстрировать общине свои способности. Достойное прохождение таких испытаний не только повышало статус ребят в среде ровесников, но и выделяло их в глазах взрослых.

Так в традиционной культуре в процессе игровой активности ребенка решался ряд воспитательных задач: формировались его личностные качества, отрабатывались техники взаимодействия в группе. Игры во всех их транскрипциях представляли естественную среду существования, единения с окружающим миром, общиной и сверстниками и способом приобщения к многогранной народной мудрости.

Мир игры – мир радости. Стремясь доставить радость детям, взрослые мастерили игрушки, делились собственным игровым опытом. Изготовление игрушек из подручных, природных материалов бытовало повсеместно и всегда было делом семейным: мужчины и женщины в свободное от полевых и бытовых работ время лепили, рубили, точили, красили детскую игрушку, привлекая к этому труду своих детей, приучая их таким образом с ранних лет к усердию и терпению.

Игрушек у деревенских детей было немного, они менялись по мере взросления ребенка: погремушки, волчки, свистульки, жужжалки, хлопушки, мячи, самострелы, уменьшенные копии орудий труда, изготавливаемые взрослыми. Часто игрушками служили палочки, тряпочки, солома, глина. Главной особенностью крестьянской игрушки являлась некоторая незавершенность, побуждающая к действию («доделыванию»), что стимулировало детское воображение. Игровой инвентарь обычно переходил от старших детей к

младшим, а куклы передавались по наследству от матери к дочери. В случае раннего брака они входили приданое невесты.

Игрушка – «материальная основа игры» (А. С. Макаренко). Будучи частью культуры всего человечества, она сохраняет в своем образе самобытность и характерные черты создавшего ее народа. Примером ритуального предмета детской игры являются традиционные куклы из дерева и соломы без «прорисовки» лица, воплотившие образ Великой богини, стоящей за гранью добра и зла¹. Куклы могли использоваться в магии. Так, во время болезни ребенку давали специально изготовленную куклу, которая должна была забрать на себя хворь, а по выздоровлении подлежала уничтожению. С символикой солнца связаны всевозможные кони-качалки и качели. Они были призваны принести ребенку удачу и благословение солнца.

Первыми игрушками малышей являлись различные погремушки, шаркунки, трещотки. Их давали детям в руки для самостоятельного использования – как средство развития и оберег. Погремушки и мячи выступали некой моделью кроны Мирового дерева – Небесного мира. По принципу подобия, выражающемуся в том, что модель или изображение в определенном смысле заменяют оригинал, образ Небесного мира в руках ребенка должен был защитить его от темных сил. Важно, что в русской традиционной игрушке совсем не встречаются изображения отрицательных персонажей, так как считалось, что они могут связать ребенка с оригиналами изображений и тем самым принести ему зло².

Предметом детской игры и атрибутом некоторых обрядов были разнообразие глиняные свистульки, изображающие «зверей»³. В XIX веке в Вятке был зафиксирован обряд «Свистопляска», посвященный изгнанию злых сил и привлечению добрых. В Тульской области бытовало поверье, что, посвистев в глиняную свистульку и сказав «Пусть порча перейдет на того, кто ее послал», человек выздоравливает, а тот, от кого исходил дурной умысел, заболит. В

¹ Абраменкова В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640 с. С. 336.

² Наговицын А. Е. Символика и образ народной игрушки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.paganism.ru/folk-toy.htm> (дата обращения 02.11.2013).

³ Например, образ Первоживотного воплощен в фигурках животных, усыпанных «птичьими» знаками.

зависимости от недуга использовалась та или иная свистулька. В обычное время они стояли напротив окна, «не подпуская» болезнь и зло к ребенку.

Система воздействия традиционной игрушки на сознание ребенка была продуманной и многоплановой, воздействующей на все уровни ощущений – тактильный, визуальный, звуковой. Особое значение имел материал, из которого изготавливался игровой инвентарь. К примеру, известно, что тряпичная кукла, в отличие от пластмассовой, снимает психологический барьер между ребенком и «миром больших вещей», воспитывают ласковое, небоязливое отношение к миру.¹

Определенные игрушки служили приобщению малыша к миру абстрактных образов, представлений и даже математических понятий. Так, слушая погремушку, ребенок производил одно движение и много интенсивных шумов. А ритмичные движения таких игрушек, как «кузнецы, бьющие молотком по наковальне», «клюющие курочки», предвещали формирование счетной деятельности ребенка. Матрешки демонстрировали трансформацию подобия. Пирамидки со множеством колец – модель мироздания – помогали различать элементы множеств по размеру. Игрушки учили ориентироваться на плоскости и в пространстве, формировали представления о числе, ряде, геометрической форме. Например, тряпичные куклы-закрутки изготавливались из лоскутков квадратной, круглой, прямоугольной формы.

«Большая часть детских игр <...> принадлежит еще детству жизни разных народов, отражая в них свой первобытный характер, <...> впоследствии некоторые из них только отчасти разнообразятся в зависимости от века, духа времени, особенностей страны, характера и образа жизни данного народа»². Исследования С.Б. Борисова, И.А. Морозова, М.В. Осориной, М.П. Чередниковой доказывают «живучесть» детских игровых традиций, их удивительную

¹ Абраменкова В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640 с. С. 29.

² Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские / Репринт. воспроизведение издания 1895 г. – СПб.: Историческое наследие, 1994. – 388 с. С. 24.

способность адаптироваться к современным реалиям¹.

Так, во все времена из подручного материала дети строили шалаши, пещеры, укрытия – т.н. игровые домики, реализуя тем самым концепт «дома», отраженный в мифологической картине мира и мировоззрении социума, в его повседневных и обрядовых практиках.² В подобных «игровых домиках» современными детьми практикуются ролевые игры (например, «в магазин», «в гости»), игры с куклами; порой в роли игрушек выступают домашние животные, которых кормят, пеленают, одевают. В контексте мальчишеских игр «в войнушки» игровые домики («шалаш», «землянка», «штабики») выступают в роли укрепления, которое нужно захватить или уничтожить, утвердив тем самым присутствие данной группы на определенной территории. В целом же, данные постройки служат местом укрытия и совместного времяпрепровождения. Разновидностью «домиков» являются песочные «замки» или «города», сооруженные в деревенской куче песка или городской песочнице. Подобные «города» недолговечны, но при этом они восстанавливаются с завидным постоянством. «Города», построенные детьми, «не просто физический объект, а творческая реакция ребенка на окружающий мир, который он пропускает через себя, одновременно воспринимая его законы, и проецируя их на свой объект»³. Потребность в сооружении игровых укрытий является характерной чертой культуры детства, позволяющей реализовать детский порыв в освоении нового пространства, стремление к кратковременному выходу из-под опеки взрослых.

¹ Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.; Морозов И.А. Игровой «дом» (в контексте современных детских игровых практик) // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. – М.: Наука, 2009. – 786 с. С. 737-779; Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.; Чередникова М.П. «Голос детства» из дальней дали (игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.; Игра со всех сторон / Пер. с англ., под ред. Е. С. Жорняк. – М., 2003 – 434 с.

² Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира / Труды по знаковым системам. Вып. 10. – Тарту, 1978. – 145 с. С. 65-85; Невская Л.Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре / Балто-славянские исследования. – М., 1981. – 344 с. С. 106-121; Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983 – 191 с.; Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под. ред. Н.И. Толстого. Т. 2. М., 1999 – 687 с. С. 116-120; Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 1. Мир человека. – СПб.: Филолог. факультет СПбГУ, 2000. – 328 с. С. 205-220.

³ Морозов И.А. Игровой «дом» (в контексте современных детских игровых практик) // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. – М.: Наука, 2009. – 786 с., с. 737-779. С. 758.

Дети остаются детьми во все времена. Они продолжают играть. Но игры и игрушки у каждого времени свои. Сегодня активно разрабатываются игровые методы обучения, процветают электронные и компьютерные игры, а вот многие традиционные игры забыты, определенная их часть переосмыслена «на новый лад».

Примером трансформации игровых традиций может являться современное состояние прыжковых игр, проанализированное С.Б. Борисовым¹. Так, игра «В классики» была в XIX веке исключительно мальчишечьей игрой, в первой половине XX века девочки играли в нее наряду с мальчиками; начиная с середины XX века, игра в «классики» становится преимущественно девичьим занятием. «Скакалки» существуют у девочек с начала XX века. Игры «В козла» («В лягушку») с перепрыгиванием через отскочивший от вертикальной плоскости (стены, забора) мяч существуют, по меньшей мере, с 1950-х годов. Игра «В резиночку» получила распространение в нашей стране в последней трети XX века. С.Б. Борисов проводит параллель со славянской обрядностью, в рамках которой прыжки (на качелях, через колоду, лавки, пояса, с лавок, столов, печей) связаны с плодородием земли, с урожайностью культурных растений, чаще всего льна и конопли. Кроме того, прыжки через костер, известные у всех славян, имели брачную семантику. Обряд скакания девочки-подростка или девушки в поневу (юбку, пояс) являлся компонентом восточнославянских пубертатного и свадебного обрядов. В современных «прыжковых» играх аграрно-магическая, пубертатно-переходная и брачная семантика утрачены, однако, как отмечает автор, сохранился типичный для языческих практик психоделический эффект продолжительного однообразного подпрыгивания.

С 1970-х годов наблюдается всплеск использования в детской игровой практике речитативных игр с хлопками. Их смысл С.Б. Борисов видит в получении удовольствия от быстрых ритмичных ударных движений, совершаемых под собственное голосовое сопровождение. Иногда заключительная

¹ Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.

часть игры приобретает состязательный характер: более ловкий участник причиняет шуточный ущерб менее расторопному (например, щиплет живот, нос, ухо; щекочет). Автор сравнивает подобные игры с жанром потешек, которые также предполагают соприкосновение ладоней взрослого и ребенка и заканчиваются «потешным» ущербом малышу; женско-девичьими обрядами троицко-семицкого цикла, включающими удары в ладоши под песенное сопровождение. Исторически хлопки в ладоши («рукоплескания») являлись элементом языческих игр, часто сопрягающимся с прыжками («скаканиями»).

Реалии нового времени находят отражение в словесных играх детей и «игровых прелюдиях»: загадках, считалках, жеребьевках. Они содержат образы современных героев мультипликационных фильмов, рекламные слоганы и сленговые выражения. В целом, наблюдается оскудение данного фонда.

Еще в конце XX века в полевых записях этнографов, фольклористов и филологов фиксировались многочисленные образцы игр с «игровыми припевами». Именно этот пласт детской игровой культуры синтезировал эмоциональность художественного образа, ритмику, интонацию и пластику движения, то есть учил согласовывать движение, внешнее действие и заключенный в нем идеальный внутренний смысл. Сегодня подобные записи – огромная редкость. Исчезновение из обихода игр с «игровыми припевами» – жанрового пласта, выполняющего роль медиатора между игровой активностью ребенка и фольклором родного народа, – обедняет детскую культуру.

Наиболее достоверное воспроизведение народных игр сегодня возможно встретить в сельской глубинке («Лапта», «Прятки», «Кто ударил», «Третий лишний») или в реконструкции фольклорных коллективов центров народного творчества, детских школ искусств, клубных учреждений. Сюжетные народные игры – довольно ограниченный репертуар – используется в работе детских дошкольных учреждений.

Особого внимания заслуживает тема современной игрушки.

Игрушка принадлежит к фундаментальным универсалиям бытия. Она утверждает ценности культуры и передает их новым поколениям. В ней заложен

потенциал развития общества, как позитивный, так и негативный. Нынешнее обилие игрушек на прилавках магазинов и в квартирах нисколько не способствует ощущению гармонии, а лишь усугубляет количество раздражителей сенсорной системы ребенка¹. Вспомним неестественные расцветки и формы зверюшек, чудовищно напоминающие оригинал пистолеты, разнообразие монстров и, наконец, огромное количество агрессивных компьютерных игр, в которых требуется убить, не раздумывая.

Традиционная игрушка, даже самая простая, была «штучным», с любовью изготовленным товаром. Сегодня игрушка стала явлением массовой культуры, зримым воплощением картины мира как машины, механизма. Окружающий мир предстает в ней не как живой организм, что более естественно для ребенка, а как механизированный, роботоподобный объект. Серийная игрушка организует конкурентные игры за право обладания вещью, за успех, превосходство. Она отчуждает одного ребенка от другого, снижает творческий потенциал игры². Традиционных тряпичных кукол сменили многочисленные Барби, Винкс, Братц, Монстр Хай, ориентирующие на чужеродные эталоны «неживой» красоты.

Каждая игрушка особым образом программирует поведение ребенка, несет в себе определенную символику. Человек реагирует на различные геометрические фигуры, цвета, формы и их сочетания. Чтобы не нанести психологическую травму, давая ребенку в руки ту или иную игрушку, важно знать, соответствует ли заложенный в ней психофункциональный код его возрасту и эмоциональному состоянию. Красный цвет может вызывать немотивированную агрессию, стремление к смерти. На протяжении многих веков он использовался для обозначения загробного мира и всего мертвого. Как свидетельствуют археологические раскопки, еще 20-30 тысяч лет назад во всем мире могильники и захоронения было принято покрывать красной охрой. В некотором смысле куклы и другие предметы, имеющие «кровавую» расцветку, являются архетипическими³.

¹ Абраменкова В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка. – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640 с. С. 15.

² Там же: с. 72.

³ Голан А. Миф и символ. – М.: Руслит, 1993. – 374 с.

На воздействии архетипов на психику указывал в многочисленных работах К.Г. Юнг¹. Голубой цвет, напротив, традиционно связывается с небесной символикой, благостью и спокойствием. Геометрические символы и звуковые вибрации также способны воздействовать на детскую психику. Значит, взрослые должны быть крайне осмотрительны при выборе игрушек. Это же относится и к компьютерным играм.

Современное состояние игровой культуры характеризуется распадом сюжетно-ролевой игры, снижением игровой активности детей, в целом, и снижением удельного веса традиционных народных игр в детской игровой практике². Оскудели способы разделения на команды, традиционная терминология, символика, игровые предметы, упрощаются приемы игры. Детские игры становятся все более агрессивными. Коллективные народные игры, являющиеся универсальной формой взаимодействия детей, подвергаются активному натиску коммерческой массовой культуры, нивелируются, уступают место играм индивидуальным, исчезают из повседневного быта.

В ходе проведенных нами исследований мы утвердились в позиции, что в традиционной народной культуре выкристаллизован свод неписаных правил, обеспечивающих всестороннее развитие ребенка. Постепенно, целенаправленно, органично дети приобщались к труду, нормам поведения, обрядовой жизни, ко всему комплексу народной культуры. Формирование значимых характеристик представителя этнокультурной общности осуществлялось посредством специальных ритуалов, бытовых, игровых и обрядовых практик, многообразных фольклорных текстов, воплотивших духовно-нравственные и эстетические взгляды народа. Каждый ребенок активно осваивал культурное наследие и становился его подлинным носителем, исполнителем, творцом.

¹ Юнг К.-Г. Архетип и символ / Сост. и вст. ст. А.М. Руткевича. – М.: Renaissance, 1991. – 299 с.

² Баннов К.Ю. Игровая культура в пространстве современности: опыт культурологического анализа: дис. канд. культурологии. – Челябинск, 2007. – 184 с.; Репринцева Е. А. Педагогика игры: теория, история, практика. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2005. – 421 с.: ил.; Репринцева Е.А. Игровая культура в системе средств воспитания гражданственности школьников: реалии эпохи и традиции русского этноса // Ученые заметки ТОГУ. – 2016. – т. 7. – № 4 (2). – с. 212-224 и др.

Выводы. Мир детства в русской традиционной культуре представлен многообразными формами обрядового, бытового и игрового взаимодействия взрослых с детьми и непосредственно детей в группе, направленными на формирование всех качественных характеристик нового члена семьи и этнического сообщества. Важнейшей культурной формой освоения детьми жизненного опыта является игра. Игровые практики русского детства нацелены на комплексное развитие качеств, необходимых во взрослой жизни, освоение гендерных ролей в соответствии с нормами, принятыми в этнокультурной общности.

2.2. Детский фольклор как самобытный язык культуры детства: тенденции развития в современных условиях

Термин «детский фольклор» введен в научный оборот в 1925 году Г.С.Виноградовым в работе «Детская сатирическая лирика» для обозначения совокупности «словесных произведений, известных детям и не входящих в репертуар взрослых»¹. Конкретизируя понятие, автор указывает, что детский фольклор включает «то, что создано в слове самими детьми, и то, что <...> вошло со стороны в их репертуар, выпав из репертуара взрослых»². Главным критерием жанра «детский фольклор» предстает возрастная принадлежность его носителей. Подобной точки зрения в дальнейшем придерживаются Ю.М.Соколов³, а также Н.И. Кравцов и С.Г. Лазутин, акцентирующие внимание на том, что произведения, созданные и исполняемые детьми, отличаются от фольклора взрослых «как по своему содержанию, так и по художественной форме»⁴.

¹ Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика / Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с., с. 35-76. С. 35.

² Виноградов Г.С. Детский фольклор / Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с., с. 391-423. С. 398.

³ Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Гос. учеб. педагог. изд., 1941. – 557 с.

⁴ Русское устное народное творчество / Сост. Н.И. Кравцов, С.Г. Лазутин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 448 с. С. 273.

Объектом внимания в исследованиях детского фольклора, наряду с возрастным цензом, выступают генезис, особенности бытования и функционирования корпуса тестов. О.И. Капица характеризует детский фольклор «как творчество взрослых для детей, так и детское традиционное творчество»¹. В.П. Аникин отмечает, что «четкое различие детского и взрослого фольклора крайне затруднительно»² и относит к детскому фольклору поэзию взрослых для детей; произведения, выпавшие из фольклора взрослых и усвоенные детьми; собственное творчество детей³. По мнению Э.С. Литвина⁴, широкое распространение имело редактирование для детей произведений, параллельно продолжающих жить в фольклоре взрослых. М.Н. Мельников говорит о детском фольклоре как о специфической области народного творчества, объединяющей мир детей и мир взрослых, включающей «целую систему поэтических и музыкально-поэтических жанров»⁵, и классифицирует детский фольклор по группам на основе их назначения и характера бытования, выделяя самостоятельные жанры внутри групп в зависимости от особенностей музыкального строя, поэтики и бытовой функции. Г.М. Науменко⁶ относит к детскому фольклору произведения, созданные взрослыми для детей, которые исполняются при укачивании в люльке младенца (колыбельные), при пестовании (пестушки), при развлечении и игре с ребенком (потешки, прибаутки, сказки с напевами), а также творчество самих детей, т.е. то, что находится в их репертуаре и исполняется только детьми, – это считалки, дразнилки, заклички, приговорки, игровые песенные припевы и т.д.

Наиболее спорным в вопросе о жанровой классификации детского фольклора предстает положение так называемого «материнского фольклора». Мы считаем,

¹ Капица О.И. Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. – Л.: Прибой, 1928. – 224 с. С. 222.

² Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с.: ил. С. 14.

³ Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Высшая школа, 1987. – 285 с. С. 167.

⁴ Литвин Э.С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор. Т. 3. Материалы и исследования. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 449 с. С. 92-103.

⁵ Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с. С. 4.

⁶ Науменко Г.М. Фольклорная азбука. Методика обучения детей народному пению. – М.: Современная музыка, 2013. – 138 с.: ил., нот. С. 46.

что материнский фольклор (поэзия пестования) входит в границы понятия «детский фольклор», является важной его составляющей, поскольку он адресован детям и в определенных ситуациях исполнялся детьми. В многодетных крестьянских семьях старшие дети перенимали его у взрослых как исподволь, так и вполне осознанно, воспроизводили затем в процессе ухода за младшими братьями и сестрами, в детских играх и забавах с куклами.

При внимательном анализе детских фольклорных текстов обнаруживаются многочисленные заимствования из фольклора взрослых, литературных произведений, лубка. Например, исследования Г.С. Виноградова выявили превращение в считалку девичьей частушки. Э.С. Литвин указывает на трансформацию в жанр колыбельной, исполняемой няней-пестуньей, лирической песни с трагическим содержанием «На улице дождь».

Внутри категории «детский фольклор» выделяются поэтические и прозаические вербальные формы. Исследования конца XX века позволяют говорить о том, что данный культурный пласт существует не только в устном, но и в письменном виде.

Детский фольклор имеет характерные особенности. Ему неведомы эпические моножанры (былины, плачи). Лишь в детской традиции встречаются перевертыши, «лепые нелепицы» (К.И. Чуковский) и жанры (не знающие аналогов в фольклоре взрослых), определяемые детской игровой активностью (считалки, жеребьевки, дразнилки, скороговорки и пр.). Собственно детские тексты тяготеют к ритмизированной речи, скандированию, диалогичности, повторности, лаконизму, мистификации событий и явлений, фантазированию, инвертированию, яркой образности, безусловной вере в сказочный вымысел. Тексты изобилуют контаминациями, активным взаимодействием сюжетных линий, зачинов и концовок. Круг художественных образов и жанровых подвидов в репертуаре расширяется по мере взросления ребенка в соответствии особенностями детского восприятия и психологии.

Жанровая классификация Г.С. Виноградова базируется на возрастном и функциональном критериях. Им выделены потешный (забавы-звукоподражания,

перевертыши, загадки, сказки), детский игровой (игровые припевы, приговоры и игровые прелюдии – молчанки, голосаки, жеребьевки, считалки), детский сатирический (дразнилки, издёвки-заманки, поддёвки, сечки,), бытовой (песенки, приговорки), магический (песенные заговоры, заклинания, магические формулы) и календарный фольклор (заклички, календарные песенки). Следуя тому же принципу, О.И. Капица обращает внимание на генезис поэзии и включает в свод детского фольклора обрядовые, хороводные, сатирические песни; колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки, дразнилки, сказки, игры.

Критерием жанровой систематизации, предложенной В.П. Аникиным¹, выступает среда, в которой создано произведение. Автор считает календарный фольклор «взрослым» жанром, перешедшим в детскую среду. В.А. Василенко² выделяет колыбельные песни, а также произведения, связанные с игровыми действиями, и произведения, исполняемые вне игровых действий. Принцип группировки по наличию или отсутствию игрового действия положен в основу классификации М.Ю. Новицкой³ (игровой и внеигровой фольклор). С позиций М.В. Осориной⁴, классифицировать детский фольклор необходимо с учетом функций и структурных закономерностей текстов.

В антологии А.Н. Мартыновой⁵ тексты детского фольклора разделены по блокам: колыбельные песни – пестушки – потешки – сказки; заклички – приговоры; обрядовая поэзия; дразнилки – насмешки; жеребьевки – считалки; игровые песенки и приговорки; потешный фольклор; загадки.

М.Ю. Новицкой и И.Н. Райковой в фундаментальном издании «Детский фольклор»⁶ выделены две возрастные группы: творчество взрослых, предназначенное для детей (поэзия пестования) и собственно детское народное творчество (детский игровой фольклор, детский народный календарь, детская

¹ Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Высшая школа, 1987. – 285 с.

² Василенко В.А. Детский фольклор // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А.М. Новиковой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1978. – 440 с. С. 132-148.

³ Новицкая М.Ю. Русский детский внеигровой фольклор (стихотворные жанры): дис. канд. филолог. наук. – М., 1984. – 247 с.

⁴ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.

⁵ Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А.Н. Мартынова; Отв. ред. Б.Н. Путилов. – СПб., 1997. – 577 с.

⁶ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с.

сатира, бытовые и правовые приговоры, «страшное» и таинственное в фольклоре детей; детский юмористический фольклор; детские загадки). Циклы включают жанровые подвиды, каждый из которых обеспечивает развитие ребенка и позволяет регулировать различные сферы межличностного общения детей.

Наиболее полной, с наших позиций, является жанровая классификация, предложенная М.Н. Мельниковым¹. Автор, акцентируя внимание на функциях, среде, особенностях бытования фольклорных текстов, выделяет поэзию пестования, игровой фольклор, потешный фольклор, бытовой фольклор; на основе анализа поэтики и музыкального строя указанных блоков производит внутрижанровое деление. Поэзия пестования включает колыбельные, пестушки, потешки, прибаутки, докучные сказки; бытовой фольклор – детские народные песни, заклички и приговорки, детскую обрядовую поэзию, прозвища и дразнилки, детские сказки, страшилки. Потешный фольклор представлен словесными играми, молчанками и голосянками, поддевками, сечками, скороговорками, небылицами-перевертышами, загадками. К игровому фольклору М.Н. Мельников относит формальные ролевые игры без поэтически организованного текста, формальные ролевые игры с игровыми припевами, формальные ролевые игры с игровыми приговорами, игры-импровизации, жеребьевые сговорки, считалки.

На расширение жанрового состава и тематики детского фольклора повлияло распространение школьного образования. Уже в XIX веке отмечено появление разнообразных каламбуров и загадок-игр. В конце XX века в массиве детского фольклора стали выделять т.н. «школьный фольклор»², включающий принципиально новые жанры, такие как страшилки и садистские стишки. Исследования данного блока затронули в большей степени фольклор городских, нежели сельских школьников.

¹ Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

² Лойтер С.М. Школьный фольклор в контексте «культуры детства» // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. научн. трудов. – Петрозаводск: КГПУ, 1995. – 114 с.: табл. С. 7-14.; Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. – М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 744 с.; Чередникова М.П. «Голос детства» из дальней дали (игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с. и др.

С.М. Лойтер¹ выделены эпическая стихотворная и эпическая прозаическая традиция детского фольклора, сказочная и несказочная проза. К эпической прозаической традиции автор относит анекдоты, школьные хроники, любовные девичьи рассказы, сложившиеся в рамках девичьего альбома. Несказочная детская проза представлена страшными историями («страшилками»), многие демонологические персонажи которых заимствованы детьми из быличек и бывальщин, суеверных рассказов взрослых: ведьма, покойник, вампиры, женщина в белом и черном, черт, привидения, колдун, голоса, духи. Вредоносной силой наделяются обыденные вещи: занавеска, туфли, перчатка, лента. Страшные истории отражают комплекс детских представлений о смерти, страхе, таинственных превращениях, воплощают ряд архетипических мотивов оборотничества, магии, обережной силы креста. По мнению автора, изменившиеся общественные условия не отменили детской потребности в соприкосновении с необъяснимым, чудесным, таинственным; стремления ощутить и преодолеть страх, выработать способы реагирования в тревожных ситуациях.

Наиболее устойчивой формой письменного фольклора, широко распространенной на границе детского и подросткового возраста, выступает рукописный альбом². Разнообразные анкеты, пожеланники, дневнички ведутся чаще девочками. Обладательницы альбомов подвергают переписываемые тексты варьированию в соответствии с личностными и ситуативными потребностями.

Фольклорная принадлежность детских текстов, в целом, и письменных форм, в частности, определяется наличием устоявшихся образов, формульных элементов поэтики и средств музыкальной выразительности³, вариативностью,

¹ Лойтер С.М. Детская повествовательная традиция // Материалы междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 1995»: сб. науч. докладов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997. – 431 с. С. 184-187.

² Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.; Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. – Т. 1. – М.: ГРЦРФ, 2005. – С. 215-242.

³ Редькова Е.С. Жанрово-стилевые особенности детского музыкального фольклора: по материалам экспедиций в Псковскую область: автореф. дис. канд. искусствоведения. – СПб., 2009. – 25 с.

анонимностью авторства текстов-первоисточников, коллективностью творческого процесса создания.

Опираясь на сложившиеся научные подходы к феномену детского фольклора, мы сформулировали в качестве рабочего следующее определение: детский фольклор – это специфическая часть народной культуры, предназначенная для детей, включающая тексты взрослых, обращенные к детям, а также собственно детские произведения и практики, существующие в устных и письменных формах по канонам традиции.

Детский фольклор включает материнский фольклор (поэзию пестования) и «собственно детский» блок. Весь корпус текстов можно разграничить на две крупные группы: классический (традиционный) детский фольклор (колыбельные, пестушки, потешки, игровые прелюдии, игры, календарные песни и заклички и пр.) и современный детский фольклор (страшилки, анекдоты, переделки, рукописные рассказы и пр.).

Рассмотрение детского фольклора в нашей работе не отстает от исследовательских традиций российских ученых. При этом делается акцент на социокультурных функциях жанров, их смысловом и ценностном значении в развитии ребенка, влиянии на процесс вхождения в большой мир. Детский фольклор рассматривается нами как важнейший компонент культуры детства, универсальное средство детского развития, способ освоения и межпоколенной трансляции социокультурного опыта.

В русской традиционной культуре широко распространен мотив обретения доли. «Не родись красивым, а родись счастливым», – говорят в народе. Счастливая/несчастливая участь ребенка считалась отчасти предопределенной свыше, отчасти зависящей от ряда обстоятельств. Влияние на судьбу ребенка могли оказывать близкие родственники (в первую очередь, мать), духовные родители (крестные), мифологические персонажи.

В крестинных песнях, обращаясь к кумовьям, просили:

Пей-гуляй, кумуся, у меня,
Чтоб мое дитяtko росло,

Чтоб оно счастливо было,
 Чтоб ему Бог долюшку дал¹.
 А ты, Надечка да Егоровна,
 Перекрести ж ты моего дитя малого,
 Перекрести ж ты моего да малешенького,
 Чтоб мой сыночек да великий рос!
 Чтоб мой сыночек да счастливый был!²

Залогом формирования здоровой личности в младенческий период является «общее чувство доверия», позволяющее воспринимать мир как безопасное место³. Его формированию испокон веков способствовала материнская забота. Мерный, успокаивающий голос матери над колыбелью (зыбкой, люлькой, качкой – первым личным пространством малыша) создавал эмоциональное поле, в котором ребенок чувствовал себя любимым и защищенным. Интонационная выразительность колыбельных стимулировала слуховую активность малыша, восприятие родной речи. Равномерность ритмической пульсации и звукового потока, повторность, размеренность укачивающих движений пестуны «выравнивали» ритмы детского организма, позволяли достигнуть трансового состояния, которое снимало тревожность, способствовало быстрому успокоению.

В русской народной традиции формирование условного рефлекса засыпания имело характер ритуализованного действия. Приподнятость колыбели над «низом» достигалась обычно подвешиванием на крюк, тем самым обеспечивалась символическая защита от злых сил. Качание с вектором движения вверх было призвано способствовать ориентации ребенка на укрепление и рост⁴.

Колыбельные песни обязаны своим названием действиям, производимым над колыбелью (колыхать, качать). Эти произведения, предназначенные для успокоения ребенка, перевода в состояние спокойного сна, часто называют

¹ Пушкина С.И. Русские народные песни Московской области. Вып. 2. – М.: Сов. композитор, 1988. – 336 с. С. 179.

² Этнография детства: Сб. фолькл. и этнограф. мат. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.: ил., нот. С. 100.

³ ХьеллЛ., Зиглер Д. Теории личности: Пер. с англ. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с. С. 221.

⁴ Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении: дис. канд. истор. наук. – СПб., 1999 – 155 с. С. 90-93; Конькина Е.В.. Здоровьесохранительные культурные формы: семантика и прагматика фольклора // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 1 (103). – с. 119-125.

«байками». «Баять» – значит «говорить», «заговаривать». Не случайно к текстам заклинательной магии восходят многие сюжетные мотивы и образы:

Баюшки, баю!
 Сохрани тебя и помилуй тебя...
 От всех скорбей, от всех напастей:
 От лома-ломища,
 От крови-кровища,
 От зло-человека – супостателя¹.

В ласковых обращениях к малышу по имени; в словах, выражающих надежды на счастливое будущее малыша, выражена сила материнской любви и трепетное отношение к детству:

Кто у нас хороший? Кто у нас пригожий?
 Лешенька хороший, Лешенька пригожий².
 Спи, Аннушка моя,
 Спи, голубушка моя³.

Ай, качи-качи-качи,
 Купим Маше калачи,
 Золоты сережки,
 Красные сапожки.
 А как вырастешь большая,
 Будешь в бархате ходить,
 Чисто серебро носить⁴.

В основе сюжетной организации многих колыбельных лежит сообщение о родных, занятых важным делом («Я качаю-зыбаю, отец ушел за рыбою, дедушка

¹ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с.: ил. С. 64.

² АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1997 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Стрельникова Прасковья Васильевна 1915 г.р.

³ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с.: ил. С. 45.

⁴ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1996 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Данилова Анна Семеновна 1917 г.р.

– дрова рубить, мамушка – пеленки мыть»¹, «У бабушки Варвары петухи стали орать. Пора бабушке вставать, курам зернышек давать»²), и о той помощи, которой ждут близкие от ребенка («Станет Ваня подрастать, станет мамке помогать»³; «Будешь матушке заменушка, отцу пособище»⁴).

Отчий дом предстает как место желанного пребывания, семья – как надежная защита от внешних опасностей:

Я тебя, сынок, потешу – зыбку с оцепом повешу.

Лучка ивовые, кольца рябиновые,

Спи, сыночек, во добре⁵.

Оцеп ивовой крепкой, оцеп-от сгибкой –

Высек батюшка родной⁶.

Частым является мотив «границы», «края», «своего» и «чужого» пространства. «Свое» пространство уютно и безопасно:

У котика, у кота колыбель хороша,

У моего Сашеньки лучше его.

У котика, у кота перинушка мягка,

У моего Сашеньки мягче его.

У кота, кота подушечка бела,

У моего Сашеньки соболиное лежит⁷.

Вторжение антропоморфных и зооморфных существ может грозить бедами:

Баю, баю, баю, бай, да наехал-от Бабай,

Налетел Растрепай, кричит: «Петеньку отдай!»⁸

¹ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Спицына Марина Николаевна 1959 г.р.

² НА СОМК, оп.1, ед. хр. 93. ФЭЭ в д. Расловка Саратовского уезда Саратовской губернии, 1928 г. Информант К. Сидоров.

³ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Полубоярова Анастасия Никаноровна 1912 г.р.

⁴ Золотая веточка: детский фольклор Архангельской области / Сост. Е. Якубовская / Альманах «Русская традиционная культура». Вып 1.– 1997. – № 1. – 124 с. С. 31.

⁵ Там же: с. 16-17.

⁶ Там же: с. 24.

⁷ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с., ил. С. 95.

⁸ Этнография детства: Сб. фолькл. и этнограф. мат. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.: ил., нот. С. 145.

Обратим внимание, что тексты, имеющие разную региональную и временную принадлежность, выстраиваются в стройный образный ряд, предохраняющий ребенка от «перехода» за определенную черту («не ходи на тот конец», «не ложися на краю»):

Придет серенький волчок и ухватит за бочок,
И потащит во лесок под зелененький кусток¹.
...И утащит во лесок, и зароет во песок².

«Стерегут ребенка, чтоб не бегал он без старших за ворота»³:

Уж ты, миленький дружок, не ходи ты на лужок!
Там сер волчок.
Он барашка съел, и тебя он съест.
Либо мышка съест, либо птичка уклюнёт,
Либо деревце падет и тебя зашибет⁴.

Взаимодействия реальных и мифологических существ (Бука, Дрема, Угомон), многочисленных зверушек и птиц (волчок, котик, собачка, ворон, гули, галки) закладывают в сознание ребенка важнейшие жизненные смыслы. «Пространственно-символические схемы, организующие эти смыслы в фольклорном тексте, отражают народную модель мироустройства. В дальнейшем они станут основой формирования символического мышления самого ребенка, без которого не может быть понимания мира и себя, осознания смысла своего существования»⁵. Так, одним из любимых персонажей поэзии пестования является кот. Он и заботливая нянька для ребенка, и вор, и плут. За каждый проступок его ожидает расплата:

Полез котик на елку, сломил себе головку⁶.
Как повадился коток ко старушке в погребок,

¹ АKNПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1996 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Баранова Ирина Даниловна 1913 г.р.

² Пальгов С.Ю. Шла кукушка по мосту: колыбельные песни и прибаутки Волгоградской области. – Волгоград, 2000. – 62 с. С. 31.

³ Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с. С. 233.

⁴ Там же: с. 234.

⁵ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 23.

⁶ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с. С. 97.

Ко старушке в погребок, где сметана и творог...

Как поймали кота по середочке моста.

Они били его, приговаривали:

– Не ходи-кося шутить, к нашей бабушке блудить!¹

Ребенок опосредованно воспринимает логическую цепочку предостережение/запрет – расплата/наказание.

В основе хозяйственного благополучия и достатка семьи лежал каждодневный нелегкий крестьянский труд. Жалея ребенка, пестунья могла сетовать:

Без меня тебя разбудят, на работушку понудят,

На работу трудную, на работу нудную².

Тем не менее, тексты колыбельных программируют сознание ребенка на необходимость трудиться:

Ты скоро подрастешь – на работушку пойдешь.

Ты удайся в того, кто работат хорошо³.

Будем рано разбуджать, на работку посылать...

Будем сено косить да будем в кучки носить⁴.

Заговорными мотивами пронизаны т.н. «смертные» колыбельные:

Баиньки, баиньки, надоели малыньки.

Куда малыньких девать? Станем ямочку копать.

Станем ямочку копать, мою детку зарывать⁵.

Баю, баю, да люли! Хоть теперь умри!

Завтра у матери кисель да блины –

То поминки твои⁶.

¹ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с. С. 95.

² Золотая веточка: детский фольклор Архангельской области. Вып 1. Сост. Е. Якубовская / Альманах «Русская традиционная культура». Вып 1. – 1997. – № 1. – 124 с. С. 40.

³ Там же: с. 19.

⁴ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с., ил. С. 61.

⁵ АKNПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1997 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Стрельникова Прасковья Васильевна 1915 г.р.

⁶ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с., ил. С. 68.

Бай да побай, поскорее умирай.

Завтра мороз, повезем на погост.¹

Не вызывает сомнения их древняя охранительная функция: «призыв смерти» на ребенка должен обмануть, отвести болезнь и невзгоды². Подтверждением тому может служить текст:

Бай да побай, ты живи, не умирай!

Поторопись, умрешь – ты наделаешь много слез.

Повезем на погост, зароем песочком, заплачем голосочком³.

Христианское мировоззрение привело к появлению в текстах колыбельных образов Богородицы, Иисуса Христа, святых. Иногда они созвучны молитвам:

Спи-тко, крошечка моя, спи-тко, маленькая.

Умолённое моё, упрощенное моё.

Упросила, умолила я у истинного Христа.

Бог мне тебя дал, да Богородица дала...

Ангелы с тобой, все хранители с тобой...

Спас, Микола в головах – крестна сила на грудях.

Михаило Арханъев да со ангелами,

Кузьма и Демьян со апостолами –

Они тебя хранят, они и милуют

От болезней, от скорбей, от тяжелых болестей⁴.

Материнским заветом звучат слова:

Спи, пока забот не знаешь,

Баюшки, баю.

Когда будешь ты больша, все узнаешь ты тогда,

Баюшки, баю.

¹ Золотая веточка: детский фольклор Архангельской области. Вып. 2. Сост. Е. Якубовская / Альманах «Русская традиционная культура». Вып. 2. – 1997. – № 3. – 160 с. С. 48.

² Ефименкова Б.Б. Северные байки: колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. – М.: Сов. композитор, 1977. – 80 с. С. 5.; Хафизова Л.Р. Баю-баюшки, не ложись на краюшке... О смертных "байках" // Русская речь. – 2000. – № 6. – с. 90-95.

³ Золотая веточка: детский фольклор Архангельской области. Вып. 2. Сост. Е. Якубовская / Альманах «Русская традиционная культура». Вып. 2. – 1997. – № 3. – 160 с. С. 50.

⁴ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с., ил. С. 64-65.

Нынче Господу молись, уму-разуму учись,
 Баюшки, баю.
 В церковь Божию ходи и со всеми мир веди,
 Баюшки, баю.
 Почитай отца и мать, ближних бойся осуждать,
 Баюшки, баю¹.

Ответным откликом на интонационную и образную выразительность материнского фольклора на первом году жизни служили эмоциональные реакции и отдельные звуки малыша. На втором году ребенок активно усваивал содержание и постепенно включался в осознанную игру со взрослым. Особую роль при этом выполняли звукоподражания и повторения. «Ребенку доставляет удовольствие повторять слова ради них самих, ради развлечения, которое они ему доставляют»². Эта закономерность детского мышления и речи нашла отражение в жанрах материнского фольклора: колыбельных («бай-бай», «люли-люли»), потешках и прибаутках («ладушки-ладушки, где были – у бабушки», «ти-та-ту-та, ти-та-та, вышла кошка за кота»; «тили-бом, тили-бом, загорелся кошкин дом»), а затем и в собственно детских текстах закличек («дождик, дождик, пуще»), дразнилок («Ваня-Ваня-Ванерок»), игр («Чижик-чижик-чижачок»). С точки зрения психологии, «эхолалии» (повторы) имеют исключительное значение в развитии детской речи.

Для полноценного развития и здоровья ребенка необходима атмосфера любви, понимания, радости. На предметно-содержательном, сюжетно-композиционном, звуковом, ритмико-интонационном уровнях произведения детского фольклора создавали необходимый эмоциональный настрой, художественный образ огромного и привлекательного для освоения мира³. Тексты поэзии пестования пронизаны добротой, тонким юмором, гуманным отношением

¹ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с., ил. С. 61.

² Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., ком., ред. перевода Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с. С. 17-18.

³ Новицкая М.Ю. Русский детский внеигровой фольклор (стихотворные жанры): дис. канд. филолог. наук. – М., 1984. – 247 с.

ко всему живому (лесу, лугу, сороке-белобоке, кисоньке-мурысоньке, петушку-золотому гребешку). Безошибочно улавливая их эмоциональный настрой, дети сопереживали героям, «присваивали» содержание, что позволяло нехитрыми способами решать серьезные воспитательные задачи. Разговорами, потешками и прибаутками взрослые стимулировали появление смыслообразов, а затем определенных звуков и слов в речи ребенка.

Игровое начало выявлено уже в материнском фольклоре. В процессе взросления игровые формы активности становились всеобъемлющими.

Целостное мировосприятие ребенка, его ощущение включенности в общий порядок мироздания начинается с выделения своего «Я», осмысления устройства собственной телесности. Называя ребенка по имени, затевая телесные игры с ладошками, пальчиками, головкой, подмышками малыша, пестунья помогала ребенку накопить зрительные, тактильные, кинестетические и вестибулярные ощущения, утвердиться в собственной значимости, сформировать осмысленный образ тела как исходной точки отсчета, необходимой для ориентации в окружающем мире, обеспечения нормального умственного и личностного развития. «Не случайно в народной культуре этот процесс направлялся и контролировался традицией»¹. Материнский фольклор являлся средоточием простых, доступных по содержанию и по форме способов обучения ребенка пониманию своего тела. «Образные, рифмованные, легко запоминающиеся тексты пестушек, потешек, пальчиковых игр были общеизвестны. А потому даже самая глупая и нерадивая воспитательница, которая их использовала, волей-неволей развивала ребенка в соответствии с заложенной в эти тексты культурной программой освоения пространства телесного “Я”»².

Пестушки (от слова «пестовать» – нянчить, воспитывать, растить) – это несложные упражнения взрослых с малышом, сопровождаемые комментирующими текстами, исполняемые в ситуациях ухода за ребенком

¹ Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с. С. 17.

² Там же.

(пеленания, купания) в первые месяцы его жизни. Они напоминают массаж, или физическую тренировку мышц и суставов:

Потягушки, порастунюшки! <...>
 Поперёк – толстунюшки,
 А в ножки – ходунюшки,
 А в ручки – хватунюшки,
 А в роток – говорок,
 А в головку – разумок. <...>
 Ручки деловаты,
 Ножки беговаты,
 Язык говорун-говорун¹.

Ребенка поглаживали, похлопывали по частям тела, тем самым тренировали мышцы и помогали малышу освоить «карту» собственного тела.

Пестушки сопровождали купание («С гуся вода, с нашей Мани худоба»), умывание («Водичка-водичка, омой Мане личко»), первые шаги малыша («Моя Маня маленька, маленька-удаленька, пройдет Маня по дороженьке, на крылечке топнет ноженькой»)². Для тренировки пальчиков и кисти руки предназначалась пестушка «Идут четыре брата»:

Идут четыре брата
 Навстречу старшему.
 – Здравствуй, большак! – говорят.
 – Здорово, Васька-указка,
 Мишка-середка,
 Гришка-сиротка
 Да крошка-Тимошка³.

¹ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с., ил. С. 103-104.

² АЛФ ПКИ, ф. 1993. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1991 г. Рук. Спицына Е.И. Информанты: Кармишина Анна Тимофеевна 1926 г.р., Рыбакова Варвара Сергеевна 1922 г.р.

³ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с. ил. С. 128.

Пальчики «кланяются» большому пальцу, он «кланяется» им в ответ, а затем «целуется» с каждым по очереди:

Этот пальчик – дедка,
 Этот пальчик – бабка,
 Этот пальчик – папка,
 Это пальчик – мамка,
 Ну, а этот пальчик – я,
 Вместе мы – одна семья!¹

Первым сгибается большой палец, к нему последовательно присоединяются остальные (от указательного до мизинца). Взрослый просит ребенка сложившимся кулачком ударить в его ладонь, нахваливая, какой он сильный. Посредством подобных текстов ребенок осваивал понятия «мы», «семья», установку на уважительное отношение к «большаку» (старшему) и истину, что, только объединившись, можно стать крепче.

Так же, как колыбельные, пестушки могут обнаруживать связь с обрядовыми приговорами и заговорными формулами отсылки болезни²:

Вода текучая, дитя растучее.
 С гуся вода, с тебя худоба!
 Вода – книзу, а дитя – кверху!³

Трансформацией заговоров являются пестушки «У сороки боли, у вороны боли, у Машеньки заживи»⁴, «Мышка, мышка, возьми мой зубишко»⁵ и др. В деревенской среде по сей день широкое распространение имеют заговоры от сглаза, ячменя, ушиба. Например:

¹ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Спицына Марина Николаевна 1959 г.р.

² Коршунков В.А. Сорока-повитуха в русском фольклоре // Фольклорный текст – 98: Сб. докладов науч. конференции / Под ред. И.А. Подюкова. – Пермь, 1998. С. 29-38; Коршунков В.А. Обрядовое хлестание в детской потешке // Мир детства и традиционная культура / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с. С. 112-113; Коршунков В.А. Фольклорно-этнографический комментарий к восточнославянским детским потешкам про сороку // Традиционная культура и мир детства: мат. межд. науч. конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 2 / Ред. колл.: М.П. Чередникова, М.Г. Матлин, В.Ф. Шевченко. – Ульяновск, 1998. С. 26-42.

³ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с. ил. С. 107.

⁴ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1996 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Баранова Ирина Даниловна 1913 г.р.

⁵ Там же.

Ямень, ячень – кукиш! Чего хочешь, купишь.

Купи себе топорок, руби себя поперек:

И вот эдак, и вот так, и вот так-так-так!¹

Характерно, что подрастающие дети перенимают подобные заговорные тексты от взрослых и с 5-7-летнего возраста используют самостоятельно.

Потешки («тутушки», «тютюшки», «потютюшки») представляют собой тексты с забавным содержанием, сопровождаемые некоторым игровым действием, призванным вызвать у ребенка (в возрасте примерно от года) радость. При этом взрослый оперирует с различными частями тела малыша: пальчиками, животиком, ладошками. Таковы «Ладушки», «Сорока», «По кочкам», «Ехали мы, ехали». Исполняя потешки, маленького ребенка брали на руки, качали, «подбрасывали», выполняли разные движения его ручками, ножками, головкой – то есть играли. Эти игры развивали у малыша координацию движений и мелкую моторику, тренировали нервную систему, стимулировали развитие речевой активности ребенка. Характерно, что «тютюшки», связанные со «скаканием», семантически перекликались с ритуальными «скаканиями» и качаниями молодежи, устраиваемыми с целью обеспечения плодородия и долгой жизни в весенне-летний период земледельческого календаря.

При помощи потешек у детей вырабатывалась потребность в игре, которая становилась «незаменимой школой физической и умственной подготовки, нравственного и эстетического воспитания»². Использование счетно-ритмических единиц («этому дала, этому дала...») способствовало освоению простейшего пересчета некоего множества (загибая пальчики, ребенок видел, сколько было деток у сороки). Кроме того, тексты потешек могли содержать назидания. Так, в «Сороке» накормленными кашей оказываются все, кроме самого маленького, который «воды не носил, дров не рубил, печки не топил, каши не сварил»³. В потешке «Чей нос?» взрослый спрашивает ребенка, с кем будет съеден купленный

¹ ЛАА. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 2008 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Спицына Мария Андреевна 1926 г.р.

² Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1997. – 240 с. С. 42.

³ Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с. С. 9.

калач. При ответе «один» или «одна» малыша теребили за нос, приговаривая: «Не ешь один! Поделись!»

Кто возьмет без просу, тот будет без носу,
А кто возьмет с просом, тот будет с носом!¹

Прибаутки – это песенки и стишки с юмористическим содержанием о людях, животных, предметах и явлениях, типичные свойства которых выявляются часто в «небыличном» или перевернутом виде: «По поднебесью медведь летит, черным хвостиком поправливает», «А и где это видано, чтоб безрукий-то яйца покрал, голопузому за пазуху покрал?», «На печи петух объгнулся, сковородник нарумянился»². Прибаутки напоминают маленькие сказочки, в которых птицы, звери и насекомые взаимодействуют подобно людям:

Заиграли утки в дудки,
Тараканы – в барабаны.
И коровы, и быки
Нашмыгнули башмаки.
Козел пляшет, ножкой машет.
Журавли пошли плясать,
Долги ноги выставлять.
Бух, бух, бух, бух,
Раздавили сорок мух³.

Героями прибауток становились «курица с ведром», что бежит тушить «кошкин дом», «коза в синем сарафане», начавшая плясать, «заяц – короткие ножки, обуты в сапожки», который торопится на свадьбу «дяди-медведя». Прибауткам свойственны яркая образность, динамичная смена персонажей и картин, молниеносные сюжетные повороты, диалогичность построения поэтического и музыкального текста, что в полной мере соответствует активной природе ребенка, дает простор для его фантазии. Это игры на уровне слова,

¹ Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с. С. 56.

² АЛФ ПКИ, ф. 2008. ФЭЭ в п. Тургойк Миаского р-на Челябинской обл., 2008 г. Рук. Пенкина Е.В.

³ ЛАА. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Спицына Марина Николаевна 1959 г.р.

понятия, смысла. Данный жанр обычно преподносился детям постарше, активно осваивающим речевые навыки (примерно с трех лет).

Сюжетная событийность и игра слов в прибаутках направлены на развитие образного мышления ребенка. Погружаясь в воображаемую ситуацию («танцую» с веселыми комариками, «отправляясь в путешествие» по собственному телу вместе с веселыми сороконожками), ребенок осознавал сказочную «понарошечность» игры, формировал словесно-понятийный аппарат, усваивал реальные свойства вещей и причинно-следственные связи. Приподнятый эмоциональный настрой и особенности метроритмики прибауток доставляли большую радость, вызывали непроизвольные «приплясывающие» движения малыша, тем самым способствовали его физическому развитию. Прибаутка маленький, замкнутый детский мирок превращала «в “разомкнутый” и бесконечно разнообразный мир»¹, стимулировала детскую фантазию и словотворчество.

К прибауткам примыкают небылицы-перевертыши – тексты, в которых общепринятые представления о вещах и событиях переворачиваются «с ног на голову». Например:

Ехала деревня мимо мужика,
Вдруг из-под собаки лают ворота.
Крысы испугались, сели на ворон,
Кляча погоняла мужика кнутом.
Кляча ела сало, а мужик овес,
Кляча села в сани, а мужик повез.²

Истоки данной детской традиции лежат в народной смеховой культуре³, особенностях детской возрастной психологии⁴. Детям нравится сочинять собственные «перевертыши», в том числе опирающиеся на традиционные

¹ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с. С. 11.

² ЛАА. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 2011 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Чернонемкина Лена 1999 г.р.

³ Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.

⁴ Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.-Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с.

формулы. Так, трансформацией небыличного текста «Из-за леса из-за гор едет дедушка Егор» стал вариант:

Из-за леса, из-за гор
 Покатился помидор.
 На нем красные сапожки
 И во рту четыре вошки¹.

Средством забавы и воспитания детей являются сказки – повествовательный жанр, содержащий некую мораль, идеалы справедливости и добра². Различают сказки о животных, волшебные, бытовые, докучные. Изначально сказка являлась частью взрослого фольклора и отражала мифологические представления о мироздании, единении человека и природы³. В Новое время жанр трансформировался и постепенно перешел в репертуар пестуний. «Сказка как социогенетический инвариант есть устойчивая культурная форма, которая посредством народнопоэтического выражения дает обобщенно-типизированные образцы социально-психологических отношений в семье, является одним из источников построения ребенком картины мира семьи в ее идеальном плане. В сказках ребенку открывается “идеальный” тип взаимоотношений и соответствующие ему образцы поведения, имеющие культурно-историческую природу»⁴. Сказка в русской традиционной культуре выполняла особую мировоззренческую роль, выступая «идеологическим интегратором в развитии и сохранении общественного и индивидуального сознания на обыденном уровне»⁵. Сказочный мир проецировался на реальность в главных ее основах. Воспринимая сказку, ребенок идентифицировал себя с различными героями, сопереживал им, постигал информацию о жизненных ценностях, отношении к природе и людям, способах выхода из сложных обстоятельств. Добро побеждает зло, каждому – по заслугам, природа живая, человек силен и способен преодолеть любые преграды,

¹ ЛАА. ФЭЭ в г. Пенза, 2015 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Кондратьева Лера 2004 г.р.

² Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. / Послесловие Е.М. Метелинского. – М.: Наука, 1969. – 122 с.

³ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Наука, 1979. – 236 с.

⁴ Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с.

⁵ Кольцова И.Н. Социокультурные функции сказки: автореф. дис. канд. культурол. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 29 с.

«сам пропадай, а товарища выручай», «как аукнется – так и откликнется» – таковы основные идеи, закрепленные нашими предками в детском сказочном фонде. Сказочные морализирующие выводы кратки, красочны и потому запоминаемы. Именно они определили силу воспитательного воздействия данного фольклорного жанра.

Особой фольклорной формой являются докучные сказки. Одни из них словно специально созданы для «докучающего» ребенка, утомившего взрослого просьбами рассказать новую сказку («Жили-были два гуся. Вот и сказка вся!»¹); другие призваны «унять плаксу али занять пустым разговором детишек»²:

- Мы с тобой шли? – Шли.
- Шубу нашли? – Нашли.
- Я тебе ее дал? – Дал.
- Ты ее взял? – Взял.
- И где она? – Кто?
- Да шуба! – Какая шуба?
- Ну какая-какая! Мы ж с тобой шли? – Шли.
- Шубу нашли? – Нашли...³

У попа была собака, он ее любил,
Она съела кусок мяса, он ее убил,
Вырыл ямку, закопал, на дощечке написал:
«У попа была собака, он ее любил...»⁴

Короткий, бесконечно повторяющийся текст быстро запоминался и с удовольствием подхватывался детворой. П.А. Бессонов, сравнивая докучные сказки с прибаутками, «побасёнками», указывал на то, что в них «дети играют как во всякую другую игру»⁵.

¹ АЛФ ПКИ, ф. 1993. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1991 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Рыбакова Варвара Сергеевна 1922 г.р.

² АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1995 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Бочкарева Клавдия Терентьевна 1928 г.р.

³ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2012 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкин Николай Иванович 1944 г.р.

⁴ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2012 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкин Алексей Николаевич 1977 г.р.

⁵ Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с. С. 230.

Детский фольклор богат произведениями сатирической направленности, нацеленными на психологический тренинг ребенка, выработку его умения достойно ответить на колкие выпады соперника. Таковы дразнилки, поддевки, мирилки, отговорки, уловки.

Дразнилки создаются детьми по каждому поводу и к каждому имени:

Машка-промокашка.

Алиса – саблезубая крыса.

Лизка-сосиска¹.

Часто дразнилочный текст – это сиюминутная импровизация, но есть и традиционные формулы, передающиеся многими поколениями почти в неизменном виде:

Жадина-говядина, соленый огурец.

На полу валяется – никто его не ест².

Рыжий красного спросил:

– Чем ты голову красил?

Я не краской, не замазкой,

Из-под нужника закваской³.

Ленка-пенка, тостая коленка.

Ленка-пенка-колбаса, нарисованы глаза⁴.

Каждый человеческий порок мог быть вскрыт и осмеян посредством детских текстов. Ябедничество, жульничество, обман, воровство, глупость, рассеянность, лень, плаксивость, невежество, трусость становились объектом насмешки и осуждения. Высмеивались также физические недостатки, как реальные, так и мнимые. Анализ дразнилочных текстов позволяет выявить ценностные критерии, характерные для детской среды, и сделать вывод, что детское «хорошо» и «плохо» существенно отличаются от взрослого видения. Экспериментируя со

¹ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Войнова Полина 2003 г.р.

² АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1996 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Манышева Мария Ивановна 1943 г.р.

³ ЛАА. ФЭЭ в г. Пенза, 2015 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Борисова Настя 2005 г.р. Для сравнения: АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1995 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Бочкарева Клавдия Терентьевна 1928 г.р.

⁴ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкина Ксюша 2002 г.р.

словом и рифмой, ребенок развивал поэтические умения, способность подметить качества, точно характеризующие оппонента. Дразнилки развивали в ребенке привычку открыто выяснять отношения, прямо осуждать недостойное поведение и неблагоприятные дела. Этот жанр выступал «культурным каналом» (В.В. Абраменкова), позволяющим выплеснуть негативные эмоции и агрессию в вербальной форме. «А для “жертвы” – это тренинг стойкости, выдержки и находчивости»¹ и своего рода «прививка» от порока, куда более действенная, чем нотации взрослых. Но если дразнили не по делу, ребенок всегда мог ответить «отговоркой»: «Кто как обзывается, тот сам так называется»², «Дразнило – собачье рыло»³.

Существовал и поныне продолжает использоваться в детской среде специальный примирительный ритуал: сцепившись мизинцами, интенсивно покачивают руками все быстрее и быстрее, произнося соответствующий текст:

Миришь, миришь, миришь и больше не дерись,
 А если будешь драться, то я буду кусаться.
 А кусаться – ни при чём. Я ударю кирпичом.
 А кирпич ломается. Дружба начинается!⁴

На последних словах «мирилки» руки «разрываются», что обычно приносит «облегчение» примиряющимся детям.

Предметом неустанной заботы народа было здоровье ребенка, его физическое и умственное развитие, воспитание выносливости, ловкости, сноровки, что находило свое выражение в национальных забавах и детских играх. Играя, дети развивали навыки бытового общения, этикета, осваивали различные социальные роли.

Существует множество жанровых градаций детских игр, в т.ч. они представлены в работах Е.А. Покровского⁵, В.В. Всеволодского-

¹ Абраменкова В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640. С. 332.

² ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкина Ксюша 2002 г.р.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские / Репринт. воспроизведение издания 1895 г. – СПб.: Историческое наследие, 1994. – 388 с.

Генграсса¹, М.Н. Мельникова² и других. С нашей точки зрения, в блоке детского фольклора целесообразно выделить словесные, драматические, а также подвижные (в первую очередь, сопровождаемые текстами) игры (традиционные и современные формы); а вот современные спортивные и ситуативные игры не отвечают принципам фольклорного бытования.

Игровые припевы и приговоры – песенки и поэтические тексты, связанные с игровым сюжетом и вне игры не используемые, – служат зачином, концовкой игрового действия или определяют условия (сюжет) игры.

Зачином игрового действия выступают считалки, сговорки, жеребьевки. Они предваряют игру, распределяют в ней «роли», выполняя при этом функцию справедливой судьбы, решению которой все беспрекословно подчиняются, что впоследствии это «прорастает» умением подчинять свои желания общественным интересам и жизненным обстоятельствам. Способность самостоятельно, быстро сконструировать остроумную или живописную формулу для жеребьевки (жеребьевой сговорки) свидетельствует об уровне интеллектуального и эстетического индивидуального развития ребенка или является отражением творческой коллективной работы детей:

Наливное яблочко или золотое блюдечко?

Грудь в крестах али голова в кустах?³

В зависимости от выбора варианта ответа ребенок занимает место в той или другой команде. Как показали наши полевые исследования, к настоящему времени данный жанр детского фольклора практически исчез из обихода.

Наиболее развитой формой «игровых прелюдий» (термин Г.С. Виноградова) являются считалки – обычно рифмованные тексты с четко организованной ритмической основой. Происхождение считалок связано с древними формами гаданий, предполагающими выбор посредством случая, и архаичным запретом на прямой пересчет (добычи, урожая, домашней живности), требующим

¹ Игры народов СССР. Сб. материалов / Сост. В.Н. Всеволодский-Гернгросс, В.С. Ковалева, Е.И. Степанова. – М.-Л.: Академия, 1933. – 563 с.

² Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.

³ Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. М.Ю. Новицкая, Г.М. Науменко – М.: Просвещение, 1995. – 224 с. С. 58-59.

использования особого вида иносказательной речи. М.Ю. Новицкая и Г.М. Науменко¹ выделяют считалки заумные, считалки-числовки (содержащие те или иные формы пересчета), считалки-заменки (адаптированные ритмизованные сюжетные тексты); М.Н. Мельников² – считалки сюжетные, заумные (с искажением звукового строя), кумулятивные (соединяющие различные «мотивы») и «считалки с новой тематикой»:

Раз, два, три, четыре, пять – тебе в космос улетать³.

Как рождаются темы считалок? Ответ на этот вопрос приводит к пониманию процессов преемственности в культуре взрослых и детей, помогает заглянуть в детскую фольклорную «лабораторию». Дети используют образы колыбельных, прибауток, хороводных, плясовых, шуточных песен и других жанров фольклора взрослых, приспособивая их к конкретным игровым задачам. Например, один из любимых сюжетов «Куколка, куколка, чему долго была?» записан в начале XX века и как обрядово-игровая детская песенка, и как колыбельная, и как считалка. Происходит также заимствование из профессиональной литературы. Пожалуй, самой известной считалкой является «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять». Стихотворение-источник принадлежит преподавателю-словеснику Ф.Б. Миллеру. Дети, которым и были адресованы эти шесть строк в качестве скромной подписи к картинке, «обессмертили» любимого им персонажа, придумав продолжение невероятных приключений зайчика после встречи с охотником, в результате которых все-таки «оказался он живой», и включили сюжет в золотой считалочный фонд.

Дети причудливо соединяют в конкретных вариантах кубики-мотивы – традиционные, пришедшие издавна, и новые, рождающиеся в живом современном бытовании:

...Как за бабушкой Ягой вышел парень молодой,
А за парнем молодым вышел черный-черный дым,

¹ Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. М.Ю. Новицкая, Г.М. Науменко – М.: Просвещение, 1995. – 224 с. С. 61-91.

² Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с. С. 225-233.

³ Там же: с. 232.

А за черным-черным дымом вышел поезд с пассажиром¹.

Считалкам свойственны подчеркнуто четкий ритм, звонкая рифма, динамизм в смене событий. Широкий спектр эмоциональных оттенков поэтики выявляет детскую потребность в нежности («Сидел козел на лавочке, считал своих козявочек...»), таинственности («Шла машина темным лесом за каким-то интересом...»), веселье, разбуженном громкими звуками («Трах, трах, тарарах, стоит терем на горах!...»), задумчивом любовании сказочной страной («За морями за лесами, за железными столбами бирюзовый трон...»), чуде («Скоро с неба прилетит синий-синий, синий кит!...»)². Считалки предвосхищают активную игру, создают радостное настроение, доставляют детям огромное удовольствие.

Благодаря записям Г.С. Виноградова³ известен тип игр, непосредственно зависящий от ритмической организации текста и особого способа его произнесения – сечки. В своей работе исследователь показал связь детской игры с развлечением, которое служило в свободную минуту отдыхом для плотников: «Секу, секу сечку, высеку дощечку. Люди скажут двадцать, я скажу: пятнадцать». К ловкому, мастерскому удару топором под мерный приговор присматривались вездесущие мальчишки, удивлялись чуду: насечек на деревяшке оставалось ровно столько, сколько объявлялось в конце приговора. А ведь плотник не считал раз за разом! Ритм скандирования вел к точному числу без счета – это было интересно освоить!⁴

Словесные игры – скороговорки – соревнование в скорости и чистоте произнесения сложных текстов. Это не только увлекательное занятие, но и верное средство развития артикуляции как необходимого компонента межличностной коммуникации. В современной детской среде скороговорки не имеют значительного распространения. Данная форма используется преимущественно как материал для логопедического тренинга. В то же время детям нравится

¹ Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. Новицкая М.Ю., Науменко Г.М. – М.: Просвещение, 1995. – 224 с. С. 207.

² Там же: с. 208.

³ Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 131-140.

⁴ Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. Новицкая М.Ю., Науменко Г.М. – М.: Просвещение, 1995. – 224 с. С. 202.

произносить сложные звуко сочетания, образующиеся в результате произнесения текстов с конца-наперед (рюкзак – «казкюр», Ксюшка – «акшюск», Ангелина – «анилегна», компьютер – «ретюпмок»), перестановки, добавления, замены первых или последних букв или слогов в словах, изменяющих или скрывающих истинный смысл сообщения (Арина Гладникова – «Грина Аладникова»; я иду к деду – «яшло идушло кшло дедушло» или «выя выиду вык выдеду»¹), что позволяет рассматривать данную практику как одну из форм детского «тайного языка»².

Во все времена детей увлекали загадки. Загадка – это краткое иносказательное изображение явления или предмета, указывающее на определенные его свойства или признаки, занимательная игровая задача, требующая ответа³.

Мать толста, дочь красна,

Внук храбёр – в небеса попёр (печь, огонь, дым).

Нос стальной, хвост льняной (иголка и нитка).

Кланяется, кланяется, домой придёт – растянется (топор).

Зубы есть, а хлеба не ест,

На работу ходит, хозяина кормит (пила)⁴.

Загадки развивают детскую наблюдательность, память, сообразительность, логику, внимание к произношению или звучанию определенных звуков, в которых может скрываться отгадка. Истоки жанра кроются в первобытной древности, когда загадки являлись элементом тайной речи, а умение расшифровывать иносказание выступало своеобразной проверкой готовности к взрослой жизни. Иллюстрацией тому могут служить песни-загадки:

Постой, девка семилетка,

Загадаю три загадки,

¹ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкина Ксюша 2002 г.р.

²Виноградов Г.С. Детские тайные языки / Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с. С. 105-130.

³Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.

⁴АЛФ ПКИ, ф. 2004. ФЭЭ в с. Комаровка Лопатинского р-на Пензенской обл., 2003 г. Рук. Зубов С.А.

Изволь, девка, отгадати:

А что растет без кореньев?

А что цветет без алого цвету?

А что шумит без буйного ветру?

– Растет камень без кореньев,

Шумит вода без буйна ветру,

Цветет сосна без алого цвету.¹

– Уж и что это, девица, выше леса?

Уж и что это, девица, чаще рощи?

Уж и что это, девица, без коренья?

Уж и что это, девица, без умолку?

Уж и что это, девица, без ответу?

- Краше лета, сын купеческий, красно солнце,

Выше леса, сын купеческий, светел месяц,

Чаще рощи, сын купеческий, часты звезды,

Без коренья, сын купеческий, крупен жемчуг,

Без умолку, сын купеческий, течет речка,

Без ответу, сын купеческий, судьба Божья².

Подобные песенные загадки представляют образы мироздания через призму мифологического мышления (В.В. Митрофанова³, В.Н. Топоров⁴, Л.В. Рыбакова⁵). Тот, кто знает ответ, зрел умом:

Отгадала ты, девица, отгадала,

Уж и быть за мною,

¹ Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I, вып. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1898-1900. – 376 с. С. 213, № 813.

² Там же: с. 213, № 812.

³ Митрофанова В.В. Песня о девице семилетке и ее славянские параллели // Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 11: Исторические связи в славянском фольклоре / Редкол.: А.М. Астахова и др. М.-Л.: Наука, 1968. – 382 с. С.118-125.

⁴ Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 284. Труды по знаковым системам, кн. V. – Тарту, 1971. С. 9-62.

⁵ Рыбакова Л.В. Мифологические и обрядовые связи русских народных необрядовых песен: автореф. дис. канд. истор. наук. – Л., 1984. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dissertcat.com/content/mifologicheskie-i-obryadovye-svyazi-russkikh-narodnykh-neobryadovykh-pesen-pesni-o-molodush-0> (дата обращения 08.07.2015).

Быть моей женою¹.

Некоторые загадочные тексты сродни пословицам: «Чего дороже на свете нет?» Ответ: «Друга искреннего». Или: «Что у человека ложно, что правдиво?» Ответ: «Уши – ложь, глаза – правда». «Обычно пословицами являются разгадки тех загадок-вопросов, которые проблемную ситуацию используют для распространения, среди подрастающего поколения морально-этических знаний»². Определенную «науку» содержат и подобные тексты: «Человек – христианин. Вот он от благочестивых родителей родился и в церкви крестился. После крещения чего в нем осталось некрещеного? (зубы)»³. Традиционные загадки поэтизируют явления природы и обыденной человеческой жизни («Матушкой-весной в платице цветном, матушкой-зимой в саване одном (поле)»⁴), информируют об их свойствах, развивают ассоциативное мышление, умение рассуждать и обосновывать свой ответ, тем самым выявляют эстетическую, обучающую функциональность. В нынешнем детском репертуаре, наряду с традиционными, встречаются рисованные загадки («Как в трех клетках записать “Кукла виновата”» – нарисовать в каждой клеточке по предмету: куклу, бутылку вина, вату).

В условиях нелегкого крестьянского быта детей с малолетства приучали к труду. Многие знания об особенностях, последовательности, сроках сельскохозяйственных работ осваивались в игровой форме. Примечательно обилие игровых песен с аграрной тематикой: «А я сеяла лен», «Ой, хрен ты мой, хрен», «А мы просо сеяли», «Пойду луку полоть», «А на горе мак», «Капустка», «Горох», «Конопелька» и многие другие. Незамысловатые тексты, сопровождаемые схематичными движениями, наряду с дидактической выполняли ритуально-магическую функцию. «Условное воспроизведение операций с

¹ Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I, вып. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1898-1900. – 376 с. С. 213, № 812.

² Волков Г.Н. Этнопедагогика. – М.: Академия, 1999. –168 с. С. 47.

³ НА СОМК, оп.1, ед.хр.15. ФЭЭ в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии, 1920 г. Информант Парфенов Яков Григорьевич.

⁴ Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. Новицкая М.Ю., Науменко Г.М. – М.: Просвещение, 1995. – 224 с. С. 19.

настойчивым повторением их элементов должно обеспечить успех последующих (или состоявшихся) трудовых акций и получение хороших результатов»¹. Частая приуроченность подобных игр к ранней весне – древнему началу года – позволяет видеть в них глубокий мифологический подтекст, связанный с идеей переструктурирования мира в кризисных ситуациях бытия традиционного социума².

Каждому детскому возрасту были свойственны свои игры: от простейших до сложных, имеющих развитое драматическое действие, воспроизводящее элементы домашнего быта и картину серьезных дел взрослых. Традиционно играли в «Челнок», «Пряху», «Мыли девушки платочки» «Утеню», «Селезень, догони утку», «Бобер и охотники», «В цари», «Палач», «В разбойники», «Беглые», «Почта», «В горшки» (торг) и другие. Многократное повторение игровых действий формировало в ребенке уважительное отношение к обычаям, существующему порядку вещей.

Детские игры сохранили реликты древних ритуальных действий. Так, распространенные в детской среде игры «Горелки» и «Бояре» являются отголоском языческих брачных игрищ; «Кострома» воспроизводит обряд проводов весны; к древнему погребальному обряду восходит игра в «Жмурки». Мифологическими смыслами наполнены хороводные игры «Ящер» (змееподобный хозяин подземного мира), «В клубок» (нить жизни), «Курилка» (умирающее и воскресающее божество), «Коршун» (хтоническое существо, связанное с нижним миром и богатством). Они являлись осколками языческих ритуалов, воспроизводящих сюжеты мифов. Первоначально данные игры бытовали в молодежной среде, а к началу XX века стали достоянием исключительно детской аудитории. Показательно, что значительная часть игр, содержащих игровые припевы, осуществляется внутри круга или в движении по

¹ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб: Наука, 1994. – 239 с. С. 70.

² Народное музыкальное творчество / Отв. ред. О.А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005. – 568 с. С. 183.

кругу. Магическая сила круга, по народным воззрениям, обладает охранительной силой¹.

Своеобразными играми выступают так называемые «молчанки» (стихотворно организованная договоренность о молчании) и «голосянки» / «волосянки» (соревнование на длительность выдоха последнего слога текста):

Ехали бояре, кошку потеряли,
Кошка сдохла, хвост облез,
Кто промолвит, тот и съест.
Кто скажет слово или звук,
Тот беременный паук /вонючий бурундук².
Будем мы, девчата, голосяночку тянуть: а-а-а...³
Ну, давайте-ка, ребята, голосянку тянуть.
Кто не дотянет, того за волосы-ы-ы-ы!⁴

Корни данных игровых форм восходят к традиционным представлениям о связи голоса (говорения) и волос с судьбой, человеческой жизнью, разумом. Длинный «голос» демонстрирует запас жизненной силы. Молчание ассоциируется со смертью. Смех игроков, не выдержавших испытание, воплощает идею победы над смертью. «Молчанки» и «голосянки» были призваны выработать в ребенке волевые качества.

Детский фольклор богат краткими обращениями к природным стихиям или живым существам (солнцу, дождю, радуге, жаворонкам, божьей коровке, улитке, мышке) – закличками:

Солнышко-ведрышко!
Выгляни в оконушко!
Твои дети плачут,
По городу скачут⁵.

¹ Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. – М.: Индрик, 1995. – 352 с. С. 246.

² ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкина Ксюша 2002 г.р.

³ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 1997 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Григорьева Катя 1985 г.р.

⁴ Байбурун А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с. С. 57.

⁵ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2008 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Суркова Света 1991 г.р.

Дождик-дождик, перестань! Я поеду на Росстань.

А в Росстани пусто, выросла капуста¹.

Дождик, дождик, перестань, я поеду в Арестань

Богу помолиться, Христу поклониться².

Радуга-дуга! Не давай дождя!

Хотим солнышка и подсолнышка³.

Дети могли взбираться на возвышенные места (крыши, пригорки), чтобы их «призыв» дальше разносился:

Жаворонка, прилети, тепло лето принеси.

Нам зима-то надоела, и весь хлебец-то поела,

И сенцо, и пшенцо⁴.

Глядя на живое существо или посадив его на ладошку, скандировали:

Божья коровка, полети на небо, принеси нам хлеба

Черного и белого, только не горелого⁵.

Там твои детки кушают конфетки.

Всем – по одной, а тебе – ни одной!⁶

Улитка-улитка, покажи рога, дам кусок пирога!⁷

Мышка-мышка, вылей воду на косую огороду⁸.

Заклички несут печать древней заклинательной магии, что выражено повторностью элементов музыкальной формы, наличием рефренов, а также движениями, свойственными символике роста, – прыжками и «втаптывающими» шагами. Обращаясь к силам природы как к мифологическим существам, дети старались умилоустивить их, обещая «жертву»:

¹ ЛАА. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 2011 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Чернонемкина Лена 1999 г.р.

² НА СОМК, оп.1, ед.хр.24. ФЭЭ в с. Базарный Карабулак Саратовской губернии, 1920 г. Информант В. Скудаев.

³ ЛАА. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 2011 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Чернонемкина Лена 1999 г.р.

⁴ АКНПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Спицына Мария Андреевна 1926 г.р.

⁵ ЛАА. ФЭЭ в г. Пенза, 2015 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Борисова Настя 2005 г.р.

⁶ АЛФ ПККИ, ф. 2001. ФЭЭ в с. Головинщино Каменского района Пензенской области. Рук. Полшкова В.В. Информант Дерябина М.В. 1924 г.р.

⁷ ЛАА. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 2011 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Чернонемкина Лена 1999 г.р.

⁸ Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с. ил. С. 256.

Дождик, дождик, пуше! Дам тебе я гущи,
Хлебную горбушку, пирога краюшку!¹

Исконный магический смысл подобных произведений давно утерян, тем не менее, они позволяют детям соприкоснуться с традициями общения наших предков с миром природы.

Неприуроченные к календарю детские песни разнообразны по содержанию: «Заинька», «Поедем, хозяйюшка, со мной на базар», «Утка шла по бережку» и другие². Большая их часть содержит игровую подоплеку. По своему композиционному строению они близки прибауткам, закличкам, дразнилкам. Тексты информируют ребенка о причинно-следственных связях, транслируют установки на труд и заслуженный отдых, взаимопомощь близким, любовь к отчему дому:

Пришел коток, искал молоток.
– Зачем молоток? – Косу отбивать.
– Зачем косу? – Сено косить.
– Зачем сено? – Овец кормить.
– Зачем овец? – Да шерсть лупить.
– Зачем шерсть лупить? – Ване шубку шить³.

Овечка муку мелет, баранчик подсыпает,
А маленьки ягнята муку выгребают,
Козка-белоножка в печь пироги сажает,
А зайчик-горностайчик в скрипочку играет⁴.

Бом-бом, тили-бом,
Загорелся кошкин дом!
Шла мышка с ведром,
Потушила этот дом⁵.

¹ ЛАА. ФЭЭ в п. Светлый Татищевского р-на Саратовской обл., 2011 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Смоляков Паша 2001 г.р.

² НА СОМК, оп.1, ед.хр.15, 93.

³ Науменко Г.М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I. – М.: Композитор, 1999. – 552 с., ил. С. 285.

⁴ Там же: с. 284.

⁵ Там же: с. 278.

Гусяточки, лебедяточки,
 Возьмите меня на крылаточки!
 Понесите меня к родной матушке,
 К родному батюшке, к родному племени!¹

Отличительной чертой детских песенок является простота ритмической и мелодической организации. Иногда они скандируются или произносятся речитативом, тем не менее, при внимательном подходе выявляется общий мелодический контур. Анализ детского музицирования в контексте певческой традиции конкретной местности позволяет выявить механизмы наследования музыкального фольклора, исполнительского стиля, национального музыкального мышления².

В обрядах годового земледельческого цикла детям отводилась роль вестников. Они сообщали о наступлении «нового» времени: приходе весны, прилете птиц, появлении Коляды, Масленицы и т.д. Репертуар, сопровождавший детско-подростковые обходы дворов, связан с идеей «рождения», обновления («уродилась коляда», «коляда-молода»)³. «Чистое» детское слово было призвано обеспечить благополучие того дома, к которому пришли «обходчики»:

Дай-то, Боже, тому, кто в этом доме,
 И скота, и живота, и всякого добра,
 И богатства!⁴

Ряд масленичных и зимних поздравительных песенок исполнялся с целью получения угощения от хозяев.

Я маленькая девочка, села на тарелочку.
 Тарелочка хруп – подавай рупь!⁵

Открывайте сундучки, доставайте пяточки,

¹ Науменко Г.М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I. – М.: Композитор, 1999. – 552 с., ил. С.345.

² Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка: по материалам, записанным от современных российских городских детей: автореф. дис. докт. искусствоведения. – М., 2005. – 52 с.

³ Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 274 с. С. 168-169.

⁴ АKNПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1994 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Полубоярова Анастасия Никаноровна 1912 г.р.

⁵ АЛФ ПКИ, ф. 2001. ФЭЭ в г. Каменка Пензенской обл., 1999 г. Рук. Полшкова В.В. Информант Грачунова Лена 1986 г.р.

Открывайте крышки, доставайте пышки.

Если совесть есть, так может быть и рубликов шесть!¹

Наряду с просьбой «раскошелиться», «подать», в текстах встречаются образы мироздания. Так, в зимних поздравительных текстах часты упоминания небесных светил:

По этой по порошке колядовщички и шли.

Ходили-искали господинова двора.

Господинов двор далеко в поле стоит

На семи верстах, на золотых столбах,

Столбы точеные да позолоченные.

Окол этого столба да три терема стоят.

В первом терему – светел месяц,

Во втором терему – красно солнышко,

В третьем терему – часты звездушки.

Светел месяц – то хозяин во дому,

Красно солнышко – то хозяйюшка,

Часты звездушки – малы детушки².

Вот у месяца золотые рога.

Вот у солнышка – лучи ясные,

У Сереженьки кудри белые. <...>

Вы спросите-ка меня, чьего рода, племя да.

У меня-то батюшка – все светел месяц.

У меня-то матушка – красно солнышко.

У меня-то братья – все часты звезды.

У меня сестры-то – все белы зори³.

Образы людей, отождествляемых с небесными светилами, семьи, представляющей как микромодель вселенной, в доступной детскому восприятию

¹ ФА ВК, ф. 2001. ФЭЭ в х. Большой Михайловского р-на Волгоградской обл., 1998 г. Рук. Семко Г.А. Информант Федосова Татьяна Геннадьевна 1969 г.р.

² Щуров В.М. Жанры музыкального фольклора: в 2-х ч. Т.2. – М.: Музыка, 2007. – 656 с.: нот. С. 10-11.

³ Там же: с. 14-15.

форме открывали путь к постижению картины мира, способствовали поиску высшего смысла в обыденной земной жизни.

В современных условиях многие жанры детского фольклора трансформированы. Изменение содержания и форм детского фольклора В.В. Абраменкова прослеживает на примере «пугалок» («Идет коза рогатая за малыми ребятами»). Взрослый делает «страшные» глаза, пугает ребенка, а затем щекочет его, вызывая веселый смех. В современной детской среде подобные переживания, связанные с благополучным избавлением от напряжения и страха («психологический катарсис»), испытываются при рассказывании страшилок. «Для ребенка прохождение через испытание страшилкой (как правило, дети ее рассказывают в темной комнате поздно вечером “замогильным” голосом) сродни архаическому обряду инициации и переходу на более высокую возрастную ступень»¹.

Страшные истории композиционно перекликаются с волшебными сказками и содержат некий конфликт (запрет/предупреждение и его нарушение/воздаяние). Развязка трагична: герой (ребенок) погибает в борьбе со злом (предметом-вредителем или вредоносной силой). Подобная сюжетная линия позволяет говорить о дидактизме жанра. Данная фольклорная форма выявляет возрастные закономерности в развитии ребенка, отражает комплекс детских представлений о страхе, смерти и связана «с процессом преодоления мифологического сознания»², проходящего стадии фетишизма (наделение предметов свойствами живых существ) и анимизма (мотив оборотничества). Взрослеющие дети обычно на каждую страшную историю готовы ответить антистрашилкой, финал которой оказывается неожиданным или даже комичным. В условиях современного общества жанр страшных историй претерпел некоторые изменения: все чаще из детских уст звучат не вымышленные повествования о кровавых или загадочных

¹ Абраменкова В.В. Детская субкультура: содержание, функции, значение в культуре. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36717.php (дата обращения 08.08.2013).

² Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. – Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1995. – 256 с.

«случаях, произошедших на самом деле», а реальные трагические истории из жизни.

Утвердиться в своей осведомленности, знании «жизни» ребенку позволяют комичные или абсурдные поступки героев детского анекдота.

Летит орел по ущелью и кричит: «Угу, угу, угу!..». А ущелье сужается, сужается... Бах в скалу! «Ого!»¹

Папа говорит Вовочке: «Если будешь отличником – куплю тебе черный джип, ударником – белый, троечником – красный, а если двоечником – куплю тебе «Оку» стрёмную, будешь, как дурак, ездить!»²

Школьные пародии обычно являются переделкой стихов, изучаемых в классе, крылатых фраз, рекламных слоганов, детских песенок:

У Лукоморья дуб спилили,
Кота на «Вискас» посадили.
Златую цепь в ломбард снесли,
А Лешего с ума свели³.

Пейте дети молоко – туалет недалеко⁴.

Клей «Момент», клей «Момент» – самый лучший клей!

Ты его в штаны налей и сиди балдей!⁵

Вместе весело шагать по газонам, по газонам, по газонам
И цветочки поливать ацетоном, ацетоном, ацетоном⁶.

Или:

Вместе весело шагать по газонам, по цветочкам да по зеленым
И девчонок поливать ацетоном, ацетоном, ацетоном⁷.

В современном детском репертуаре фиксируется жанр частушки (преимущественно со школьной, реже любовной тематикой). Однако обычно это

¹ ЛАА. ФЭЭ в г. Электрогорск Московской обл., 2014 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Чернобай Кирилл 2007 г.р.

² ЛАА. ФЭЭ в п. Светлый Татищевского р-на Саратовской обл., 2011 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Смоляков Паша 2001 г.р.

³ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Живайкина Ксюша 2002 г.р.

⁴ Там же.

⁵ ЛАА. ФЭЭ в г. Электрогорск Московской обл., 2014 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Чернобай Кирилл 2007 г.р.

⁶ ЛАА. ФЭЭ в г. Саратов, 2003 г. Рук. Спицына Е.И. Информант Ульянова Катя 1987 г.р.

⁷ Лурье М.Л. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое // Антропологический форум. – 2007. – № 6. – с. 287-309. С. 299.

не народные, а авторские тексты, не прошедшие процесс фольклоризации, заученные по просьбе наставников. Данный пласт, с нашей позиции, не отвечает принципам фольклорного бытования.

В детских оздоровительных лагерях и сегодня встречаются «вызывания» духов (Николая Васильевича Гоголя, Александра Сергеевича Пушкина, Пиковой дамы, Черта и других), к которым в атмосфере таинственности, вооружившись некоторыми атрибутами (зеркалом, свечами, магическим кругом, карандашом и пр.) обращаются с различными вопросами. Участников «вызываний» привлекает возможность прикоснуться к тайне, испытать трепет перед возможной опасностью и преодолеть собственный страх.

Широкое распространение в среде современных школьников имеют своеобразные гадания («чихалки», «чесалки», «икалки», «спотыкалки», «зевалки» и пр.), расшифровывающие значение произошедшего события в связи с днем недели и временем суток. Они опосредованно перекликаются с архаичными формами выбора участи (доли, судьбы) гадающего посредством выпавшего жребия (характерного, например, для подблюдных гаданий). Данные формы детского фольклора фиксируются в альбомах и дневничках девочек-подростков и носят характер развлечения, игры.

Таким образом, каждый жанр детского фольклора характеризуется конкретным назначением, специфическим набором выразительных средств и обеспечивает определенный вектор развития ребенка. К функциям детского фольклора следует отнести прагматическую, ценностную (аксиологическую), знаково-символическую, коммуникативную, интегрирующую (объединяющую, сплачивающую детский коллектив), информационную (познавательную – трансляция знаний), эстетическую (развитие вкуса, формирование чувств, идеалов, оценок), развлекательную, здоровьесберегающую (здоровьесохранительную), культуросохранительную (сохранение и воспроизводство совокупного духовного и общественного опыта), развивающую, воспитательную и ряд других.

Произведения детского фольклора синкретичны по своей природе. Им свойственно единство слова, движения, интонации. Функционирование фольклора в детской среде представляет собой изначально процесс пассивного восприятия, осмысления, а затем активного воспроизводства текстов. Данный культурный пласт включает традиционные жанры и современные фольклорные формы. Детский фольклор обнаруживает глубинную связь с семейной и календарной обрядовой поэзией, жанрами, связанными с трудовыми процессами и игровыми молодежными практиками. Значительное место в современном детском фольклоре занимают заимствования из фольклора взрослых, литературы, мультипликации, телепрограмм, рекламы. Заимствованный материал переосмысливается, приспособляется к потребностям и восприятию детей, «осовременивается», получает творческое развитие. Новые поколения детей привносят в традиции детского фольклора свое видение событий эпохи и собственный жизненный опыт.

В целях выявления состояния детского фольклора на современном историческом этапе, его места и роли в жизни юных горожан, их знаний в области традиционной народной культуры, а также позиции представителей старшего поколения в отношении межпоколенной трансляции социокультурного опыта в течение 2012-2014 годов нами проведено выборочное анкетирование учащихся гимназий №№ 58, 87, средних общеобразовательных школ №№ 40, 44, 49, 55, 63, 83, 94, 101 и детских школ искусств №№ 3, 15, 20 г. Саратова. В исследовании приняли участие 128 девочек и 72 мальчика: 157 детей в возрасте 8-10 лет и 43 подростка 11-13 лет, а также их родители. Кроме того, были проанализированы результаты этнографических экспедиций, проведенных студентами кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова в период с 1994 по 2013 год в сельских и городских населенных пунктах Саратовской области.¹

¹ Этапы исследования освещались автором на II Международной научно-практической конференции «Культурное наследие г. Саратова и Саратовской области» (Саратов, 18.10.2013), Всероссийской научно-практической конференции «Традиционная культура народов Поволжья» (Казань, 12.02.2014), Всероссийской научной конференции «Фольклор большой Волги» (Саратов, 14.10.2014).

Полевые записи и анкетирование позволили охарактеризовать особенности бытования детского фольклора в современных условиях. Традиционные его формы (в первую очередь, тексты поэзии пестования) фиксируются преимущественно от представителей старших возрастных групп, современные занимают значительное место в репертуаре детей. Традиционные жанры и знания, будучи лишенными культурного контекста, повсеместно нивелированы. Результаты исследований показали малую степень сохранности образцов материнского фольклора, наличие единичных примеров участия детей в обрядовых действиях (преимущественно в Святках и Масленице), утрату знаний старшего поколения о родильно-крестильной обрядности. Из обихода исчезают малые фольклорные жанры – пословицы, поговорки.

Сказки в транскрипции народных исполнителей на территории Саратовской области в указанный период не зафиксированы¹. Юные респонденты апеллируют к нескольким известным им сюжетам: «Репка», «Теремок», «Колобок», «Иван-царевич и Серый волк», «Дюймовочка», «Чиполлино», «Кот в сапогах», «Золушка», «Аленький цветочек», «Алиса в стране чудес». То есть превалируют литературные источники, что свидетельствует о нарушении устной традиции передачи данного фольклорного пласта. Для сравнения отметим: фольклорно-этнографическими экспедициями 1920-х г. на территории Саратовской губернии были зафиксированы многочисленные сказочные сюжеты; так в одном только в Хвалынском уезде записаны «Царь зверей», «Конек-горбунок», «Сказка о Марке богатом», «Сказка о Ванюшке», «Шишига Яга», «Два черта», «Сказка про козу», «О царице – золотой покров», «О жизни и счастье близнецов», «Про Иванушку-дурачка», «Про чернокнижника», «Про пыхтелку», «Про Ивана Царевича», «Про морского царя», «Кузнец и поп», «Про оборотня» и другие².

Из перечня народных игр, широко распространенных в школьной среде еще двадцать лет назад и хорошо известных родителям, дети уверенно выбирают «Прятки», иногда «Казачьи-разбойники» и «Жмурки». Игры постигаются детьми

¹ АКНПиЭ СГК, ф.ф. 1994-2013.

² НА СОМК, оп.1, ед. хр. 20, 24, 25, 35, 94.

преимущественно под руководством воспитателей, преподавателей дополнительного образования и обычно носят характер спортивного состязания. Детских игр, сопровождаемых т.н. «игровыми припевами», в обыденной практике городских школьников не зафиксировано. Исключение составляет лишь «Каравай, каравай, кого хочешь, выбирай», заученный в детском саду. В экспедиционных записях содержатся единичные образцы музыкальных игр – «Бояре», «Заинька»¹, «Как у дяди Николая»².

Многим детям сложно привести пример загадки («затрудняюсь ответить», «не знаю» – 38% опрошенных), а варианты примеров однотипны: «Висит груша, нельзя скушать» или «Зимой и летом одним цветом», «Сто застежек и все без застежек». Интеллектуалы знают «хитрые» загадки: «Стоит береза, а на березе четыре ветки, а на каждой ветке еще четыре ветки, а на этих ветках еще по четыре, а на ветках по четыре яблока. Сколько “яблоков” на этих ветках? (Ответ: на березе яблоки не растут)»³. Или: «Как положить тигра в клетку? (Ответ: тигры не бывают в клетку, они бывают в линию)»⁴; «Сколько надо сказать букву “п”, чтобы человек остановился? (Ответ: сто “п”)»⁵.

В архивных записях фольклора довольно часты записи колыбельных (11 сюжетов)⁶, примеры пестушек и потешек единичны⁷. На вопрос, знакомы ли вам «Ладушки», «Сорока-ворона», 63% детей дают утвердительный ответ, однако контрольный вопрос выявляет, что подобным знанием обладают лишь 12% информантов. Любопытно, что колыбельные песни известны 74% опрошенных, в качестве подтверждения 16% приводят в пример «Баю-баюшки-баю, не ложися на краю», 22% – «Спи, моя радость, усни», 26% – «Ложкой снег мешая, ночь идет большая», оставшиеся дети считают народным текстом «Спят усталые игрушки», встретился даже ответ «Максим – «Дождь» (что свидетельствует о причислении к фольклору современных авторских, в т.ч. эстрадных произведений). На вопрос

¹ АKNПиЭ СГК, ф. 2009. ФЭЭ в с. Ножкино Петровского р-на Саратовской обл. Рук. Чернова О.В. №№ 29, 30.

² АKNПиЭ СГК, ф. 1998. ФЭЭ в р.п. Духовницкое Саратовской обл. Рук. Мухамедьяров Р.А. № 18.

³ Респондент Лена Е., 9 лет.

⁴ Респондент Лиза Т., 10 лет.

⁵ Респондент Иван Ф., 13 лет.

⁶ АKNПиЭ СГК, фф. 1994-2013.

⁷ АKNПиЭ СГК, ф. 2009. ФЭЭ в с. Павловка Марковского р-на Саратовской обл. Рук. Рюмшина А.И. №№ 1-5.

«Будете ли вы когда-нибудь петь колыбельные своим детям?» наиболее частым стал ответ «Буду включать в записи». В связи с этим нами были сопоставлены анкеты по принципу «ребенок – его родитель», что позволило проследить некую причинно-следственную цепочку. Родители детей, давших такой ответ («Буду включать в записи»), были единственными или младшими детьми в семье, им колыбельные в детстве пели, но текстов они не помнят, знающих бабушек рядом не было, потому своих детей они укладывали спать под аудиозаписи классической и эстрадной музыки. Так произошел разрыв в передаче традиций материнского пестования.

Народных песен «обычные» дети почти не называют. Исключением являются «Во поле береза стояла», «Валенки», «Ой, мороз, мороз». Иная картина среди тех, кто занимается в фольклорных коллективах: их познания значительно шире и многограннее. Дети, осваивающие фольклор, в первую очередь, вспоминают названия полюбившихся им хороводных игр: «Золотые ворота», «Баба-Яга», «Плетень», «Как у дяди Трифона», «Чижик», «Пошла коза по лесу». Затем перечисляют календарные и детские шуточные песни: чем старше ребенок, тем больше образцов ему известно. Названные жанровые группы составляют «золотой фонд» детского фольклора, с которого педагоги-практики начинают обучение. Очень показательно, что родители детей-участников фольклорных ансамблей хорошо знают не только названия игр и песен, но и их слова. Таким образом, в отличие от традиционной модели передачи фольклорных текстов – «взрослые – дети» выявлена цепочка «педагог – ребенок – родитель». Роль педагога при этом исключительна!

Наибольшую степень сохранности и востребованности в нынешнем детском репертуаре обнаруживают считалки (осовремененные формы, включающие перечисление «мультишных» героев, а также традиционная «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять»), дразнилки (неразвитые формы), страшные истории, пересказы фильмов или так называемых «случаев», «пугалки», анекдоты (в том числе скатологические), пародии на песни и стихи взрослых, переделки стихов из школьной программы и песен из детских фильмов и мультфильмов.

При этом тексты детской субкультуры живут по канонам традиции – им свойственны коллективность творческого процесса создания, многовариантность, полистадиальность, устность распространения в процессе непосредственного общения.

Среди девочек часто встречаются рукописные альбомы (дневнички девочек), анкеты, «пожеланники», «гадалки» («чихалки», «спотыкалки» и др.). Активное бытование имеют приметы о черной кошке, бабе с пустым ведром, к чему какой глаз чешется, о какую ногу споткнулся и пр. Широкое распространение имеют разнообразные шалости, бойкоты, выяснения отношений со сверстниками, прозвища и «клички», а также сленг. По мнению 11% опрошенных, использование сленга, жаргона, инвективов, знание скатологических анекдотов способствуют повышению статуса среди сверстников. Можно предположить, что росту агрессии и ненормативных форм поведения в детской среде в немалой степени способствует информационная среда, увлечение компьютерными играми, фильмами и мультфильмами, часто построенными на насилии. Характерно, однако, что дети по-разному общаются в своей среде и на территории взрослых.

В подавляющем большинстве случаев (74% детей, 52% взрослых) респонденты не причисляют к элементам традиционной культуры народные промыслы, обереги. Наряду с пословицами и сказками, дети считают таковыми речевки, лозунги и эмблемы. К народным праздникам опрошенные относят Новый год, 8 Марта, 23 Февраля, Масленицу, Пасху. При этом отмечается исключительно развлекательный характер праздников. Ритуальная составляющая даже представителями старшего поколения не фиксируется.

92% опрошенных детей в возрасте 10-13 лет умеют пользоваться интернетом. А вот утвердительные ответы на вопрос о знании истории родного края единичны. 89% ребят не могут указать имен своих прабабушек и прадедушек; наиболее смысленные по отчествам бабушек и дедов «вычисляют» имена их отцов. Среди жизненных приоритетов 38% детей и 69% родителей называют карьеру и материальный достаток. В связи с этим взрослым был задан

вопрос «Должен ли человек заниматься саморазвитием?», утвердительный ответ был получен в 87% случаев, однако значение духовному развитию придают лишь 23% респондентов. 36% всех опрошенных характеризуют народную культуру как «пережиток прошлого» или «ненужное знание».

Данное исследование позволило нам сделать вывод об ослаблении роли семьи в трансляции культурных ценностей, фрагментарности знаний в области народной культуры, трансформации традиций детского фольклора в современных условиях.

Полевые исследования сохранности традиций и текстов детского фольклора было продолжено в 2014-2015 годах в населенных пунктах Саратовской и Пензенской областей. Включенное наблюдение за игровой активностью детей, опросы школьников, их родителей, преподавателей позволило выявить некоторые различия в особенностях бытования детского фольклора, объеме знаний о традиционной культуре в городской и сельской среде. В селе обнаруживается большая сохранность традиционных фольклорных форм (заклички, приговорки, активные игры на свежем воздухе, участие в масленичных увеселениях, святочном и пасхальном обходе дворов) и взаимодействие с фольклором взрослых (пословицы, припевки, былички о колдунах, «нехороших» местах, застольные песни). В городской среде детский фольклор носит ярко выраженные субкультурные черты, более активное бытование имеют жанры школьного фольклора, теоретическая осведомленность выше, а вот опыт участия в фольклорных практиках меньше, чем у сельских детей. Общей для большинства городских и сельских школьников является позиция, согласно которой народная культура является анахронизмом.

Проведенные в 2014-2016 гг. экспертные интервью с видными деятелями культуры и искусства Н.П. Ариной (Ульяновск)¹, Н.В. Бикметовой (Самара)²,

¹ Арина Наталья Павловна – кандидат исторических наук, директор Ульяновского областного училища культуры, руководитель фольклорного ансамбля «Ладанка» Центра народной культуры Ульяновской области.

² Бикметова Наталья Владимировна – кандидат искусствоведения, профессор, заведующая кафедрой народного хорового искусства Самарского государственного института культуры, заместитель председателя общественного совета при Министерстве культуры Самарской области, руководитель фольклорного ансамбля «Ларец», театра народной песни «Добро», образцового детского фольклорного ансамбля «Добряшки».

Н.В. Богдановой (Вологда)¹, А.В. Глумовой (Саратов)², Н.С. Мальковым (Пенза)³, С.Ю. Пальговым (Волгоград)⁴, Е.Г. Пыковой (Пенза)⁵, А.С. Ярешко (Саратов)⁶ подтверждают мысль о кризисных тенденциях в народной культуре.

На протяжении двух последних десятилетий специалисты отмечают уменьшение количества очагов аутентичной народной культуры, снижение жанрового разнообразия и качества исполняемых фольклорных произведений. Способы существования фольклора в современных условиях сведены преимущественно к сценическим формам. Не является исключением и детский фольклор. Различные элементы традиционной народной культуры ассимилированы массовой культурой. Тиражируются и воспроизводятся преимущественно те образцы, которые отвечают запросам внешней привлекательности, развлекательным и, в меньшей степени, просветительским задачам. Наблюдается симбиоз аутентичного, самодеятельного, профессионального народного искусства и элементов постфольклора. Причинами «размывания» и утраты народных традиций выступают изменение социальной структуры общества; недостаточное государственное регулирование вопросов патриотического воспитания и поддержки народного творчества; влияние средств массовой информации, пропагандирующих идею несовременности традиций народной культуры и фольклора в связи с изменившимися условиями жизни, их

¹ Богданова Нина Васильевна – заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества, в 1971-1986 гг. – преподаватель, 1987-1999 гг. – заведующая кафедрой народного пения Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, руководитель 72 фольклорно-этнографических экспедиций.

² Глумова Анжелика Владимировна – заведующая отделом фольклора и этнографии Саратовского областного Дома работников искусств, член Российского фольклорного союза, член Европейской фольклорно-культурной организации, руководитель 54 фольклорно-этнографических экспедиций, руководитель фольклорно-этнографических ансамблей «Вольница», «Забава», детского фольклорного ансамбля «Забавушка».

³ Мальков Николай Савельевич – методист по народному творчеству Пензенского колледжа искусств, автор-составитель сборников народных песен, руководитель более 200 фольклорно-этнографических экспедиций.

⁴ Пальгов Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой музыкального фольклора и этнографии Волгоградской консерватории им. П.А. Серебрякова, руководитель фольклорных ансамблей «Берегиня», «Оберег».

⁵ Пыкова Елена Геннадьевна – заслуженный работник культуры РФ, заведующая отделением этнохудожественного творчества Пензенского колледжа искусств, художественный руководитель ансамбля русской этнической музыки «Миряне» ГАУК «Пензаконцерт».

⁶ Ярешко Александр Сергеевич – доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова, академик Российской академии естествознания, президент Ассоциации колокольного искусства России, заслуженный деятель Всероссийского музыкального общества, главный редактор серии «Из библиотеки фольклориста» издательства «Композитор», лауреат премии имени академика Д.С. Лихачёва «За выдающийся вклад в сохранение историко-культурного наследия России».

несоответствием духовным запросам и мироощущению людей. Выносимая на сценические площадки и телеэкраны стилизация «а-ля-рус» оставляет у зрителя искаженное представление о народном искусстве, не передает его глубины и сути. В естественных условиях бытования многие традиционные жанры, будучи лишенными культурного контекста, угасают.

Традиция не может быть застывшей. Она не просто «передается» от отцов к детям, но претерпевает жизненный процесс: рождается, растет, достигает зрелости, идет на спад и, бывает, возрождается. «Эти стадии роста и спада вступают в противоречие со стадиями, соответствующими иному пониманию»¹. По замечанию С.В. Лурье, модификация традиции является в каждом случае результатом самоструктурирования этноса на основе содержания заложенного в «центральной зоне» его культуры в ответ на изменение внешних культурно-политических условий существования этноса².

В традиционном обществе не было пассивных потребителей культуры. Фольклор пронизывал все сферы жизни, служил естественным фоном взросления. Главенствующая роль в передаче культурных традиций и фольклора принадлежала семье. Патриархальная семья была многодетной и многопоколенной. Старшие дети имели возможность слышать материнский фольклор, обращенный к их младшим братьям и сестрам, сами пестовали малышей, обучали их песенкам, приговоркам и играм, участвовали в обрядовых действиях, постепенно осваивали культурные практики старших возрастных групп. При этом неизменно присутствовали взрослые, бабушки и дедушки – хранители мудрости и житейского опыта, всегда готовые подсказать, поправить, научить. Это способствовало преемственности традиции, обеспечивало ее устойчивость.

Революция 1917 года в России стала толчком к ломке патриархального быта и смене мировоззренческих установок. Изменения, произошедшие под влиянием индустриализации и урбанизации, нанесли удар традиционному наследию.

¹ Стравинский И.Ф. Диалоги. – Л., 1971 – 416 с. С. 218-219.

² Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.

Массовый отток молодежи в города, тенденция создания нуклеарных двухпоколенных семей, исключивших из своего состава старшее поколение как носителей традиции, большая занятость родителей в производственной сфере, а детей в образовательной деятельности способствовали ослабеванию межпоколенных связей и разрушению преемственности культурных традиций и текстов. Процесс размывания традиционной культуры развивался на протяжении всего XX века, но особенно усилился на рубеже веков. Народная культура во многом утратила границы, которыми ее маркировали традиционная одежда, предметы быта, фольклор. Ряд фольклорных форм вышел из активного бытования (так, большинство текстов традиционного детского фольклора фиксируется от пожилых исполнителей). «Системность народной культуры сменилась ее фрагментарностью»¹. Это утверждение затрагивает как взрослую, так и детскую культуру. Обрядовый комплекс, связанный с семейным и календарным земледельческим циклом, материнская поэзия, игровой фольклор существенно трансформированы и частично утрачены. Изменились и каналы передачи знания.

Способ трансляции культурного наследия в значительной степени зависит от особенностей коммуникативных технологий, которые имеются в распоряжении общества на тот или иной исторический промежуток времени². Проведенные нами социологические исследования показывают, что современная семья лишь отчасти выполняет функцию межпоколенной передачи культурных ценностей, основным источником информации о народной культуре в современных условиях являются средства массовой информации. Значительная роль в этом процессе принадлежит учреждениям образования и культуры, вводящим этнокультурные материалы в образовательный и воспитательный процесс.

В современной ситуации отдельные сведения о народной культуре дети младшего школьного возраста получают на уроках литературного чтения, краеведения, в рамках факультатива «Основы религиозных культур». Однако эта

¹ Айвазян С.Г. От составителя // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с. С. 3.

² Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – с. 105-115.

информация эпизодична. Получение разносторонних знаний в области народной культуры каждым отдельно взятым ребенком может быть обеспечено при условии введения в базовую часть учебного плана специальной дисциплины «Традиционная народная культура» («Народоведение», «Народное творчество»)¹. Кроме того, информация о народной культуре может быть интегрирована в другие учебные курсы, использована во внеклассной работе (например, народные игры могут включаться в творческие и спортивные мероприятия школы, осваиваться в группе продленного дня). Но и этого недостаточно. С позиций М.С. Кагана, ценности «усваиваются переживанием, а не логическим пониманием и запоминанием»². Приобщение к народной культуре не может ограничиваться теоретическими знаниями. Сохранение народных традиций, освоение образного строя, семантики и прагматики фольклора возможно лишь в результате общения, активного воспроизводства фольклорных текстов и форм, погружении в стихию народных игр, обрядов, практического освоения жанров народного музыкально-поэтического творчества в контексте особенностей их бытования и культурно-исторического значения в жизни людей.

Идеалы, воплощенные в фольклорных произведениях, лишь тогда становятся достоянием ребенка, когда они затронули его чувство, вызвали эмоциональный отклик. А что может сравниться с радостью творческого самовыражения? Творчество – это определенная преобразующая деятельность, в процессе которой создается нечто качественно новое, своего рода игра, направленная на познание и наполнение личностными смыслами пространства окружающего мира и самого себя. Непосредственное участие в творческом процессе открывает путь к освоению предшествующего опыта других людей, поколений, исторических эпох, самовыражению, проявлению личностных качеств ребенка, развитию эстетического вкуса и подлинного интереса к народной культуре.

¹ Мехнецов А.М. Программы сохранения и возрождения народной традиционной культуры // Мехнецов А.М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы / Сост. Е.А. Валевская, К.А. Мехнецова; вст. ст. Г.В. Лобковой. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 440 с. С. 357-358.

² Каган М.С. Некоторые вопросы взаимосвязи философии и педагогики / Каган М.С. Избранные труды: в 7 т. Т. 3. Труды по проблемам теории культуры. – СПб.: Петрополис, 2007. С. 231–241. С. 234.

Способность воспринимать традиционную культуру, слышать народную музыку, ценить изделия народных мастеров воспитывается, развивается. Дети легко «присваивают» ценностное содержание народного творчества, органично включаются в фольклорную деятельность. «Зерна», посеянные в детстве, способны прорасти умениями и знанием традиций, уважительным отношением к своим истокам.

Залогом сохранения и трансляции традиций народной культуры и фольклора в современных условиях, по нашему убеждению, может стать всеобщее детское фольклорное воспитание – осознанная, целенаправленная деятельность по осмыслению идеалов, ценностей и культурных текстов родного народа, формированию гражданской позиции, чувства патриотизма. Внедрение этнокультурных материалов в воспитательный и учебный процесс должно начинаться с самого раннего (дошкольного и младшего школьного) возраста.

Механизм традиционной передачи культурного текста предполагает исполнение, восприятие, запоминание, повторение, воспроизведение, контакт между субъектом и объектом коммуникации и информации¹. Перечисленные условия могут быть смоделированы в творческих объединениях: кружках, студиях декоративно-прикладного творчества, школах традиционной культуры, фольклорных ансамблях системы культуры, общего и дополнительного образования. Искусственно созданная «фольклорная среда» подобных коллективов пронизана духом уважения к народным традициям, историческому и культурному опыту народа. Развитие детей осуществляется в процессе творческой активности, игровых и празднично-обрядовых практик, восприятия и «проживания» художественных образов, воссоздания элементов народной культуры. Увлеченность фольклорной деятельностью позволяет без принуждения и достаточно полно осваивать знания и практические навыки. В зависимости от склонностей и способностей ребенка занятия могут носить как ознакомительный, так и профессионально направленный характер.

¹ Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.

В процессе творческой активности осваиваются фольклорная образность, исполнительские каноны, народные обычаи и традиции; развиваются восприятие, мышление, речь, память (музыкально-поэтические тексты); ловкость, внимание, движенческая координация, выносливость (игровой фольклор), художественно-исполнительские способности (декоративно-прикладное творчество, пение, танец, игра на музыкальных инструментах, постановки обрядовых сцен); формируются моральные качества (обрядовый фольклор, пословицы и поговорки, духовные стихи); воспитывается патриотизм (эпические произведения). Фольклорные тексты в символической форме доносят до детей особенности национального характера, мировоззрения, идеал совершенного человека, программируют на трудолюбие, бережное отношение к природе, милосердие к страждущим, уважение к старшим. Полученные компетенции становятся основой гармоничного развития личности, ее органичного вхождения в социум и мир культуры.

Наиболее распространенной формой фольклорно-этнографических объединений является фольклорный ансамбль. Детский фольклорный ансамбль – это целостная образовательная среда. Занятия включают различные виды художественно-творческой активности: пение, движение, драматическое действие, игру на музыкальных инструментах, импровизацию. Знакомство с музыкальными интонациями, национально-характерной пластикой и художественными образами происходит в непосредственной связи с освоением комплекса знаний о традициях, обычаях, обрядах, быте и нравственных идеалах родного народа, что способствует эстетическому развитию, творческой самореализации детей, позволяет расширить кругозор, выверить мировоззренческие ориентации. Основу репертуара составляют произведения детского фольклора: хороводные игры, считалки, песни, детский календарный цикл и др. Эти жанры, носящие ярко выраженное игровое начало, интересны и понятны детям, доступны их возрастным возможностям. Именно они постепенно, но целенаправленно обеспечивают всестороннее личностное развитие каждого ребенка. Особенно любимы детьми музыкальные сказки и композиции – постановки бытовых сценок, обрядовых действий, фольклорных праздников.

Наш многолетний практический опыт работы с детским фольклорным ансамблем подтверждает, что казаху или татарину русскую песню часто бывает сложно освоить, русский же ребенок воспринимает мелодическую линию, ритмику и пластику движений быстро и ограниченно. Видимо, это закономерное явление. Музыка родного народа затрагивает глубины бессознательного, «будит» генную память, вызывает неосознанную двигательную активность, изменение мимики; попевочный ряд без труда поддается дешифровке смысла. Даже неискушенный слушатель легко угадывает интонацию стога, призыва, жалобы и др. Воспринимая фольклорные музыкально-поэтические тексты, содержащие закодированную (порой сжатую до смыслообраза) информацию о наиболее важных для этноса процессах, явлениях, событиях, ребенок словно «вспоминает», эмоционально переживает и заново «присваивает» их ценностное содержание. При этом в отличие от сельских детей, поющих песни своей малой родины, впитавших элементы исполнительской традиции «с молоком матери», городские коллективы вынуждены в полной мере осваивать специфический язык народной культуры: фонетику речи, диалектные слова, особенности поэтики, фактуры и формообразования, исполнительские приемы, ладовые и ритмические структуры, используемые в фольклорных произведениях в целях создания конкретных художественных образов.

На практике приходится сталкиваться с тем, что детские фольклорные коллективы поют т.н. «общерусские» песни, «путая» их жанровые особенности, оставляя «за кадром» региональную характерность исполняемых произведений, на первый план выдвигаются внешние эффекты, возможность красочного сценического воплощения. Есть ли польза в таких занятиях? Нужно ли подобное фольклорное творчество? Безусловно, нужно. Даже при поверхностном прочтении фольклорных произведений ребенок ясно осознает свою этническую принадлежность, усваивает нравственные идеалы родного народа.

Наиболее действенным способом адаптации фольклорного материала к современным реалиям и интересам детей является игра – как самостоятельный вид активности, как метод подачи информации и как драматургическое действие

(постановка игровых и обрядовых сцен). «Моделирование фольклорно-игровых ситуаций, их реконструкция, вовлечение в фольклорно-игровую деятельность могут стать дополнительными механизмами выявления («вычитывания») культурных смыслов традиционного фольклора»¹. Работа строится с учетом возраста, интересов и наклонностей ребенка. Основными приемами в освоении навыков являются наблюдение и копирование – «делай, как я», «делай со мной». Народное искусство требует от исполнителя правдивости, безыскусности, искренности, эмоциональной открытости, а занятия в коллективе, где «один за всех и все за одного», формирует чувство ответственности за товарищей и общее дело. Фольклорный ансамбль – это коллектив единомышленников. Те, кто прошел подобную «школу», отличаются от своих сверстников тонкостью мировосприятия, большей естественностью, непринужденностью в поведении, коммуникабельностью, духом коллективизма. Совместная деятельность учит соблюдению установленных правил, чуткому отношению к мнению и интересам окружающих. Дети развиваются в атмосфере добра, понимания, взаимоподдержки. Тем самым детские фольклорные коллективы естественно претворяют в жизнь главные принципы народной воспитательной традиции: коллективность, природосообразность, народность, гуманизм.

Согласно К.Д. Ушинскому, народность – это то, что соединяет отжившие и грядущие поколения, дает прочное историческое, а не эфемерное существование. «Народность <...> – это принцип, предписывающий воспитание человека, знающего и любящего отечественную культуру и обладающего способностью культуротворчества»². Обучение и воспитание, основанные на фольклорных традициях, способствуют раскрытию творческого потенциала, формированию чувства патриотизма, уважительного отношения детей к истории и культуре родного народа.

¹ Каминская Е. А. Игровые аспекты традиционного фольклора как условия воплощения его культурных смыслов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (22). – С. 65-74. С. 72.

² Завьялова С.М. Народное искусство как средство воспитания национального самосознания студентов педагогического колледжа: автореф. дис. канд. педагог. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/narodnoe-iskusstvo-kak-sredstvo-vospitaniya-natsionalnogo-samosoznaniya-studentov-pedagogic-0> (дата обращения 04.04.2016).

Занятия могут предполагать музыкальное, двигательнo-пластическое, художественное развитие детей, психологическую реабилитацию¹. Педагогические практики знают о возможности коррекции эмоциональных состояний, нарушений речи, развития мелкой моторики, двигательной координации, коммуникативных и иных личностных качеств в процессе фольклорной деятельности. Интегрируя возможности различных видов искусства, фольклор является мощным средством психотерапии искусством. Все большее распространение приобретают музыкотерапия, сказкотерапия, драматерапия, танцевально-двигательная терапия на материале детского фольклора. На границе XX-XXI веков А.Б. Афанасьевой введен термин «фольклоротерапия», определяемый как направление арт-терапии, в котором средствами занятий фольклором осуществляется психокоррекционное и гармонизирующее воздействие на личность².

Синкретичные фольклорные формы в полной мере отвечают принципу интегративности воспитания. Их игровое начало и художественная образность доступны возможностям и соответствуют потребностям ребенка.

Воспитательный цикл выстраивается соразмерно чередованию будней и праздников народного календаря. Дети с удовольствием мастерят народные игрушки, участвуют в реставрации обрядов, подготовке реквизита, поют, танцуют, играют в народные игры, составляют генеалогическое древо своей семьи. Компонентами фольклорного воспитания могут выступать беседы, лектории, посещения этнографических выставок и музеев народного творчества, просмотр и прослушивание тематических материалов, освоение поэтического, песенного, инструментального, хореографического фольклора, постановки обрядовых действий, фольклорный театр, различные виды декоративно-прикладного творчества, русские боевые искусства, традиции народной медицины, народной кухни, концерты и праздники.

И в традиции, и сегодня праздник – это соборная, то есть общая

¹ Назарова Л.Д. Фольклорная арт-терапия. – СПб: Речь, 2002. – 239 с.

² Афанасьева А.Б. Фольклоротерапия на уроках музыки // Актуальные проблемы музыкально-педагогического образования: Традиции, перспективы, поиски/ Вып.3. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2000. – с. 139-145. С. 140.

организация детско-взрослой жизни. Он естественно ориентирован на создание благоприятной воспитательной среды для детей разных возрастов, рассчитан на детскую подражательность, образное мышление, на эстетически оформленное копирование моделей поведения взрослых. Участие в массовых народных празднествах, фестивалях народного творчества, мероприятиях, приуроченных к датам народного календаря, оказывает мощное эмоциональное воздействие на ребенка.

Значительным воспитательным потенциалом также обладают вечерки, посиделки, опыт погружения в естественные условия бытования фольклорных произведений. В период летнего отдыха детей могут организовываться экспедиции в сельскую глубинку, фольклорные школы на базе детских оздоровительных лагерей. В процессе подобных практик осваиваются новые знания и тексты, формируется ценностное отношение к народной культуре.

В каждом коллективе складываются собственные традиции: способы общения, организации внеаудиторной деятельности (вечерки с участием родителей, излюбленный репертуар и т.п.) Их преемственность является непременным условием стабильности в работе, качества творческого продукта и важнейшим воспитательным фактором. Это становится возможным при условии, что состав участников коллектива разновозрастной. Пример старших товарищей является неким эталоном, образцом для подражания, стимулом личностного развития. Младшие дети копируют поведение старших, стремятся освоить все те знания и навыки, которые демонстрируют более опытные товарищи, и делают это значительно быстрее, чем в условиях коллектива, состоящего из участников одного возраста. Т.е. старшие дети для малышей выступают носителями и хранителями заведенного порядка. Так на микроуровне воспроизводится модель наследования значимого опыта. Изучив элементы народной культуры, сопоставив и творчески интерпретировав их, переняв опыт старших товарищей, дети воссоздают традицию, дают ей новую жизнь.

Деятельность по освоению основ народной культуры предполагает целеполагание (моделирование идеального результата фольклорного воспитания,

направленного на разносторонне и целостное развитие детей на основе народных традиций), технологии достижения цели в процессе сопровождения индивидуальной траектории личностного развития ребенка и оценку полученного результата.

В практике фольклорного воспитания можно наметить общие подходы:

- возможность участия в творческом процессе каждого ребенка независимо от степени художественной одаренности;
- создание условий для раскрытия и реализации личностного потенциала детей;
- опора на игровые формы и синтез искусств в творческой деятельности;
- приоритет устной природы освоения фольклорного материала;
- освоение основных средств художественной выразительности в фольклоре;
- развитие памяти, навыков исполнения, варьирования, творческой интерпретации материала;
- тесная связь с семьей, повседневной жизнью детей и другие.

На начальном этапе приобщения к фольклору дети учатся эмоционально-чувственно воспринимать его, усваивают общую информацию об условиях бытования, специфике выразительных средств. В дальнейшем происходит накопление знаний и практического опыта, формируется ценностное отношение к народной культуре.

В результате фольклорного воспитания ребенок должен обладать знаниями:

- значимых вех русской истории и культуры,
- обрядов календарного и семейного циклов,
- фольклорных жанров,
- особенностей традиционного инструментария, мелодики и поэтики русского фольклора,
- региональных исполнительских традиций,
- направлений декоративно-прикладного творчества,
- основ танцевальной культуры и фольклорного театра,
- специфики народного костюма различных областей России,

- образцов фольклора различной жанрово-стилистической принадлежности и другие.

Критериями оценки качества фольклорного воспитания выступают увлеченность различными видами фольклорной деятельности, наличие разносторонних знаний в области народной культуры.

На пути от увлеченности творческой деятельностью на основе фольклора к осмыслению фольклорной образности и ценностному отношению к этнокультурному наследию ребенок нуждается в сопровождении. Это актуализирует необходимость качественной подготовки профессиональных кадров, способных донести знания юным поколениям. Необходимыми мерами в современных условиях являются углубление этнокультурного компонента в содержании образования; разработка и активное внедрение специализированных программ учебной и внеклассной работы; создание фондов этнографических материалов и обеспечение свободного доступа к ним; открытие этнографических рубрик и программ в средствах массовой информации и др.

Вышеизложенные позиции, обосновывающие значение и содержание детского фольклорного воспитания, являются результатом многолетнего анализа тенденций в деятельности творческих коллективов различных регионов России, систематизации личного опыта работы.

С 2001 по 2010 год автором осуществлен эксперимент по внедрению в учебный процесс детской школы искусств № 20 г. Саратова образовательных программ отделения фольклорного искусства¹: «Сольное народное пение», «Народное ансамблевое пение», «Народное творчество», направленных на комплексное формирование компетенций обучающихся в области традиционной народной культуры. Наиболее яркой отличительной особенностью данных программ стала опора на разновозрастной состав учебных групп, системное накопление аудио-визуальных впечатлений обучающихся в курсе осваиваемых

¹ Учебные планы фольклорных отделений школ искусств включают исполнительское вокальное (групповое и сольное), инструментальное, хореографическое, драматическое, теоретическое, декоративно-прикладное направления, позволяющие на основе синтеза искусств обеспечить личностное развитие детей, получение ими знаний в области народного творчества.

дисциплин. Анализ результатов экспериментальной работы позволил закрепить за названными программами статус авторских и продолжить их дальнейшее использование.

В процессе обучения дети овладевают теоретическими знаниями и практическими навыками: от простейших жанров детского фольклора – к монументальным эпическим произведениям, от игр – к постановкам тематических программ, от заучивания текстов – к варьированию и импровизации, от эмоционального восприятия художественных образов – к выявлению логики строения жанров и драматургии обрядов. Распределение осваиваемого материала по тематическим блокам, подкрепление теории исполнительской практикой способствуют структурированию и прочному усвоению полученной информации каждым ребенком. Важнейшая роль отводится поддержанию комфортного психологического климата внутри коллектива. Игровые формы работы позволяют подать изучаемый материал доступно и увлекательно, раскрепостить психофизику, выработать навыки межличностного взаимодействия. Коллективная работа над художественными образами позволяет ребенку снять негативные эмоциональные состояния, обрести чувство доверия к группе, укрепить самооценку, максимально полно реализовать творческий и интеллектуальный потенциал. В процессе работы внимание воспитанников акцентируется на ценностном содержании, специфике выразительных средств, образом и интонационном строе фольклорных произведений; исторических событиях и чертах характера русского человека, запечатленных в них; особенностях бытового и хозяйственного уклада русских в различных культурно-исторических проекциях.

С позиций автора, наиболее действенным средством фольклорного воспитания является постановка обрядовых действий и календарных праздников (фольклорный театр). В рамках названной формы показ фольклора на сцене включает изображение той среды, в которой он живет/жил. Дети постигают не отдельные, вырванные из «контекста» произведения, а пласты народной жизни. Данная форма наиболее совершенна в своем стремлении относиться к фольклору

как к неотъемлемой части народного быта, а процесс познания народной мудрости и искусства становится более объемным и содержательным. Подготовка и участие в фестивалях, концертах, праздниках объединяют усилия детей, родителей и педагогов, становятся мощным стимулом в освоении нового этнографического материала. «Проживание» определенных ролей, предложенных обстоятельств, ситуаций, способствует интуитивному и художественно-творческому постижению важнейших элементов национальной культуры, основополагающих черт национального характера, идеалов и ценностей русского человека. Особенно актуально это в городской среде, где отсутствует «живая» народная традиция и естественный процесс ее передачи от поколения к поколению. Успешные выступления и даже репетиции – источник эмоционального подъема и радости.

В течение 20-летнего периода существования фольклорного отделения детской школы искусств № 20 г. Саратова осуществлены многочисленные постановки календарно-обрядовых праздников, бытовых сцен, игровых зарисовок. Каждая постановка – это творчески воплощенная идея, направленная на духовно-нравственное воспитание участников коллектива. Следует отметить яркий эмоциональный отклик детей на сценарии, обращенные к основам православной веры («Святая Пасха», «На пути к истине», «Ни серебром, ни золотом»), воспевающие труд земледельца и родную природу («Петровская рать-сила», «Веснушка», «Масленица-кривошейка», «На Красной веселой горке»), мужество героев и память о ратном подвиге, пронесенную через годы («Памяти павших», «Светло-светлая Русь», «Провожала я миленочка на фронт).

Степень владения практическими навыками выявляется в процессе концертно-фестивальной деятельности. Теоретические знания ребенка позволяют определить творческие задания: тесты, викторины, самостоятельно подготовленные сообщения по теме, небольшие сочинения («Я – ребенок XIX века», «История в песне», «Народная игрушка» и др.). Результатом освоения авторских программ является новый уровень духовного развития,

интеллектуальных, творческих, коммуникативных качеств детей, их практических навыков исполнения и творческой интерпретации фольклорного материала.

«Уроки прошлого, если их как следует осмыслить, помогают глубже понять настоящее»¹. Забвение прежних традиций и упадок генетически закрепленных отношений причислены К. Лоренцом к смертным грехам цивилизованного человечества². Фольклорные тексты хранят «не частности ушедшего быта, а слагаемые народной души, народного характера»³, особую эстетику отношения к миру и людям. Процесс воспроизведения традиций народной культуры служит основой возникновения и развития внутренних этно-социальных и межпоколенных связей⁴.

Фольклор сопровождает человека на протяжении всей жизни. В его сокровищницах сохраняются древние знания и тексты, рождаются новые темы и художественные образы, отражающие новые исторические реалии. Изменения в условиях жизни приводят к трансформации традиций и процессов их наследования, но не отменяют актуальность фольклора. Несмотря на значительные социальные, культурные, исторические перемены в жизни народа, современному малышу и его молоденькой маме не менее, чем в прошлом, нужны тонкие способы выстраивания взаимоотношений при убаюкивании, купании, первых физических упражнениях и играх. Подростку так же, как и его далекому в веках сверстнику, необходимы особые, принятые всем детским коллективом формы взаимодействия в игре, в личностном самоутверждении среди товарищей, подростков, взрослых, в регулировании своих эмоций, желаний, порывов⁵. Фольклор создает идеальную среду для становления ребенка. Это

¹ Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива) / АН СССР, институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1988. – 269 с. С. 243.

² Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с. С. 3-60.

³ Этнография детства: Сб. фолькл. и этнограф. мат. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.: ил., нот. С. 4.

⁴ Лобкова Г.В., Захарченко М.В. Народная традиционная культура в системе образования / Историко-педагогическое измерение в образовании: Сб. материалов. – СПб., 1999. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onmck.ru/resources/folklore_and_ethnographic/text/library/?ELEMENT_ID=826 (дата обращения 29.01.2015).

⁵ Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с. С. 6.

удивительно мудрая воспитательная система, вводящая ребенка в национальную культуру, способствующая постижению общечеловеческого опыта и развитию личностных качеств. Как и много веков тому назад, живое бытование фольклора в современных условиях призвано обеспечить воспроизводство основ культуры родного народа.

Национальные традиции и историческая память, передаваемые от поколения к поколению, являются основой самосознания каждого отдельного человека, менталитета и единства этноса, именно в них черпаются идеи, актуальные в конкретный исторический период времени. Традиционная народная культура и собственно фольклор являются базисом современной культуры, обеспечивающим сохранение ее этнически характерных свойств и черт. «Люди, являясь носителями и преемниками фольклорных традиций, тем самым подтверждают личную причастность к данной этнической общности в ее историческом прошлом, настоящем и будущем»¹. Следование традициям и культурная преемственность призваны обеспечить устойчивость общественного развития. Сохранение национального культурного своеобразия возможно при условии практического освоения значимых компонентов традиции детьми, которые смогут передать традиционные знания своим детям и внукам. В современных условиях, когда преемственность культурных традиций в лоне семьи трансформирована и отчасти нивелирована, необходимо широкомасштабное внедрение этнокультурной составляющей в образовательный и воспитательный процессы, всеобщее фольклорное воспитание детей с самого раннего возраста. Детское фольклорное воспитание направлено на гармоничное развитие подрастающего поколения, освоение традиций и текстов народной культуры, этническую и культурную идентификацию ребенка, обеспечение сохранности и преемственности национальных культурных традиций.

Выводы. Детский фольклор – это специфическая часть народной культуры,

¹ Лобкова Г.В., Захарченко М.В. Народная традиционная культура в системе образования / Историко-педагогическое измерение в образовании: Сб. материалов. – СПб., 1999. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onmck.ru/resources/folklore_and_ethnographic/text/library/?ELEMENT_ID=826 (дата обращения 29.01.2015).

предназначенная для детей, включающая тексты взрослых, обращенные к детям, а также собственно детские произведения и практики, существующие в устных и письменных формах по канонам традиции. Детский фольклор представляет собой многосоставной социокультурный феномен, имеющий игровую природу. Он воплощает духовно-нравственные доминанты русского народа, обеспечивает последовательное и системное усвоение социальных норм, знаний, навыков, идей и ценностей этнической культуры юными поколениями и, следовательно, воспроизводство культуры в ее сущностных основах на новых исторических этапах.

Фактором сохранения и преемственности культурных традиций в современных условиях является детское фольклорное воспитание – целенаправленная деятельность по осмыслению идеалов, ценностей и культурных текстов родного народа, формированию гражданской позиции, чувства патриотизма, призванная обеспечить этническую и культурную идентификацию детей. Усвоив элементы народной культуры, сопоставив и творчески интерпретировав их, дети воссоздают традицию, дают ей новую жизнь.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Детство – это феномен, вариативность восприятия и протекания которого обусловлена конкретно-историческими и этническими факторами. Каждая эпоха, народ, социальная группа по-своему разрабатывают врожденные качества малыша, что находит отражение в требованиях, предъявляемых взрослыми к детям, общественном сознании, культурных традициях, системе фольклора.

Основные культурные ценности детства передаются по законам устной фольклорной традиции. Культура детства – это особая среда, созданная взрослыми для детей и самими детьми. Современная отечественная культура детства, включающая детский фольклор, стереотипы, представления, словотворчество, философствование, способы и формы свободного времяпрепровождения и другое, сформирована на основе русских традиционных (обрядовых) и городских (устных и письменных) практик.

В патриархальной России главной задачей периода детства считалась подготовка к самостоятельной взрослой жизни, что предполагало физическое и умственное развитие, освоение практических навыков и социокультурного опыта. Старшим поколением посредством разнообразных обучающих и воспитательных техник по вертикали (от взрослых к детям) и по горизонтали (среди поколений детей) транслировался комплекс знаний, умений, мировоззренческих установок, поведенческих моделей. Основной формой передачи социокультурного опыта, способом детского развития и самореализации являлась игра. Игровое начало пронизывало все уровни культуры детства, но наиболее ярко было выражено в коммуникативных актах, имеющих место внутри детского сообщества, в обрядово-ритуальных практиках и детском фольклоре.

В недрах традиционной культуры выкристаллизованы многообразные приемы, направленные на становление совершенного, гармонично развитого человека, обладающего красотой, смелостью, смекалкой, высокими нравственными качествами: честью, уважением к людям, милосердием, любовью к родной земле. Эти идеалы воплощены в образной сфере фольклора: в колыбельных, сказках, пословицах, обрядовых, эпических песнях и других. На

ранних этапах социализации и инкультурации огромное влияние на ребенка оказывали традиции детского фольклора – области народного творчества, включающей тексты старшего поколения, обращенные к детям, а также собственно детские произведения и практики, существующие в устных и письменных формах по канонам традиции.

Проведенный культурологический анализ детского фольклора показал, что данный культурный пласт является универсальным средством развития ребенка, хранилищем и способом трансляции основных ценностных установок этнической культуры.

Произведения детского фольклора синкретичны по своей природе. Каждый жанр детского фольклора несет конкретную функциональную нагрузку. Бытование фольклора в детской среде представляет собой изначально процесс накопления «словаря» традиции, а затем активного воспроизводства текстов. На сегодняшний день данный блок народного творчества включает традиционные жанры и современные фольклорные формы. Значительное место в современном детском фольклоре занимают заимствования из фольклора взрослых, литературы, мультипликации, телепрограмм, рекламы. Заимствованный материал переосмысливается, приспособляется к потребностям и восприятию детей, получает развитие, «осовременивается». Новые поколения детей привносят в традиции детского фольклора свое видение мира и событий эпохи.

На протяжении многих веков главенствующая роль в передаче культурных традиций и фольклора молодому поколению принадлежала семье. Патриархальная семья была многодетной и многопоколенной. Это способствовало преемственности традиции, обеспечивало ее устойчивость.

Революция 1917 года в России стала толчком к ломке патриархального быта и смене мировоззренческих установок. Изменения, произошедшие под влиянием индустриализации и урбанизации, нанесли удар традиционному наследию. Процесс размывания традиционной культуры постепенно развивался на протяжении всего XX в., но особенно активизировался в современных условиях. Народная культура во многом утратила границы, которыми ее маркировали

традиционная одежда, предметы быта, фольклор. Ряд фольклорных форм вышел из активного бытования.

Результаты проведенного социологического исследования свидетельствуют об ослаблении роли семьи в трансляции культурных ценностей, фрагментарности знаний в области народной культуры, трансформации традиций детского фольклора, а также о некоторых различиях в особенностях бытования данного культурного пласта, объеме знаний о традиционной культуре в современной городской и сельской среде.

В селе обнаруживается большая сохранность традиционных детских фольклорных форм (заклички, приговорки, активные игры на свежем воздухе, участие в масленичных увеселениях, святочном и пасхальном обходе дворов) и взаимодействие с фольклором взрослых (поговорки, припевки, былички о колдунах, «нехороших» местах, застольные песни). В городской среде детский фольклор носит ярко выраженные субкультурные черты, более активное бытование имеют жанры школьного фольклора, теоретическая осведомленность выше, а вот опыт участия в фольклорных практиках меньше, чем у сельских детей. Основу репертуара современных детей составляют: считалки, дразнилки, игры, страшные истории, пересказы фильмов или так называемых «случаев», «пугалки», анекдоты, пародии на песни и стихи взрослых, переделки песен из детских фильмов, стихов из школьной программы, рекламных слоганов. Среди девочек часто встречаются рукописные альбомы: дневнички, анкеты, «пожеланники», «гадалки». Активное бытование имеют приметы. Тексты современной культуры детства живут по канонам традиции – им свойственны коллективность творческого процесса создания, многовариантность, полистадиальность, преобладание устной природы распространения в процессе непосредственного общения. Юные поколения сохраняют те компоненты традиционного детского фольклора, которые отвечают их внутренним потребностям и дают жизнь новым фольклорным текстам, отражающим реалии современности, что позволяет говорить о детском фольклоре как о явлении

живом, развивающемся, вплетенном в современный исторический и культурный контекст.

Тем не менее, следует отметить ряд выявленных тревожных тенденций, характеризующих состояние традиций фольклора в современной культуре детства. Анализ результатов проведенного среди детей исследования показывает, что народная культура, по их мнению, является анахронизмом. Оскудевает используемый сказочный фонд, в нем превалируют литературные источники, что свидетельствует о нарушении устной традиции передачи данного фольклорного блока. Из детского обихода исчезают календарные песни, заклички, пословицы, поговорки, загадки. Традиционные народные игры постигаются детьми не в среде сверстников, а преимущественно под руководством воспитателей, преподавателей. Игры, сопровождаемые «игровыми припевами», фиксируются только от детей, осваивающих фольклор в объединениях народного творчества.

В отличие от патриархального детства, в котором традиции родного народа осваивались исподволь, в процессе бытового, обрядового и игрового взаимодействия в лоне семьи, общины и детском сообществе, основным источником информации о народной культуре в современных условиях выступают средства массовой информации, учреждения культуры и образования.

По нашему мнению, целенаправленная деятельность по осмыслению идеалов, ценностей и культурных текстов родного народа, формированию гражданской позиции, чувства патриотизма, призванная обеспечить этническую и культурную идентификацию детей, должна приобрести всеобщий характер. Первоочередной мерой в детском фольклорном воспитании должно стать введение в базовую часть образовательного цикла специальной дисциплины, направленной на получение знаний в области традиционной народной культуры каждым ребенком. Наряду с теоретическими знаниями дети должны получить опыт погружения в стихию народных игр, обрядов, активного воспроизводства фольклорных текстов и форм. Практическое освоение фольклора современными детьми и подростками позволит вывести угасающие традиции на новый виток развития, сделать прочной связь времен.

С опорой на собственный многолетний опыт работы с детьми, в т.ч. на результаты десятилетнего эксперимента по внедрению в учебный план детской школы искусств авторских образовательных программ, нами предложены подходы к организации воспитательного цикла на основе фольклора.

Практика показывает, что на начальном этапе приобщения к фольклору дети учатся эмоционально-чувственно воспринимать его, усваивать общую информацию об условиях бытования, специфике выразительных средств. В дальнейшем происходит накопление знаний и практического опыта, формируется ценностное отношение к народной культуре.

Компонентами детского фольклорного воспитания могут выступать как просмотр и прослушивание тематических материалов, опыт общения с носителями традиции, посещение этнографических выставок, беседы, так и освоение различных видов декоративно-прикладного творчества, поэтического, песенного, инструментального, хореографического фольклора, постановки обрядовых действий, вечерки, концерты, праздники и др.

Значительным потенциалом в приобщении детей к этнокультурным традициям обладает фольклорный ансамбль. Основу его репертуара составляют произведения детского фольклора: хороводные игры, считалки, песни, детский календарный цикл и др. Эти жанры, носящие ярко выраженное игровое начало, интересны и понятны детям, доступны их возрастным возможностям. Принципиальное значение в работе имеет наблюдение малышей за более опытными товарищами. В условиях разновозрастного творческого объединения знания и навыки старших детей являются для младших образцом для подражания, стимулом личностного развития, что позволяет на микроуровне воспроизводить модель наследования значимого опыта.

Критериями оценки качества фольклорного воспитания выступают увлеченность различными видами фольклорной деятельности, наличие разносторонних знаний в области народной культуры.

Перспективы дальнейшей разработки темы диссертации мы видим в исследовании динамики процессов, происходящих в культуре детства, изучении

современных форм детского фольклора, в т.ч. связанных с информационными технологиями (интернет-фольклор); проектировании мер государственной культурной политики, направленных на максимальное использование этнокультурных традиций и фольклора в процессе формирования личности ребенка.

По нашему мнению, планомерная работа по приобщению к русским народным традициям, творческая деятельность на основе фольклора призваны обеспечить гармоничное развитие детей, их этническую и культурную идентификацию, воспроизводство основ национальной культуры на новых исторических этапах, поскольку «причастность <...> к национальным ценностям, истории, исторической памяти измеряется не биологической наследственностью, а степенью активного усвоения тех культурных ценностей и святынь, которые составляют содержание этой истории»¹.

¹ Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. – 165 с. С. 66.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные материалы

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 1468 «Сборный личный фонд (1620-1925)».
2. Государственный архив Пензенской области (ГАПО), ф. 132 «Коллекция архивных документов Пензенской губернской ученой архивной комиссии (1603-1917)».
3. Государственный архив Саратовской области (ГАСО), ф. 407 «Саратовская губернская ученая архивная комиссия (1886-1921)», ф. 408 «Фонды и коллекции личного происхождения: Н.В. Калачов (1648-1919)», ф. 1279 «Коллекция краеведческих материалов Саратовской области».
4. Научный архив Саратовского областного музея краеведения (НА СОМК), единый фонд.
5. Фольклорный архив Волгоградской консерватории им. П.А. Серебрякова (ФА ВК), фф. 2000-2015.
6. Архив кафедры народного пения и этномузыкологии Саратовской государственной консерватории им. Л.В. Собинова (АКНПиЭ СГК), фф. 1994-2013.
7. Архив лаборатории фольклора Пензенского колледжа культуры и искусства (АЛФ ПККиИ), фф. 1989-2014.
8. Личный архив автора (ЛАА), 1990-2015 гг.

Нормативные документы

1. Конвенция о правах ребенка / Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года, вступила в силу 2 сентября 1990 года. – М.: РИОР, 2007. – 24 с.
2. Международная конвенция об охране нематериального культурного наследия: материалы Генеральной конференции ЮНЕСКО. – Париж, 17 октября 2003 г. [Электронный ресурс]. – URL:

<http://unesdoc.unesco.org/images/0013/001325/132540r.pdf> (дата обращения 18.03.2015).

3. Рекомендации ЮНЕСКО о сохранении фольклора: материалы Генеральной конференции ЮНЕСКО. – Париж, 17 октября – 16 ноября 1989 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/902084650> (дата обращения 28.05.2014).
4. Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (ред. от 02.12.2013) «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155182/ (дата обращения 23.08.2013).

Литература

1. Абраменкова В.В. Агиологическая психология детской святости // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. – 2007. – № 4. – с. 33-57.
2. Абраменкова В.В. Во что играют наши дети? Игрушка и АнтиИгрушка. – М.: Яуза, Эксмо, Лепта Книга, 2006. – 640 с.
3. Абраменкова В.В. Генезис отношений ребенка в социальной психологии детства: автореф. дис. докт. психолог. наук. – М., 2000. – 57 с.
4. Абраменкова В.В. Детское сознание: проблемы демонизации. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/73.htm> (дата обращения 13.07.2014).
5. Абраменкова В.В. Детская субкультура: содержание, функции, значение в культуре. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.portal-slovo.ru/pre_school_education/36717.php (дата обращения 08.08.2013).
6. Абраменкова В.В. Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. – М.-Воронеж: МОДЭК, 2000. – 416 с.
7. Абраменкова В.В. Ты утаил от мудрых, но открыл младенцам: детская святость в русском православии. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.portal-slovo.ru> (дата обращения 23.07.2013).

8. Абрамова О.А. Нравственно-эстетические и ментальные ценности фольклора: автореф. дис. канд. философ. наук. – Барнаул, 2006. – 29 с.
9. Абрамян Л.А. Первобытный праздник и мифология. – Ереван, 1983. – 231 с.
10. Авдеева Е.А. Из воспоминаний // Отечественные записки. – 1849. – т. 63. – № 4.
11. Аврелий Августин. Исповедь. Пер. с лат. М.К. Сергеенко. Вступит. статья А.А. Столярова. – М.: Ренессанс, 1991. – 488 с.
12. Алексеевский М.Д. Детский фольклор: 7 фактов об истории возникновения, сюжетах и формах детской мифологии. [Электронный ресурс]. – URL: <https://postnauka.ru/faq/6001> (дата обращения 23.06.2013).
13. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. – М.: Учпедгиз, 1957. – 240 с.
14. Аникин В.П. Русский фольклор. – М.: Высшая школа, 1987. – 285 с.
15. Аникин В. П. Теория фольклора: курс лекций. 2-е изд., доп. – М.: КДУ, 2004. – 428 с.
16. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь / Послесловие В.Я. Первухина. – Репринт. издание 1914 г. – М.: Индрик, 2003. – 440 с.
17. Антропологические основы субкультуры детства: нормы, ценности, практика: Материалы VI Междунар. научно-практ. конференции (26-27 ноября, 2009 г.) / Под ред. Л.Л. Редько, Е.Г. Пономарева, С.В. Бобрышова. – Ставрополь: СГПИ, 2009. – 356 с.
18. Ариес Ф. Возрасты жизни // Философия и методология истории: Сб. ст. Пер. с англ., нем., фр. / Общ. ред. и вступ. ст. И.С. Кона. – М.: Прогресс, 1977. – 332 с.
19. Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке: Пер. с фр. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 415 с.
20. Артемьев Н.П. Бубенчики: Новейший сборник: 50 детских песен: для фортепиано с надписанным текстом / Муз. аранж. Николай Артемьев. – СПб.: Давингоф, ценз. 1893. – 47 с.

21. Арутюнов С.А. Культуры, традиции и их развитие и взаимодействие. – Люистон: Эдвин Меллен Пресс, 2002. – 386 с.
22. Афанасьев Н.Я. Детские песни / с аккомп. фортепиано. В 14-ти тетр. – М.: Изд. авт., ценз. 1876.
23. Афанасьева А.Б. Фольклоротерапия на уроках музыки // Актуальные проблемы музыкально-педагогического образования: Традиции, перспективы, поиски / Вып.3. – Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т им. М.Е. Евсевьева, 2000. – С. 139-145.
24. Бадинтер Э. Любовь в дополнение: история материнской любви (18-20 века). – М.: Статистика, 1990. – 256 с.
25. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983 – 191 с.
26. Байбурин А.К., Левинтон Г.А. К проблеме «У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов» // Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. – Л.: Наука, 1984. – 254 с. С. 229-245.
27. Байбурин А.К. Некоторые общие соображения о ритуале // Аequinox. МСМХСШ. – М.: Книжный сад, 1993. – 284 с. С. 4-15.
28. Байбурин А.К. Обрядовые формы половой идентификации детей // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – 320 с. С. 257-266.
29. Байбурин А.К. Полярности в ритуале (твердое-мягкое) // Полярность в культуре / Сост. В.Е. Багно, Т.А. Новичкова. (Альманах «Канун». Вып. 2). – СПб, 1996. – 430 с. С. 157-165.
30. Байбурин А. К. Развязывание ума // Лотмановский сборник / Ред.-сост. Е.В. Пермяков. – М.: ИЦ-Гарант, 1995. – 734 с. С. 676-681.
31. Байбурин А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // Этнознаковые функции культуры. – М.: Наука, 1991. – 224 с. С. 23-42.

32. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: Структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
33. Байбурин А.К. Ритуал: старое и новое // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сб. статей памяти Сергея Александровича Токарева / Сост. В.Я. Петрухин. – М.: Восточная литература РАН, 1994. – 276 с. С. 35-48.
34. Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Сборник Музея антропологии и этнографии. – Вып. 37. – 1981. – С. 215-226.
35. Байбурин А.К. Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции // Антропологический форум. – 2005. – № 3. – с. 381-397.
36. Балов А.В. Рождение и воспитание детей в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Этнографическое обозрение. – 1890. – № 3. – с. 90-115.
37. Балов А.В. Колыбельные и детские песни и детские прибаутки, записанные в Пошехонском уезде Ярославской губернии // Живая старина. – 1901. – вып. 1-2. – с. 116-120.
38. Баннов К.Ю. Игровая культура в пространстве современности: опыт культурологического анализа: дис. канд. культурологии. – Челябинск, 2007. – 184 с.
39. Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении: дис. канд. истор. наук. – СПб., 1999. – 155 с.
40. Баранов Д.А. Стоит город не на земле, не на воде: к мифологии колыбели // Живая старина. – 1998. – № 2. – с. 21-23.
41. Басенкова Л.В. Детские игры в современном социокультурном пространстве России: дис. канд. культурологии. – М., 2010. – 159 с.
42. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. – М.: Художественная литература, 1990. – 543 с.
43. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Наука, 1979. – 236 с.
44. Белик А.А. Культура и личность. – М.: РГТУ, 2001. – 378 с.

- 45.Белик А.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: РГГУ, 2009. – 613 с.
- 46.Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культур. – М.: РГГУ, 1998. – 238 с.
- 47.Белоусов А.Ф., Головин В.В., Кулешов Е.В., Лурье М.Л. Детский фольклор: итоги и перспективы изучения // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. – Т. 1. – М.: ГРЦРФ, 2005. С. 215-242.
- 48.Бережнова О.В. Жанры детского фольклора Орловского края: дис. канд. филолог. наук. – М., 2003. – 178 с.
- 49.Берн Э. Игры, в которые играют люди. – М.: Эксмо, 2003. – 574 с.
- 50.Бернштам Т.А. К реконструкции некоторых русских переходных обрядов совершеннолетия // Советская этнография. – 1986. – № 6. – с. 24-35.
- 51.Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX-начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. – Л.: Наука, 1988. – 274 с.
- 52.Бернштам Т.А. Следы архаических ритуалов и культов в русских молодёжных играх «Ящер» и «Олень» (опыт реконструкции) // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. – Л., 1990. С. 17-36.
- 53.Бернштейн Б.М. Традиции и социокультурные структуры // Советская этнография. – 1981. – № 2. – с. 107-108.
- 54.Бессонов П.А. Детские песни. – М.: Типография Бахметева, 1868. – 258 с.
- 55.Библер В.С. Мышление как творчество: Введение в логику мысленного диалога. – М.: Политиздат, 1975. – 400 с.
- 56.Библиографический указатель работ по истории детства (из фонда Научной библиотеки РГГУ) / Сост. В.Г. Безрогов, О.Л. Шенягина. – М., 2009. – 53 с.
- 57.Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Божович Л.И. Избранные психологические труды / Под ред. Д.И. Фельдштейна. – М.: МПА, 1995. – 209 с.

58. Большой энциклопедический словарь: А-Я / Гл. ред. Прохоров А.М. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. – СПб.: БСЭ, 2000. – 1452 с.
59. Бордюг Н. Д. Детский музыкальный фольклор Нижегородской области в праздниках и обрядах (опыт реконструкции). – Н. Новгород: НОИМЦ, 1993. – 81 с.
60. Борисов С.Б. Субкультура девичества: российская провинция 70-90-х гг. XX в.: автореф. дис. докт. культурологии. – М., 2002. – 43 с.
61. Борисов С.Б. Человек. Текст. Культура. Социогуманитарные исследования. Изд. 2-е, доп. – Шадринск, 2007. – 556 с.
62. Бороноев А.О. Основы этнической психологии. – СПб.: Гардарики, 1991. – 400 с.
63. Бороноев А.О., Павленко В.Н. Этническая психология. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1994. – 165 с.
64. Бочарникова И.С. Народная культура в современных условиях: стратегия сохранения национальной идентичности: монография / И.С. Бочарникова, Н.А. Калюжная, С.И. Кулибаба. – Астрахань: Астраханский университет, 2010. – 265 с.
65. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Наука, 1983. – 486 с.
66. Бромлей Ю.В. Этнос и этнография. – М., 1973. – 283 с.
67. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. – М.: Наука, 1987. – 320 с.
68. Булгаков С.Н. Свет невечерний: созерцания и умозрения. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
69. Бутенко И.А. Из истории черного юмора // Социологические исследования. – 1994. – № 11. – с. 148-153.
70. Бутенко И. А. Юмор как предмет социологии? // Социологические исследования. – 1997. – Вып. 5. – с. 135-140.
71. Бюхнер П., Крюгер Г.-Г., Дюбуа-Реймон М. Современный ребенок в Западной Европе // Социологические исследования. – 1996. – № 4. – с. 128-134; № 5. – с. 140-147.

72. Валлон А. Психическое развитие ребенка. – М.: Просвещение, 1967. – 196 с.
73. Василенко В.А. Детский фольклор // Русское народное поэтическое творчество / Под ред. А.М. Новиковой. – 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1978. – 440 с. С. 132-148.
74. Василенко В.А. Об изучении современного детского фольклора // Современный русский фольклор / Под ред. Э.В. Померанцевой. – М.: Наука, 1966. – с. 187-199.
75. Вагнер Г.К. Трудности истинные и мнимые // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 7. – с. 37-38.
76. Венгер А.Л. Ребенок в обществе: исторический кризис детства // Вопросы психологии. – 2008. – № 4. – с. 3-12.
77. Венгер А.Л., Слободчиков В.И., Эльконин Б.Д. Проблема детской психологии и творчество Д.Б. Эльконина // Вопросы психологии. – 1988. – № 3. – с. 20-29.
78. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.: материалы, собранные и приведенные в порядок П.В. Шейном. Т. I, вып. 1. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1898-1900. – 376 с.
79. Ветухов А.В. Народные колыбельные песни // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2-3. – с. 127-142.
80. Виноградов Г.С. Детская сатирическая лирика // Сибирская живая старина. – 1925. – Вып. 3-4. – с. 65-106.
81. Виноградов Г.С. Детские игровые прелюдии // Сибирская живая старина. – 1929. – Вып. 7-8. – с. 119-174.
82. Виноградов Г.С. Детские тайные языки // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 6. – с. 87-112.
83. Виноградов Г.С. Детский народный календарь. – Сибирская живая старина. – 1924. – вып. 11. – с. 55-86.
84. Виноградов Г.С. Детский фольклор в школьном курсе словесности // Русский язык в школе. – 1927. – № 2. – с. 52-66; № 3. – с. 84-97.

- 85.Виноградов Г.С. Детский фольклор и быт: Программа наблюдений. Библиотека собирателя / Этнологическая секция ВСОРГО; Вып. 3. – Иркутск, 1925. – 84 с.
- 86.Виноградов Г.С. Из наблюдений за детским потешным фольклором. Сечки // Детский быт и фольклор. – Л., 1930. С. 13-20.
- 87.Виноградов Г.С. Иркутский детский фольклор. – Иркутск: Изд-во Иркутской Секции научных работников, 1930. – 234 с.
- 88.Виноградов Г.С. Народная педагогика // Сибирская живая старина. – 1926. – Вып. 5. – С. 1-28.
- 89.Виноградов Г.С. Страна детей: Избранные труды по этнографии детства. – СПб: Историческое наследие, 1998. – 547 с.
- 90.Виноградова Н.Ф., Куликова Т.А. Дети, взрослые и мир вокруг. – М.: Просвещение, 1993. – 128 с.
- 91.Водовозова Е.Н. Умственное развитие детей от первого проявления сознания до восьмилетнего возраста с приложением чертежей и сборника детских песней и подвижных игр с народными мелодиями / Музыка А.И. Рубца. – СПб.: тип. А.М. Котомина, 1871. – 245 с.
- 92.Волков Г.Н. Педагогика жизни. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1989. – 335 с.
- 93.Волков Г.Н. Этнопедагогика. – Чебоксары: Чувашское кн. изд-во, 1974. – 375 с.
- 94.Волков Г.Н. Этнопедагогика. – М.: Академия, 1999. –168 с.
- 95.Выготский Л. С. Вопросы детской психологии. – СПб: Союз, 1997. – 220 с.
- 96.Выготский Л.С. Игра и её роль в психическом развитии ребенка // Вопросы психологии. – 1966. – № 6. – с. 21-33.
- 97.Выготский Л.С. Избранные психологические исследования. – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1956. – 519 с.
- 98.Выготский Л.С. История развития высших психических функций. // Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. Т.3. – М.: Педагогика, 1983. – 368 с.

99. Выготский Л.С. Педагогическая психология. – М.: Педагогика, 1991. – 480 с.
100. Выготский Л.С. Развитие высших психических функций / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.М. Теплова. – М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1960. – 340 с.
101. Выготский Л.С., Лурия А.Р. Этюды по истории поведения: Обезьяна. Примитив. Ребенок. – М.: Педагогика-Пресс, 1993. – 224 с.
102. Галкова О.В., Кибасова Г.П., Петрова И.А. Эволюция этносов и этносоциальная темпоральность России // Известия ВГПУ. – 2015. – № 1 (96). – с. 148-153.
103. Геннеп А., ван. Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов. Пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской. – М.: Восточная литература, 1999. – 198 с.
104. Герасимова Н.М. Пространственно-временные формулы русской волшебной сказки // Русский фольклор. Т. XVIII. – Л.: Наука, 1978. – 225 с. С. 173-180.
105. Гилярова Н.Н. Музыкальный фольклор Рязанской области / Рязанский этнографический вестник. – Рязань: РОЦНТ, 1994. – 117 с.
106. Голещихина Т.Л. Русское народное детское музыкальное творчество // Культура как способ бытия человека в мире: Материалы III Всерос. конференции (Томск 13-15 декабря 2001 г.) / Под ред. Ю.В. Петрова. – Томск: Издательство НТЛ, 2002. – 373 с. С.235-239.
107. Голованова Н.Ф. Педагогические смыслы феномена детства // Педагогика. – 2006. – № 1. – с. 119-123.
108. Голованова Н.Ф. Социализация и воспитание ребенка. – СПб.: Речь, 2004. – 272 с.: ил.
109. Граматчикова Н.Б., Хоруженко Т.И. Постфольклор и интернетлор. – Екатеринбург: УрФУ, 2017. – 62 с.
110. Гречанинов А.Т. Ай, дуду! 6 детских песен на народный текст / для 2-х голосов с сопр. фортепиано. Соч. 31. – М.: Гутхейль, 1903. – 27 с.

111. Гречанинов А.Т. Петушок: Сборник русских народных песен для детей с сопр. фортепиано. Соч. 39. – М.: Гос. изд-во, муз. сектор, 1926. – 21 с.
112. Григорьев В.М. Этнопедагогика игры: Монография. – М.: Спутник+, 2009. – 226 с.
113. Григорьев С.В. Архетипы игры и некоторые современные особенности «человека играющего» // Мир психологии. – 1998. – № 4. – с. 7-23.
114. Громыко М.М., Буганов А.В. О воззрениях русского народа. – М.: Паломник, 2000. – 544 с.
115. Громыко М.М. Мир русской деревни. – М.: Молодая гвардия, 1991. – 448 с.
116. Громыко М.М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. / Отв. ред. В.А. Александров, В.К. Соколова; Акад. наук СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1986. – 278 с.
117. Гроос К. Душевная жизнь ребенка. Перевод В.В. Деловой. / Вступ. статья В.В. Зеньковского. – Киев: Издание Киевского Фребелевского общества, 1916. – 242 с.
118. Гуревич П.С. Культурология: Учеб. пособие. Изд. 3-е, стереотип. – М.: Омега-Л, 2012. – 427 с.
119. Гусев В.Е. Эстетика фольклора. – Л.: Наука, 1967. – 319 с.
120. Гусельки: 128 колыбельных, детских и народных песен и прибауток: с голосами и с аккомпанементом фортепиано / собрали Н. Х. Вессель и Е. К. Альбрехт. – Изд. 2-е, доп. – СПб.: тип. В.С. Балашева, 1876. – 96 с.
121. Даль В.И. Пословицы русского народа: сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. / Издание императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. – М.: тип. Моск. ун-та, 1862. – 115 с.
122. Даль В.И. Пословицы русского народа. В 3-х т. – СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
123. Дандес А. Фольклор: семиотика и/или психоанализ: Сб. ст. Пер. с англ. / Сост. А.С. Архипова. – М.: Восточная литература, 2003. – 279 с.

124. Демина Л.В. Сохранение традиционной народной культуры в современном обществе // Теория и практика общественного развития. – 2011. – № 2. – с. 121-125.
125. Демина Л.В. Феномен песенной культуры русского населения Среднего Зауралья: автореф. дис. докт. культурологии. – Тюмень – 2011. – 44 с.
126. Демоз Л. Психоистория. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 512 с.
127. Детский поэтический фольклор: Антология / Сост. А.Н. Мартынова; Отв. ред. Б.Н. Путилов. – СПб., 1997. – 577 с.
128. Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой (Библиотека русского фольклора; т.13). – М.: Русская книга, 2002. – 560 с.
129. Детство, отрочество и юность в контексте научного знания: материалы междунар. науч.-практ. конференции 25-26 апреля 2011 года. – Пенза – Шадринск – Ереван: НИЦ «Социосфера», 2011. – 176 с.
130. Добровольский В.Н. Детские песни и игры // Смоленский этнографический сборник. – М., 1903. – Ч. IV. – с. 472-498.
131. Долгов В.В. Детство в контексте древнерусской культуры XI-XIII вв.: Отношение к ребенку, способы воспитания и стадии взросления // Этнографическое обозрение. – 2006. – № 5. – с. 72-85.
132. Досократики. – Мн.: Харвест, 1999. – 784 с.
133. Дюркгейм Э. Элементарные формы религиозной жизни // Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. / Пер. с англ., нем., фр. Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с. С. 174-231.
134. Еремина В.И. Ритуал и фольклор. – Л.: Наука, 1991. – 207 с.
135. Ефименкова Б.Б. Северные байки: колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. – М.: Сов. композитор, 1977. – 80 с.
136. Жульникова С.Н. Гендер в предметном коде культуры: символ и архетип (на материале славянских обрядов первого года жизни) // Кижский вестник. – 2009. – № 12. – с. 61-79.

137. Забылин Н.М. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия / Репринт. воспроизведение издания 1880 г. – Симферополь: Соратник, 1992. – 616 с.
138. Завьялова С.М. Народное искусство как средство воспитания национального самосознания студентов педагогического колледжа: автореф. дис. канд. педагог. наук. – Ростов-на-Дону, 2002. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/narodnoe-iskusstvo-kak-sredstvo-vospitaniya-natsionalnogo-samosoznaniya-studentov-pedagogic-0> (дата обращения 04.04.2016).
139. Захаров А.В. Традиционная культура в современном обществе // Социологические исследования. – 2004. – № 7. – с. 105-115.
140. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 511 с.
141. Зеленин Д.К. Избранные труды. Очерки русской мифологии (Умершие неестественной смертью и русалки). – М.: Индрик, 1995. – 432 с.
142. Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901-1913. – М.: Индрик, 1994. – 400 с.
143. Земцовский И.И. Народная музыка и современность // Современность и фольклор: ст. и материалы / Сост. В.Е. Гусев, А.А. Горьковенко. Отв. ред. В.Е. Гусев. – М.: Музыка, 1977. – 348 с.
144. Зеньковский В.В. Психология детства. – М.: Academia, 1996. – 342 с.
145. Зилотина Е.А., Смирнова О.В. Материалы по детскому фольклору // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с. С. 123- 189.
146. Зимин М.М. Жизнь костромских деревенских детей в народной жизни // Октябрь [Кострома]. – 1926. – № 4. – с. 53-58; № 7-8. – с. 65-67.
147. Зимина Т.А. Игры крестьянских детей [Электронный ресурс] – URL: <http://www.ethnomuseum.ru/igra-v-zhizni-rebenka> (дата обращения 10.04.2015).
148. Зинкевич-Евстигнеева Т.Д. Путь к волшебству. Теория и практика сказкотерапии. – СПб.: Златоуст, 1998. – 352 с.

149. Золотая веточка: детский фольклор Архангельской области / Сост. Е. Якубовская / Альманах «Русская традиционная культура». Вып 1. – 1997. – № 1. – 124 с.; Вып. 2. – 1997. – № 3. – 160 с.
150. Зорина З. Зачем они играют // Педология. Новый век. – 2001. – № 6. – с. 55-58.
151. Зуева Т.В., Кирдан Б.П. Русский фольклор. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 400 с.: ил.
152. Зязева Л.К. Традиционная русская культура как основа формирования национального самосознания молодого поколения: автореф. дис канд. культурологии. – СПб, 2004. – 22 с.
153. Иванов С.П. Ребенок как субъект жизни в пространстве образования современного мира // Мир психологии. – 2002. – № 1 (29). – с. 46-55.
154. Иванова Н.В. Особенности и значение детской субкультуры // Педагогика. – 2005. – № 7. – с. 31-36.
155. Иванова Н.В. О детской субкультуре // Дошкольное воспитание. – 2004. – № 4. – с. 34-37.
156. Игра // Большой энциклопедический словарь: А-Я / Гл. ред. Прохоров А.М. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. – СПб.: БСЭ, 2000. – 1452 с. С. 434.
157. Игра со всех сторон (книга о том, как играют дети и прочие люди). Современные исследования, междисциплинарный подход, практические рекомендации, взгляд в будущее / Пер. с англ., под ред. Е. С. Жорняк. – М., 2003. – 434 с.
158. Игры народов СССР. Сб. материалов / Сост. В.Н. Всеволодский-Гернгросс, В.С. Ковалева, Е.И. Степанова. – М.-Л.: Академия, 1933. – 563 с.
159. Ибрагимов Г.Г. Феменология фольклора как духовной культуры народа в музыкально-эстетическом воспитании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. – 2011. – № 2. – с. 78-83.
160. Инкультурация [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Инкультурация> (дата обращения: 25.09.2012).

161. Интернет и фольклор: сб. ст. / Сост. А.С. Каргин. – М.: ГРЦРФ, 2009. – 320 с.
162. Кавтарадзе, Д.Н. Человек в мире игры // Мир психологии. – 1998. – № 4. – с. 33-39.
163. Каган М.С. Избранные труды: в 7 т. Т. 3. Труды по проблемам теории культуры. – СПб.: Петрополис, 2007. – 755 с.
164. Каган М.С. Философия культуры. – СПб.: Петрополис, 1996. – 415 с.
165. Кайев А.А. К характеристике современного устно-поэтического репертуара детей // Ученые записки Орехово-Зуевского педагогического института. – 1958. – т. IX. – вып. 3. – с. 89-134.
166. Калужникова Т.И. Автобиографическая проза как материал для изучения интонационного аспекта детской субкультуры // Человек в мире культуры. – 2012. – № 2. – с. 10-21.
167. Калужникова Т.И. Акустический текст ребенка: по материалам, записанным от современных российских городских детей: автореф. дис. докт. искусствоведения. – М., 2005. – 52 с.
168. Каминская Е. А. Актуализация традиционного фольклора в современной социокультурной среде на основе его имманентных характеристик // Вестник славянских культур. – 2016. – № 1 (36). – С. 53-64.
169. Каминская Е. А. Игровые аспекты традиционного фольклора как условия воплощения его культурных смыслов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2016. – № 2 (22). – С. 65-74.
170. Каминская Е.А. Традиционный фольклор: культурные смыслы, современное состояние и проблемы актуализации : автореф. дис. докт. культурологии. – Челябинск, 2016. – 46 с.
171. Капица О.И. Детский фольклор. Изучение. Собрание. Обзор материала: песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. – Л.: Прибой, 1928. – 224 с.
172. Капица О.И. К вопросу об изучении детского фольклора // Известия РГО. – 1928. – Т. 60. – Вып. I. – с. 59-79.

173. Капица О.И. Поэзия крестьянских детей // В помощь просвещенцу: Ежемесячник Наркомпроса АКССР. – Петрозаводск, 1928. № 3-5.
174. Капица Ф.С., Колядич Т.М. Русский детский фольклор. – М.: Флинта, 2002. – 315 с.
175. Каптерев П.Ф. О детских играх и развлечениях // Народное образование. – 1999. – № 8. – с. 228-240.
176. Карабанова О.А. Социальное конструирование детства // Образовательная политика. – 2010. – № 5/6. – с. 52-61.
177. Карабулатова И.С., Ермакова Е.Е., Зиннатулина Г.И. Территория детства как этнолингвокультурный феномен: обряды, заговоры и колыбельные песни народов Тюменской области. – Тюмень: Экспресс, 2005. – 340 с.
178. Каргин А.С., Хренов Н.А. Фольклор и кризис общества. – М.: Государственный центр русского фольклора, 1993. – 164 с.
179. Кибасова Г.П., Петров А.В., Фомина Т.К. «Власть» пространства // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: философия, социология и социальные технологии. – 2012. – № 1 (16). – с. 26-32.
180. Кибасова Г.П., Киценко Р.Н. Пространственные детерминанты русского этнического самосознания // Известия ВГПУ. – 2012. – № 11 (75). – с. 171-174.
181. Китайник М.Г. Детский фольклор и детская литература // Детская литература. – 1940. – № 5. – с. 12-15.
182. Китайник М.Г. Поэзия старшего дошкольника // Ученые записки кафедры детской литературы МГПУ. – М., 1939. – Вып. 1. – с. 95-109.
183. Ключевский В.О. Два воспитания / Ключевский В.О. Сочинения в девяти томах. Т. IX: Материалы разных лет. – М.: Мысль, 1990 – 528 с.
184. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Кн. 1. Мир человека. – СПб.: Филолог. факультет СПбГУ, 2000. – 328 с.
185. Кольцова И.Н. Социокультурные функции сказки: автореф. дис. канд. культурол. наук. – Нижний Новгород, 2000. – 29 с.

186. Комарова Г.А. Этнография детства: междисциплинарные исследования (1960-80-е гг.) – М.: Москва Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 2010. – 132 с.
187. Кон И.С. Бить или не бить? – М.: Время, 2012. – 448 с.
188. Кон И.С. Психология ранней юности. – М.: Просвещение, 1989. – 225 с.
189. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива) / АН СССР, институт этнографии им. Н.Н.Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1988. – 269 с.
190. Кон И.С. Ребенок и общество. – М.: Академия, 2003. – 336 с.
191. Кон И.С. Социологическая психология: Избранные психологические труды. – М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: МОДЭК, 1999. – 555 с.
192. Кон И.С. Открытия Филиппа Арьеса и гендерные аспекты истории детства // Вестник РГГУ. – 2010. – № 15 (58)/10. – с. 12-24.
193. Кон И. С. Этнография детства. Историкографический очерк / Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии / Под ред. И.С. Кона и др. – М.: Наука, 1983. – 232 с. С. 9-50.
194. Кон И.С. Этнография детства (проблемы методологии) // Советская этнография. – 1981. – № 35. – с. 3-14.
195. Кон И.С. Этнография детства. Состояние и перспективы // Вестник АН СССР. – 1985. – № 8. – с. 59-71.
196. Кондратьев Е. Дети как наивные философы // Философия наивности / Сост. А.С. Мигунов. – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 384 с. С. 81-84.
197. Конькина Е.В. Здоровьесохранительные культурные формы: семантика и прагматика фольклора // Вестник ТГПУ. – 2011. – № 1 (103). – с. 119-125.
198. Копейкина Е.Ю. Субкультура детства: автореф. дис. канд. культурологии. – Н. Новгород, 2000. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/subkultura-detstva> (дата обращения: 19.08.2013).

199. Корепанова И.А. Игра как предмет исследования в российской культурно-исторической школе в психологии // Психологический журнал. – 2012. – № 4. – с. 1-11.
200. Коринфский А.А. Народная Русь / Репринт. воспроизведение издания 1901 г. – Смоленск: Русич, 1995. – 656 с.
201. Кормина Ж.В. Институт крестных родителей в традиционной культуре // Проблемы социального и гуманитарного знания: Сб. науч. работ. Вып. 1. – СПб., 1999. – с. 221-239.
202. Короткова Н.А. Современные исследования детской игры // Вопросы психологии. – 1985. – № 5. – с. 163-168.
203. Коршунков В.А. Обрядовое хлестание в детской потешке // Мир детства и традиционная культура / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с. С. 112-113.
204. Коршунков В.А. Сорока-повитуха в русском фольклоре // Фольклорный текст – 98: Сб. докладов науч. конференции / Под ред. И.А. Подюкова. – Пермь, 1998. С. 29-38.
205. Коршунков В.А. Фольклорно-этнографический комментарий к восточнославянским детским потешкам про сороку // Традиционная культура и мир детства: мат. межд. науч. конференции «XI Виноградовские чтения». Ч. 2 / Ред. колл.: М.П. Чередникова, М.Г. Матлин, В.Ф. Шевченко. – Ульяновск, 1998. С. 26-42.
206. Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993. – 399 с.
207. Костомаров Н.И. О цикле весенних песен в народной южнорусской поэзии // Маяк. – 1843. – Т. 11. – № 21. – с. 58-71.
208. Костомаров Н. И. Об историческом значении русской народной поэзии. – Харьков: Унив. тип., 1843. – 214 с.
209. Кошелева О.Е. «Свое детство» в Древней Руси и в России эпохи просвещения: Учеб. пособие по пед. антропологии и истории детства. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 319 с.

210. Кравченко В. А. Наука как игра и игра как культура // Наука, культура и человек: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. Г.С.Баранов. – Кемерово: Кемеровск. ун-т, 1992. – 163 с. С. 95-103.
211. Красная рука, черная простыня, зеленые пальцы: страшная повесть для бесстрашных детей; Жуткий детский фольклор / Сост. Э. Успенский, А. Усачев; худож. Г. Гринева. – Москва: Самовар, 1992. – 288 с.: ил.
212. Круглов Ю.Г. Жанровый состав обрядового фольклора. – М.: Наука, 1982. – 211 с.
213. Крысько В.Г. Этническая психология. – М.: ИЦ «Академия», 2002. – 320 с.
214. Кудрявцев В., Алиева Т. Еще раз о природе детской субкультуры // Дошкольное воспитание. – 1997. – № 3. – с.87-91; № 4. – с. 64-68.
215. Кудрявцев В.Т. Исследования детского развития на рубеже столетий (научная концепция института) // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – с. 8-21.
216. Кудрявцев В.Т. Дети в перевернутом мире, или Попытка нового прочтения старой темы // Дошкольное воспитание. – 1996. – № 11. – с. 65-75.
217. Кудрявцев В.Т. Дошкольное воспитание.– М.: Профиздат, 2003.– 345 с.
218. Кудрявцев В.Т. Идея историзма в психологии развития: автореф. дис. докт. психол. наук. – М., 1997. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.dissercat.com/content/ideya-istorizma-v-psikhologii-razvitiya-teoret-metodol-issled> (дата обращения 20.02.2015).
219. Кудрявцев В.Т. Культурно-исторический статус детства: эскиз нового понимания // Психологический журнал. – 1998. – Т. 19. № 3. – с. 17-33.
220. Кудрявцев В.Т. Психология развития человека. Основания культурно-исторического подхода. – Рига: ПЦ «Эксперимент», 1999. Ч. I. – 160 с.
221. Кудрявцев В.Т. Смысл человеческого детства и психическое развитие ребенка: Учеб. пособие. – М.: Изд-во УРАО, 1997. – 153 с.
222. Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К. Социальный и психологический смысл явлений детской субкультуры // Журнал прикладной психологии. – 1999. – № 1. [Электронный ресурс]. – URL:

<http://tovievich.ru/book/deti/print:page,1,6631-vtkudryavcev-gkurazalieva-socialnyy-i-psihologicheskiy-smsysl-yavleniy-detskoy-subkultury.html> (дата обращения 13.02.2013).

223. Кудрявцев В.Ф. Детские игры и песенки Нижегородской губернии // Нижегородский сборник. – 1871. – т. IV. – с. 167-238.
224. Кулагина И.Ю. Возрастная психология (Развитие ребенка от рождения до 17 лет). 5-е изд. – М.: Изд-во УРАО, 1999. – 176 с.
225. Культура как способ бытия человека в мире: Материалы III Всерос. конф. (Томск 13-15 декабря 2001 г.) / Под ред. Ю.В. Петрова. – Томск: Изд-во НТЛ, 2002. – 376 с.
226. Культурология: Учебник / Под ред. Ю.Н. Солониной, М.С. Кагана. – М.: Высшее образование, 2005. – 566 с.
227. Культурология. XX век. Словарь / Гл. ред., сост. и авт. проекта А.Я. Левит. – СПб: Университетская книга, 1997. – 640 с.
228. Культурология. XX век. Энциклопедия. В 2-х томах / Гл. ред. С.Я. Левит. – СПб.: Университетская книга; ООО Алетейя, 1998. Т.1. – 447 с.; Т. 2. – 370 с.
229. Куруленко Э.А. Творчество в пространстве культуры детства: дис. докт. культурологии. – СПб, 1999. – 329 с.
230. Куруленко Э.Л. Историческая эволюция детства. Социокультурный аспект // Социология. – 1998. – № 1. – с. 21-35.
231. Кучегура Л. А. Специфика смеха в современном детском стихотворном фольклоре: автореф. дис. канд. филолог. наук. – Челябинск, 2000. – 22 с.
232. Кучмаева И.К. Социальные закономерности и механизмы наследования культуры. – М.: Инженер, 2006. – 257 с.
233. Ладик Л.А. Русские народные праздники: Возрождение традиций (Рождество). – М.: Родник, 1999. – 48 с.
234. Леонтьев А.А. Национальная психология и этнопсихология // Советская этнография. – 1983. – № 2. – с. 80-87.

235. Литвин Э.С. К вопросу о детском фольклоре // Русский фольклор. Т. 3. Материалы и исследования. – М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1958. – 449 с. С. 92-103.
236. Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. – Л.: Наука, 1984. – 295 с.
237. Лобачев Г.Г. Маришкины песни. / Напевы О.В. Ковалевой /для голоса с фортепиано. Соч. 11. – М.: Гос. изд-во, муз. сектор, 1929. – 17 с.
238. Лобкова Г.В., Захарченко М.В. Народная традиционная культура в системе образования / Историко-педагогическое измерение в образовании: Сб. материалов. – СПб., 1999. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.onmck.ru/resources/folklore_and_ethnographic/text/library/?ELEMENT_ID=826 (дата обращения 29.01.2015).
239. Лойтер С.М. Детские мифологические рассказы // Живая старина. – 1996. – № 1. – с. 44-45.
240. Лойтер С.М. Детская повествовательная традиция // Материалы междунар. науч. конф. «Рябининские чтения – 1995»: сб. науч. докладов. – Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 1997. – 431 с. С. 184-187.
241. Лойтер С.М. Детские «страшные» истории как мифологические рассказы // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Под ред. И.Е. Герасимовой. – М.: ГРЦРФ, 1996. – 176 с. С. 91-99.
242. Лойтер С.М. Детские страшные истории («страшилки») // Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 744 с. С. 56-134.
243. Лойтер С.М. Изучение детского фольклора. [Электронный ресурс]. – URL: <http://childcult.rsuh.ru/article.html?id=59510> (дата обращения 20.06.2014).
244. Лойтер С.М. Заметки о детской мифологии // Проблемы детской литературы и фольклор: сб. науч. тр. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1999. – 147 с. С. 11-20.

245. Лойтер С.М., Неелов Е.М. Современный школьный фольклор. – Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 1995. – 115 с.
246. Лойтер С.М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследование и тексты. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 2001. – 296 с.
247. Лойтер С.М. Феномен детской субкультуры. – Петрозаводск: Изд-во КГПУ, 1999. – 44 с.
248. Лойтер С. М. Школьный фольклор в контексте «культуры детства» // Проблемы детской литературы и фольклор: Сб. научн. трудов. – Петрозаводск: КГПУ, 1995. – 114 с. С. 7-14.
249. Лоренц К. Восемь смертных грехов цивилизованного человечества / Лоренц К. Обратная сторона зеркала. – М.: Республика, 1998. – 393 с. С. 3-60.
250. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII-начало XIX века). – СПб.: Искусство – СПб, 1994. – 758 с.
251. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История / Тартуский ун-т. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 464 с.
252. Лотман Ю.М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Проблема канона в древнем и средневековом искусстве Азии и Африки: Сб. ст. – М., 1973. – 256 с. С. 16-22.
253. Лотман Ю.М. Пушкин. – СПб.: Искусство, 2003. – 847 с.
254. Лотман Ю.М. Символ в системе культуры / Избр. статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. – Таллинн: Александра, 1992. – 480 с.
255. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. – СПб.: Гуманит. агентство «Академический проект», 2002. – 560 с.
256. Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Успенский Б.А. Избранные труды. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: Гнозис, 1994. – 431 с. С. 219-253.
257. Лотман Ю.М. Феномен культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. – 478 с.

258. Лурье М.Л. Садистский стишок в контексте городской фольклорной традиции: детское и взрослое, общее и специфическое // Антропологический форум. – 2007. – № 6. – с. 287-309.
259. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Аспект-Пресс, 1998. – 445 с.
260. Лурье С.В. Историческая этнология. – М.: Академический Проект: Гаудеамус, 2004. – 624 с.
261. Лядов А.К. Детские песни на народные слова для голоса с фортепиано. – М.: Композитор, 1994. – 31 с.
262. Мадлевская Е. Прозвище // Русские дети. Основы народной педагогики: Иллюстрированная энциклопедия. – СПб., 2006. С. 310-312.
263. Малиновский Б. Научная теория культуры. – М.: ОГИ, 1999. – 208 с.
264. Майорова-Щеглова С.Н. Детство: методы исследования. – М.: Социум, 1999.
265. Майорова-Щеглова С.Н. Трансформация воспитательных практик в России: среднесрочный прогноз // Педагогическая диагностика. – 2012. – № 5. – с. 12-24.
266. Майорова-Щеглова С.Н., Даниелова В.Д. Этносоциальные установки современных российских подростков // Педагогическая диагностика. – 2011. – № 4. – с. 46-52.
267. Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крестная сила / Репринт. воспроизв. изд. 1873-1903 гг. – Смоленск: Русич, 1995. – 672 с.
268. Мамакин И.Н. наброски из мира народной педагогики // Живая старина. – 1894. – вып. 2. – с. 294-298.
269. Мамонтова М.А. Детские песни на русские и малороссийские напевы с аккомпанементом фортепиано / Ред. П.И. Чайковский. – М.: изд. И.А. Мамонтова, 1875. – 56 с.
270. Мамычева Д.И. Детство – метаморфозы культурного взгляда. – Таганрог, 2013. – 148 с.
271. Маркарян Э.С. Узловые проблемы теории культурной традиции // Советская этнография. – 1982. – № 2. – с. 78-96.

272. Мартынова А.Н. К изучению жанровых особенностей русских народных колыбельных песен // Фольклор и литература Урала. Вып. 1 – Пермь: ПГПУ, 1971. С. 51-53.
273. Мацумото Д. Психология и культура. – СПб.: Питер, 2003. – 720 с.
274. Мацумото Д. Психология развития. – М.: Инфра-М, 1998. – 400 с.
275. Мельник Е.И. Детский фольклор Каргопольского Обозерья: Опыт освоения местной традиции. – М.: Всерос. науч.-метод. центр нар. тв-ва и культ.-просв. работы. – М., 1991.– 104 с.
276. Мельников М.Н. Русский детский фольклор. – М.: Просвещение, 1987. – 240 с.
277. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири / Ред. Н.А. Каргаполов. – Новосибирск: Западно-Сибир. кн. изд-во, 1970. – 218 с.
278. Мехнецов А.М. Народная традиционная культура: Статьи и материалы / Сост. Е.А. Валевская, К.А. Мехнецова; вст. ст. Г.В. Лобковой. – СПб.: Нестор-История, 2014. – 440 с.
279. Мид М. Культура и мир детства: Избранные произведения: Пер. с англ. Ю.А. Асеева / Сост. В.И. Беликов; ред. И.С. Кон. – М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1988. – 430 с.
280. Минситова М.В. Традиции и новации в отечественной культуре детства // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). – 2011. – № 3. – с. 76-80.
281. Минситова М.В. Трансформация символической атрибутики детства в отечественной культуре: автореф. дис. канд. философ. наук. – Барнаул, 2011. – 22 с.
282. Минх А.Н. Народные обычаи, суеверия, предрассудки и обряды крестьян Саратовской губернии (собраны в 1861-1888 годах). – СПб.: типография В. Безобразова, 1890. – 153 с.
283. Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с.
284. Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Под ред. И.Е. Герасимовой. – М.: ГРЦРФ, 1996. – 176 с.

285. Мир игры и празднично-игровая культура Детства: Материалы научно-практ. конференций по празднично-игровой культуре. Ч. II / Отв. ред. С.В. Григорьев; под общей редакцией Д.Л. Монахова, С.В. Григорьева, А.С. Фролова. – М.: ОДИ-International, МГДД(Ю)Т, 2011. – 198 с.
286. Мистика. Религия. Наука. Классики мирового религиоведения. Антология. Пер. с англ., нем., фр. / Сост. и общ. ред. А.Н. Красникова. – М.: Канон+, 1998. – 432 с.
287. Михайлова Л.Н. Народная художественная культура: детерминанты, тенденции, закономерности социодинамики. 3-е изд. – М.: Вузовская книга, 2000. – 262 с.
288. Можаровский А.Ф. Игры крестьянских детей Казанской губ., Свияжского у., села Бежбатман // Живая старина. – 1899. – вып. 3-4. – с. 432-442.
289. Можаровский А.Ф. Из жизни крестьянских детей Казанской губернии. – Казань, 1882. – 95 с.
290. Можаровский А.Ф. Очерки жизни крестьянских детей Казанской губернии в их потехах, остротах, стишках и песнях // Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии. – 1877. – Т. 28. – Кн. 4. – С. 102-139.
291. Морозов И.А. Игровой «дом» (в контексте современных детских игровых практик) // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. – М.: Наука, 2009. – 786 с. С. 737-779.
292. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. Пер. с франц. – М.: Восточная литература РАН, 1996. – 360 с.
293. Мстиславская Е.В. Человек. Природа. Творчество // Естественно-историческое краеведение: прошлое и настоящее / под общ. ред. Г.В. Шляхтина. – Саратов, 2009. – 126 с. С. 157-160.
294. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. I. Младенчество; Детство / Сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. Аникина. – М.: Худож. литература, 1991. – 589 с.: ил.

295. Мухина В.С. Возрастная психология. – М.: Академия, 1997. – 256 с.
296. Мухомедшина Л. А. Детский фольклор Приангарья / Иркутский фольклорный клуб. – Иркутск, 1992.
297. Наговицын А. Е. Символика и образ народной игрушки [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.paganism.ru/folk-toy.htm> (дата обращения 02.11.2013).
298. Назарова Л.Д. Фольклорная арт-терапия. – СПб: Речь, 2002. – 239 с.
299. Народное искусство в воспитании детей / Под ред. Т.С. Комаровой. – М.: Пед. общество России, 2000. – 248 с.
300. Народная культура в современных условиях / Отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М.: Мин-во культуры РФ. Рос. ин-т культурологии, 2000. – 219 с.
301. Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов / Ред.-сост. А.М. Мехнецов. Т. 2. – СПб., 2002. – 845 с.
302. Народное музыкальное творчество / Отв. ред. О.А. Пашина. – СПб.: Композитор, 2005. – 568 с.
303. Народные обряды / Сост. Т.П. Латышева. – Смоленск, 1995. – 48 с.
304. Народные песни, игры, загадки / Сост. Н.Н. Григорьева. – Смоленск, 1996 – 62 с.
305. Народный праздничный календарь в песнях, сказках, играх, обрядах: в 2 ч. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Рифмэ, 1999. Ч. 1 – Зима, весна. – 172 с. Ч. 2 – Лето, осень. – 127 с.
306. Науменко Г.М. Гори, солнце, ярче! Репертуарно-методический сборник. – М.: ВЦХТ, 1999. – 176 с.
307. Науменко Г.М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I. – М.: Композитор, 1999. – 552 с.: ил.
308. Науменко Г.М. Русские народные детские игры с напевами. Сборник фолькл. материалов. – М.: Либерия, 2003. – 544 с.

309. Науменко Г.М., Якунина Г.Т. Солнышко-ведрышко. Детский музыкальный фольклор Архангельской области. – Архангельск: Белая горница, 1994. – 144 с.
310. Науменко Г.М. Фольклорная азбука. Методика обучения детей народному пению. – М.: Современная музыка, 2013. – 138 с.: ил., нот.
311. Невская Л.Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре / Балто-славянские исследования. – М., 1981. – 344 с. С. 106-121.
312. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края // Записки Западно-Сибирского отделения Русского Географического Общества. – Т. 30. – Омск. –1903. – с. 27-230.
313. Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина. – 1995. – № 1. – с. 2-4.
314. Неклюдов С.Ю. Семантика фольклорного текста и «знание традиции» // Славянская традиционная культура и современный мир / Сост. В.Е. Добровольская, Н.В. Котельникова. Вып. 8. – М.: ГЦРФ, 2005. С. 22-41.
315. Неклюдов С.Ю. Фольклор современного города // Современный городской фольклор. / Ред. кол. А.Ф. Белоусов, И.С. Веселова, С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – 732 с. С. 5-24.
316. Неклюдов С.Ю. Фольклор: типологический и коммуникативный аспекты // Традиционная культура. – 2002. – № 3. – с. 3-7.
317. Некрылова А.Ф., Головин В.В. Роль отца в традиционной народной педагогике // Мир детства и традиционная культура: Сб. науч. трудов и материалов / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: ГРЦРФ, 1995. – 192 с. С. 7-26.
318. Новицкая М.Ю. Взаимодействие традиционного фольклора взрослых и детей // Русский фольклор. Проблемы текстологии фольклора / АН СССР, ИРЛИ. / Отв. ред. Т.Г. Иванова Вып. XXVI. – Л.: Наука, 1991. – 280 с. С. 115-121.
319. Новицкая М.Ю. Русский детский внеигровой фольклор (стихотворные жанры): дис. канд. филолог. наук. – М., 1984. – 247 с.

320. Образ мира в зеркале языка / Концептуальный и лингвальный миры. Вып. 1. – М.: Флинта, 2014. – 568 с.
321. Образный мир традиционной культуры. Сб. статей. / Сост. М.Д. Алексеевский, В.Е. Добровольская, А.Б. Ипполитова. – М.: Республиканский центр русского фольклора, 2010. – 352 с.
322. Орлова Э.А. Культурная (социальная) антропология. – М.: Академический проект, 2004. – 480 с.
323. Орлова Э.А. Социокультурное пространство обыденной жизни: Метод. пособие по курсу «Культурная антропология». – М., 2002. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.countries.ru/library/antropology/cultantro/orlova/index.htm> (дата обращения 18.11.2014).
324. Осорина М.В. О некоторых традиционных формах коммуникативного поведения детей // Этнические стереотипы поведения. / Под ред. А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – 326 с. С. 47-64.
325. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. 4-е изд. – СПб.: Питер, 2008. – 304 с.
326. Осорина М.В. Черная простыня летит по городу или Зачем дети рассказывают страшные истории / Популярная психология: хрестоматия / Сост. В.В. Мироненко. – М.: Просвещение, 1990. – 399 с. С. 280-289.
327. Пальгов С.Ю. Шла кукушка по мосту: колыбельные песни и прибаутки Волгоградской области. – Волгоград, 2000. – 62 с.
328. Память детства. Западноевропейские воспоминания о детстве от поздней античности до раннего Нового времени (III—XVI вв.). – М.: Изд-во УРАО, 2001. – 164 с.
329. Панов В.И. Экопсихология: сознание, развитие, детство // Российский государственный научный фонд. – 1997. – № 3. – с. 227-234.
330. Панченко А.А. Отношение к детям в русской традиционной культуре // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 31-38.

331. Петрова И.А., Кибасова Г.П., Жура В.В. Этногенез и социогенез: проблемы взаимодействия // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии. – 2012. – № 2 (17). – с. 11-16.
332. Петров В.М., Гришина Г.Н., Короткова Л.Ю. Весенние праздники, игры и забавы для детей. – М.: Сфера, 1998. – 144 с.
333. Петров В.М., Гришина Г.Н., Короткова Л.Ю. Летние праздники, игры и забавы для детей. – М.: Сфера, 1998. – 128 с.
334. Петров В.М., Гришина Г.Н., Короткова Л.Ю. Осенние праздники, игры и забавы для детей. – М.: Сфера, 1999. – 128 с.
335. Петров В.М., Гришина Г.Н., Короткова Л.Ю. Зимние праздники, игры и забавы для детей. – М.: Сфера, 1999. – 128 с.
336. Пиаже Ж. Избранные психологические труды: Пер. с англ. и фр. / Вступ. статья В.А. Лекторского, В.Н. Садовского, Э.Г. Юдина и др. – М.: Международная педагогическая академия, 1994. – 680 с.
337. Пиаже Ж. Психология интеллекта / Избр. психол. труды. – М.: Просвещение, 1969. – 659 с. С. 55-231.
338. Пиаже Ж. Речь и мышление ребенка / Сост., ком., ред. перевода Вал. А. Лукова, Вл. А. Лукова. – М.: Педагогика-Пресс, 1994. – 528 с.
339. Пиаже Ж. Суждения и рассуждения ребенка. – СПб.: Союз, 1997. – 283 с.
340. Плеханов Г.В. Письма без адреса. Искусство и общественная жизнь. – М.: Гослитиздат, 1956. – 248 с.
341. Подчередниченко Н.А. Отражение картины мира ребенка в детском музыкальном фольклоре: автореф. дис. канд. культурологии. – Архангельск, 2014. – 22 с.
342. Подчередниченко Н.А. Функции детской музыки в культуре детства // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2013. – № 9 (137) – с. 161-166.
343. Подчередниченко Н.А. Этнокультурные смыслы детских музыкальных традиций (на примере колыбельных) // Вестник Северного (Арктического)

- федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2013. – № 4 – с. 105-108.
344. Познанский Н. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. – М.: Индрик, 1995. – 352 с.
345. Покровский Е.А. Детские игры и гимнастика в отношении воспитания и здоровья молодежи: Докл., читанный в IV секции (школьной) Русского общества охраны народного здоровья в СПб. 11 сент. 1893. – СПб., 1893. – 40 с.
346. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские (в связи с историей, педагогикой, гигиеной). – М., 1887. – 368 с.
347. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские / Репринт. воспроизв. издания второго, испр. и доп. 1895 г. – СПб.: Историческое наследие, 1994. – 388 с.
348. Покровский Е.А. Значение детских игр в отношении воспитания и здоровья. – М., 1884. – 24 с.
349. Покровский Е.А. Первая пища русского ребенка. – М., 1880. – 8 с.
350. Покровский Е.А. Первоначальное физическое воспитание детей. Популярное руководство для матерей. – М., 1888. – 263 с.
351. Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. – М., 1884. – 380 с.
352. Покровский Е.А. О первых приемах воспитания у разных народов // Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Московском университете. – 1879 г. – т. 35. – вып. 1-3. – с. 133-136.
353. Поляков В.Л. На память детям: Игры, хороводы, гимны на 1, 2 и 3 голоса а сарелла: Пособие для семьи, школ и детских садов при устройстве подвижных игр и детских праздников / Собрал В. Поляков. – М.: Юргенсон, б.г. – 46 с.

354. Померанцева Э.В. Детский фольклор // Русское народное творчество / Сост. В.Г. Богатырев и др. – М.: Высшая школа, 1966. – 357 с. С. 292-302.
355. Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 194 с.
356. Попкова Т.Д. Современная детская и юношеская субкультура в России. [Электронный ресурс]. – URL: <http://childcult.rsu.ru/article.html?id=60131> (дата обращения 22.06.2014).
357. Попкова Т.Д. Философско-антропологические аспекты детства // Антропологические основания теоретического мышления: материалы научной конференции (г. Екатеринбург, 16-17 ноября 2004 г.) / – Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005. – с. 223-225.
358. Попов В.А. Следы исторической мысли в жеребьях детских игр // Вологодские губ. ведомости. – 1860. – 3 дек. – № 49.
359. Попова А.М. Детские игры и забавы в сибирской деревне (село Распутино, Яндинской волости, Балаганского уезда, Иркутской губернии) // Сибирская живая старина : этнографический сборник / Вост.-Сиб. отд. Рус. геогр. о-ва. – Иркутск, 1923. – Вып. 1. – с. 106-120.
360. Попович М.В. Мироззрение древних славян. – Киев: Наукова думка, 1985. – 170 с.
361. Постман Н. ТВ формирует новый тип личности – взрослого ребенка. [Электронный ресурс]. – URL: http://media-ecology.blogspot.ru/2011/02/blog-post_17.html (дата обращения 21.08.2014).
362. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре. – М.: Лабиринт, 2000. – 480 с.
363. Потепалов Д.В. Виктимологические проблемы детства в Древней Руси и допетровской России (X-XII вв.) // Педагогическое образование. – 2007. – № 1. – с. 110-116.
364. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. 3-е изд. – СПб.: Литера, 1996. – 428 с.

365. Пропп В.Я. Морфология сказки. 2-е изд. / Послесловие Е.М. Метелинского. – М.: Наука, 1969. – 122 с.
366. Пропп В.Я. Поэтика фольклора. Собр. трудов. / Сост., предисл. и коммент. А.Н. Мартыновой. – М.: Лабиринт, 1998. – 352 с.
367. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования. – М.: Лабиринт, 2000. – 192 с.
368. Пропп В.Я. Фольклор и действительность: избранные статьи / Сост., ред., предисл. и прим. Б.Н. Путилова. – М.: Наука, 1976. – 328 с.
369. Психология развития / Под ред. Т.Д. Марцинковской. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИЦ «Академия», 2005. – 528 с.
370. Психология. Словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.
371. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. – СПб.: Наука, 1994. – 239 с.
372. Пушкина С.И. Русские народные песни Московской области. Вып. 2. – М.: Сов. композитор, 1988. – 336 с.
373. Раз, два, три, четыре, пять, мы идем с тобой играть: русский детский игровой фольклор / Сост. М.Ю. Новицкая, Г.М. Науменко – М.: Просвещение, 1995. – 224 с.
374. Редькова Е.С. Жанрово-стилевые особенности детского музыкального фольклора: по материалам экспедиций в Псковскую область: автореф. дис. канд. искусствоведения. – СПб., 2009. – 25 с.
375. Репринцева Е.А. Игровая культура в системе средств воспитания гражданственности школьников: реалии эпохи и традиции русского этноса // Ученые заметки ТОГУ. – 2016. – т. 7. – № 4 (2). – с. 212-224.
376. Репринцева Е. А. Педагогика игры: теория, история, практика. – Курск: Изд-во Курского гос. ун-та, 2005. – 421 с.: ил.
377. Римский-Корсаков Н.А. Сборник русских народных песен: Ч. 1. №№ 1-40: Ор. 24. – СПб.: В. Бессель и Ко, 1876. – 82 с.
378. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2001. – 318 с.

379. Розанов В.В. Религия. Философия. Культура. – М.: Республика, 1992. – 399 с.
380. Романова А.Л., Смирнова Е.О. Смешное и страшное в современной детской субкультуре // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 2. – с. 81-87.
381. Российская педагогическая энциклопедия. В 2 т. / Ред. В.В. Давыдов и др. – М: Большая Российская энциклопедия, 1999. – 1354 с.
382. Российский этнографический музей: Дети и народная педагогика. Русские. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ethnomuseum.ru/deti-narodnaya-pedagogika-russkie> (дата обращения 11.06.2014).
383. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. – СПб.: Питер, 2001. – 720 с.
384. Русские. – М.: Наука, 1997. – 828 с.
385. Русские народные песни, собранные П.В. Шейном / Издание общества истории и древностей российских. Ч. 1. – М.: тип. ун-та, 1870. – 568 с.
386. Русский детский песенник: Собрание песен с нар. напевами / Сост. А. Фаминцын. Ч. 1-2. – Лейпциг: тип. Бера и Германна, 1875. – 66 с.
387. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия: Собр. М. Забылиным. Репринт. воспроизвед. – Рига: Корд, 1991. – 608 с.
388. Русский детский фольклор Карелии / Сост., подгот. текстов, вступ. статья, предисл. к разделам и ком. С.М. Лойтер. – Петрозаводск: Карелия, 1991. – 208 с.
389. Русский фольклор. Материалы и исследования. Т. 11: Исторические связи в славянском фольклоре / Редкол.: А.М. Астахова и др. – М.-Л.: Наука, 1968. – 382 с.
390. Русский школьный фольклор: от «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф. Белоусов. – М.: Ладомир, ООО «Издательство АСТ-ЛТД», 1998. – 744 с.
391. Русское устное народное творчество / Сост. Н.И. Кравцов, С. Г. Лазутин. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Высшая школа, 1983. – 448 с.

392. Русское народное поэтическое творчество / Сост. М.А. Вавилова, В.А.Василенко, В.И. Игнатов и др.; Под ред. А.М. Новиковой. 2-е изд. – М.: Высшая школа, 1978. – 440 с.
393. Руссо Ж.-Ж. Эмиль или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2 т. / Под ред. Г.Н. Джибладзе. Т. 1. – М.: Педагогика, 1981. – 385 с.
394. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. – 2-е изд. – М.: Академический проект, 2014. – 806 с.
395. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. – М.: Русское слово, 1997. – 824 с.: ил.
396. Рыбакова Л.В. Мифологические и обрядовые связи русских народных необрядовых песен: автореф. дис. канд. истор. наук. – Л., 1984. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.dissercat.com/content/mifologicheskie-i-obryadovye-svyazi-russkikh-narodnykh-neobryadovykh-pesen-pesni-o-molodush-0> (дата обращения 08.07.2015).
397. Рыбинский Е.М. Детство как социальный феномен. – М.: Дом, 1998. – 108 с.
398. Рыблова М.А., Назарова М.П. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 3 (27). – с. 81-91.
399. Рыблова М.А. «Территория детства» в пространстве Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской битвы) // Вестник ВолГУ. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 4 (28). – с. 37-50.
400. Савицкая В.В. Феномен культуры детства в XX веке: дис. канд. культурологии. – Нижневартовск, 2003. – 154 с.
401. Сальникова А.А. Российское детство в XX в.: история, теория и практика исследования. – Казань: КГУ им.В.И. Ленина, 2007. – 256 с.
402. Самоделова Е.А. Школьный фольклор в Интернете // Интернет и фольклор: сб. ст. / Сост. А.С.Каргин. – М.: ГРЦРФ, 2009. – 320 с. С. 180-193.

403. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: лекции по историографии и культурной истории детства. – М.: Академ. проект, 2004. – 496 с.
404. Сахаров И.П. Песни русского народа: Ч. 1-5. – СПб.: тип. Сахарова, 1839. – 494 с.
405. Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым в 2 т.: 3 изд. – СПб.: тип. Сахарова, 1841-1849. Т. 1. – 1841. – 602 с., Т. 2. – 1849. – 679 с.
406. Северная О.А. Этнология детства: младенческий, ранний и дошкольный возраст: российские этносы: аннотированный библиографический указатель. – М.: Институт национальных проблем образования, 1993. – 96 с.
407. Седова Н.Н. Человек этнический. – Волгоград: Комитет по печати, 1994. – 87 с.
408. Семья в народных традициях: Сб. материалов о традициях русской семьи. – В. Новгород: ГБУК «НОДНТ», 2012. – 104 с.
409. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Под ред. Н.И. Толстого. Т. 2. – М., 1999. – 687 с.
410. Слестёнова И.В. Селезень утицу догонял: Игровой фольклор Волгоградской области. Вып. I / ВГИИК, ВГПУ. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2006. – 138 с.
411. Слободчиков В.И. Категория возраста в психологии и педагогике развития // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – с. 37-49.
412. Словарь по социальной педагогике / Авт.-сост. Л.В. Мардахаев. – М.: Академия, 2002. – 368 с.
413. Смирнова Н.А. Традиционная игра как культурно-психологический феномен: дис. канд. психолог. наук. – М., 2000. – 123 с.
414. Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – 731 с.
415. Соколов Ю.М. Русский фольклор. – М.: Гос. учеб. педагог. изд., 1941. – 557 с.

416. Соловьева Ю.В., Талызина Н.Ф. Особенности интеллекта детей, живущих в разных социокультурных условиях // Мир психологии. – 2002. – № 1 (29). – с. 73-83.
417. Спенсер Г. Воспитание: умственное, нравственное и физическое / Пер. с англ. М.А. Лазаревой. – М.: Изд-во УРАО, 2003. – 287 с.
418. Спенсер Г. Основания психологии: в 4 т.: с прилож. ст. «Сравнительная психология человека» Г. Спенсера / перевод со 2-го англ. изд. – СПб.: И.И. Билибин, 1876.
419. Спицына Е.И. Меж высоких хлебов: сб. фолькл.-этнограф. мат. Вып. II. – Саратов: Софит, 2006. – 120 с.
420. Спицына Е.И. Народная педагогика игры: уч. пособие. Вып. II. – Саратов: ГОУ ДПО «Саратовский областной учебно-методический центр», 2010. – 111 с.
421. Стернин И.А. Лексическая лакунарность и национальная специфика мышления. [Электронный ресурс]. – URL: http://old.kpfu.ru/science/news/lingv_97/n31.htm (дата обращения 03.06.2016).
422. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. – Екатеринбург: Академический проект; ИП РАН; Деловая книга, 2000. – 320 с.
423. Стравинский И.Ф. Диалоги. – Л., 1971. – 416 с.
424. Стрелкова О.В. Детская субкультура как компонент социального развития старших дошкольников // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2013. – № 5. – с. 91-99.
425. Субботский Е. В. Детство в условиях разных культур // Вопросы психологии. – 1979. – № 6. – с. 142-152.
426. Суворкина Е.Н. Морфология субкультуры детства: автореф. дис. канд. культурологии. – СПб., 2014. – 30 с.
427. Суханов И.В. Обычаи, традиции, преемственность поколений. – М.: Изд-во политической лит-ры, 1976. – 216 с.
428. Сценарии народных праздников / Сост. С.И.Пушкина. – М.: Родник, 1999. – 156 с.

429. Тагильцева Н. Искусство в развитии самосознания детей // Искусство и образование. – 2002. – №1 (19). – с. 26-33.
430. Теория и история игры. / Отв. ред. В.М. Григорьев, С.В. Григорьев. – М.: ОДИ-International. Вып. 1. – 1995. – 107 с.; вып. 2 – 2002. – 144 с.
431. Теория культуры / Под ред. С.Н. Иконниковой, В.П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.: ил.
432. Теплова А.Б. Педагогический потенциал материнского фольклора и традиционной игрушки для становления картины мира современного ребенка: автореф. дис. канд. педагог. наук. – М., 2013. – 23 с.
433. Терещенко А.В. Быт русского народа / Соч. А. Терещенко. – СПб: тип. военно-учебных заведений, 1848. – в 7 т.
434. Тиханов П. Н. Брянский говор. Заметки из области русской этнологии. – СПб.: тип. Имп. АН, 1903. – 263 с. // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. – т. 76. – № 4.
435. Топоров В.Н. Имена // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – М., 2000. Т. 1. с. 508-510.
436. Топоров В.Н. К интерпретации некоторых мотивов русских детских игр в свете «основного» мифа (прятки, жмурки, горелки, салки-пятнашки) // *Studia myphologica Slavica. Ljubljana.* – 2002. – № 5. – с. 71-112.
437. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического: избранное. – М., 1995. – 138 с.
438. Топоров В.Н. О некоторых детских играх как трансформации мотивов «основного» мифа (прятки – салки – пятнашки и др.) // *Folia Slavistica* / Отв. ред. А.Ф. Журавлев. – М., 2000. – 158 с. С. 121-143.
439. Топоров В.Н. О структуре некоторых архаических текстов, соотносимых с концепцией мирового дерева // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та, вып. 284. Труды по знаковым системам, кн. V. – Тарту, 1971. С. 9-62.

440. Традиционная культура и мир детства: Материалы междунар. науч. конф. «XI Виноградовские чтения» / Ред-кол. М.П.Чередникова и др. – Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1998. – 99 с.
441. Традиционные народные праздники в образовательных учреждениях: Метод. пособие / Под общ. ред. Е.И. Якубовской. – СПб.: СПбАПО, 2005. – 288 с.
442. Традиция // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с. С. 253.
443. Триль Ю.Н. Ритуал в традиционной культуре // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – № 61. – с. 263-268.
444. Трыкова О.Ю. Детский фольклор: страшилки, анекдоты, «садистские стишки». – Ярославль: Лия, 1998. – 144 с.
445. Трыкова О.Ю., Рублев К.А. Художественная литература и «страшный» детский фольклор // Проблемы детской литературы: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Е.М. Неелов. – Петрозаводск: Петрозавод. гос. ун-т, 1992. – 140 с. С. 34-48.
446. Ушинский К.Д. Родное слово: Год первый. – СПб.: тип. Рогальского и К°, 1864. – 111 с.
447. Ушинский К.Д. Родное слово: Год второй. – СПб.: тип. Гл. арт. упр., 1864. – 156 с.
448. Ушинский К.Д. Детский мир. Ч. 1-2. – СПб.: Тип. В.А. Рогальского и К°, 1864. – 562 с.
449. Фабри К.Э. Игры животных и игры детей (сравнительно-психологические аспекты) // Вопросы психологии. – 1982. – № 3. – с. 26-34.
450. Фельдштейн Д.И. Социальное развитие в пространстве-времени детства. – Москва: Московский психолого-социальный институт; Флинта, 1997. – 160 с.
451. Фельдштейн Д.И. Феномен Детства и его место в развитии современного общества // Мир психологии. – 2002. – № 1 (29). – с. 9-20.
452. Филиппова Г.Г. Психология материнства. – М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 240 с.

453. Финк Э. Основные феномены человеческого бытия // Проблема человека в западной философии. / Сост. и послесл. П.С. Гуревича; Общ. ред. Ю.Н. Попова. – М.: Прогресс, 1988. – 552 с. С. 357-402.
454. Флиер А.Я. Культура как «фабрика» по производству смыслов: историческая динамика // Культура культуры. – 2014. – Вып 3. [Электронный журнал]. – URL: <http://cult-cult.ru/kulitura-kak-fabrika-po-proizvodstvu-smyslov-istoricheskaya-dinamika/> (дата обращения 12.07.2014).
455. Харузина В.Н. Об участии детей в религиозно-обрядовой жизни. – М. : Унив. тип., 1911. – 78 с. Отг. из: Этнографическое обозрение, Кн. 88-89.
456. Харузина В.Н. Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет. / Вступ. ст., сост., подгот. текста и коммент. М.М. Керимовой и О.Б. Наумовой. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 557 с.
457. Хафизова Л.Р. Баю-баюшки, не ложись на краюшке... О смертных «байках» // Русская речь. – 2000. – № 6. – с. 90-95.
458. Хафизова Л.Р. Персонажи колыбельных Русского Севера // Живая старина. –1999. – № 1. – с. 19.
459. Хейзинга Й. Homo ludens. – М.: Прогресс, 1992. – 464 с.
460. Хренов Н.А. Традиционная культура и игровой универсум земледельца // Славянская культура и современный мир: Сб. материалов науч.-практ. конференции. / Сост. В.Е. Добровольская. Вып. 1. – М.: ГРЦРФ, 1997. – 168 с. С. 123-139.
461. Хьелл Л., Зиглер Д. Теории личности: Пер. с англ. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 608 с.
462. Цивьян Т.В. Дом в фольклорной модели мира / Труды по знаковым системам. Вып. 10. – Тарту, 1978. – 145 с. С. 65-85.
463. Чередникова М.П. «Голос детства» из дальней дали (игра, магия, миф в детской культуре) / Сост., науч. ред., примеч., библиогр. указ. В.Ф. Шевченко. – М.: Лабиринт, 2002. – 224 с.

464. Чередникова М.П. Современная русская детская мифология в контексте фактов традиционной культуры и детской психологии. – Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1995. – 256 с.
465. Черкасская Е.А. Песни колыбельные и детские прибаутки. – 2-е изд. – Страсбург: тип. Зильбермана, 1870. – 39 л., 8 с. нот.: ил.
466. Чернявская Ю.В. Народная культура и национальные традиции. – Минск, 1998. – 39 с.
467. Чистов К. В. Народные традиции и фольклор: очерки теории. – Ленинград: Наука, 1986. – 304 с.
468. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. – М.: ОГИ, 2005. – 272 с.
469. Чистяков В.В. Современное Детство как антрополого-методологическая проблема // Мир психологии. – 2002. – № 1 (29). – с. 20-30.
470. Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря 16–19 вв. – М., 1957. – 236 с.
471. Чубрик Е.О. Русский детский фольклор как средство ранней инкультурации: автореф. дис. канд. культурологии. – Владивосток, 2007. – 28 с.
472. Чуковский К.И. От двух до пяти: Книга для родителей. – М: Педагогика, 1990. – 384 с.
473. Шангина И.И. Русские дети и их игры. – СПб.: Искусство-СПБ, 2000. – 296 с.
474. Шевелева Л.А. Детский фольклор старожильческих сел Прибайкалья: традиция бытования: XX – начало XXI в.: дис. канд. филолог. наук. – Улан-Удэ, 2008. – 163 с.
475. Шейн П.В. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т.п. – СПб.: тип. Император. академии наук. Вып. I. – 1898. Вып. II. – 1900.

476. Шестакова Н.Л. Жанр сказки в современном детском фольклоре: На материале Омско-Иртышского региона: дис. канд. филолог. наук. – Омск, 2004. – 276 с.
477. Шилкин В.А. Детские игры в Волгоградской области // Живая старина. – 2015. – № 2 (86). – с. 8-10.
478. Ширяева Н.С. Этнопедагогические технологии изучения жанра традиционных игр на уроках народного творчества // Человек и образование. – 2012. – № 1. – с. 62-65.
479. Школьный быт и фольклор: Учеб. материал по русск. фольклору. / Сост. А.Ф. Белоусов. В 2-х ч. – Таллинн: Таллин. пед. ин-т, 1992. ч. 1. – 223 с.; ч. 2. – 160 с.
480. Щепанская Т.Б. Миф материнства и техники управления // Астарта. Вып 2. Женщина в структурах власти архаических и традиционных обществ: Сб. ст. / Под ред. М.Ф. Альбедиль, А.В. Цыба. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. – 294 с. С. 126-158.
481. Щепанская Т.Б. Пронимальная символика // Женщина и вещественный мир культуры у народов России и Европы: Сб. МАЭ. Вып. 47. – СПб: Петербургское востоковедение, 1999. – 250 с.: ил. С. 149-190.
482. Щепанская Т.Б. Символика молодежной субкультуры: Опыт этнографического исследования системы. – СПб: Наука, 1993. – 340 с.
483. Щепанская Т.Б. Традиции городских субкультур // Современный городской фольклор / Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: РГГУ, 2003. – 731 с. С. 27-33.
484. Щуров В.М. Жанры музыкального фольклора: в 2-х ч. Т.2. – М.: Музыка, 2007. – 656 с.: нот.
485. Щуров В.М. Песня, традиция, память. – М., 1987. – 58 с.
486. Эйбл-Эйбесфельд И. Поведение детей: культуры народов ко-сан, яномами, химба и эйпо // Культуры. – 1982. – № 4. – с. 5-29.
487. Эльконин Б.Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. – 1992. – № 3. – с. 7-13.

488. Эльконин Д.Б. Избранные психологические труды. – М.: Педагогика, 1989. – 560 с: ил.
489. Эльконин Д.Б. Послесловие [Текст] / Выготский Л.С. Собр. соч. В 6 т. / Под ред. Д.Б. Элькониной. Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – 432 с.
490. Эльконин Д.Б. Психология игры. 2-е изд. – М.: ВЛАДОС, 1999. – 360 с.
491. Эриксон Э. Детство и общество. – СПб.: Летний Сад, 2000. – 415 с.
492. Этнические стереотипы поведения: Сб. статей / Под ред. А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – 326 с.
493. Этнографическое изучение знаковых средств культуры. – Л.: Наука, 1989. – 270 с.
494. Этнография детства: Сб. фолькл. и этнограф. мат. / Сост. Г.М. Науменко. – М.: Беловодье, 1998. – 390 с.: ил., нот.
495. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Южной и Юго-Восточной Азии / Отв. ред.: И.С. Кон, А.М. Решетов. – М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1988. – 191 с.: ил.
496. Этнознаковые функции культуры: Сб. статей / Под ред. Ю.В. Бромлея. – М.: Наука, 1991. – 223 с.
497. Этнопедагогика. Теория и практика: Материалы XII Чтений, посвящ. памяти Г.С. Виноградова. Автор. образоват. программы по фольклору / Сост. С.Г. Айвазян. – М.: Институт наследия, 2003. – 224 с.
498. Этнопсихологический словарь / Под ред. В.Г. Крысько. – М.: Москов. псих.-соц. ин-т, 1999. – 343 с.
499. Юдин А.В. Русская народная духовная культура. – М.: Высшая школа, 1999. – 331 с.
500. Юнг К.-Г. Архетип и символ / Сост. и вст. ст. А.М. Руткевича. – М.: Renaissance, 1991. – 299 с.
501. Юнг К.-Г. Конфликты детской души. – М.: Канон. Реабилитация, 1994. – 253 с.
502. Ярин А. Нейл Постман. Исчезновение детства // Отечественные записки. – 2004. – № 3. – с. 17-30.

503. Beales R. W. In search of the historical child: miniature adulthood and youth in Colonial New England // *American Quarterly*. – 1963. – No 27. – p. 379-398.
504. Brannigan Ch. R., Humphres D. A. Human non-verbal behavior, a mean of communication // *Ethological studies of child behaviour* (Cambridge: University Press). – 1972. – p. 37-64.
505. Dresser N. Telephone Pranks // *New York Folklore Quarterly*. – 1973. – No 29. – p. 121-130.
506. Goodman M. *The Culture of Childhood: Child's-Eye Views of Society and Culture*. – N.Y., 1970. – 167p.
507. Harris T. Telephone Pranks: A Thriving Pastime // *Journal of Popular Culture*. – 1978. – No 12. – p. 138-145.
508. Herskovits M.J. *Les bases de l'anthropologie culturelle*. – Paris, 1967. – 331 p.
509. Jorgensen M. A Social-Interactional Analysis of Phone Pranks // *Western Folklore*. – 1985. – No 43. – p. 104-116.
510. Katz J.E. *Connections: Social and cultural studies of the telephone in American life*. – N.J., 1999. – p. 337-338.
511. Kelly K. *Children's world: growing up in Russia, 1890-1991*. – New Haven and London, 2007.
512. Kroeber A.L. *Anthropology. Race. Language. Culture. Psychology. Prehistory*. – N.Y., 1948.
513. Munroe R.H., Munroe R.L., Shimmin H.S *Children's Work in Four Cultures: Determinants and Consequences* // *American Anthropologist, New Series*. – Vol. 86 – No 2 (Jun., 1984). – p. 369-379.
514. Opie Iona and Peter. *The Lore and Language of Schoolchildren*. – Oxford University Press, 1959.
515. Opie Iona and Peter. *Children's Games with Things*. – Oxford University Press, 1997.
516. Postman N. *The Disappearance of Childhood*. – N.Y.: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1994.

517. Roberts M.J., Sutton-Smith B. Childtraining and Game Involvement // *Ethnology*. – 1962. – No 1. – p. 166-185.
518. Rohner R.P., Rohner E.K. Parental asseptance-rejection and parental control: Cross-cultural codes // *Ethnology*. – 1981. – Vol. 20. – No 3. – p. 245-260.
519. Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800*. – N.Y., 1979.
520. Whiting B.B., Whiting J.W. *Children of Six Cultures*. – Cambridge (Mass.), 1975.
521. Whiting B.B., Whiting J.W. *A strategy for Psychocultural Research // The Making of Psychological Anthropology*. – N.Y., 1979.
522. Whiting B.B., Whiting J.W. *Children of Six Cultures*. – Cambridge (Mass.), 1975.

Список основных информантов по теме исследования

Баранова Ирина Даниловна 1913 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1996 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Бирюкова Афанасия Яковлевна без г.р. – ФЭЭ в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии., 1920 г. (НА СОМК, оп.1, ед.хр.11).

Борисова Настя 2005 г.р. – ФЭЭ в г. Пенза, 2015 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Бочкарева Клавдия Терентьевна 1928 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1995 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Войнова Полина 2003 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Грачунова Лена 1986 г.р. – ФЭЭ в г. Каменка Пензенской обл., 1999 г. Рук. Полшкова В.В. (АЛФ ПКИ, ф. 2001).

Григорьева Катя 1985 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 1997 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Данилова Анна Семеновна 1917 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1995 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Дерябина М.В. 1924 г.р. – ФЭЭ в с. Головинцино Каменского района Пензенской области. Рук. Полшкова В.В. (АЛФ ПКИ, ф. 2001).

Григорьева Катя 1985 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 1997 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Живайкин Алексей Николаевич 1977 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 2012 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Живайкина Ксюша 2002 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 2013 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Живайкин Николай Иванович 1944 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 2012 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Жулева Мария Павловна 1915 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1992 г. Рук. Спицына Е.И. (АЛФ ПКИ, ф. 1993).

Кармишина Анна Тимофеевна 1926 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1991 г. Рук. Спицына Е.И. (АЛФ ПКИ, ф. 1993).

Кондратьева Лера 2004 г.р. – ФЭЭ в г. Пенза, 2015 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Манышева Мария Ивановна 1943 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1996 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Парфенов Яков Григорьевич без г.р. – ФЭЭ в с. Елшанка Хвалынского уезда Саратовской губернии, 1920 г. (НА СОМК, оп.1, ед.хр.15).

Полубоярова Анастасия Никаноровна 1912 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1994 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Рыбакова Варвара Сергеевна 1922 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1991 г. Рук. Спицына Е.И. (АЛФ ПКИ, ф. 1993).

Сидоров К. без г.р. – ФЭЭ в д. Расловка Саратовского уезда Саратовской губернии, 1928 г. (НА СОМК, оп.1, ед. хр. 93).

Скудаев В. без г.р. – ФЭЭ в с. Базарный Карабулак Саратовской губернии, 1920 г. (НА СОМК, оп.1, ед.хр.24).

Смоляков Паша 2001 г.р. – ФЭЭ в п. Светлый Татищевского района Саратовской области, 2011 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Спицына Марина Николаевна 1959 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1994 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Спицына Мария Андреевна 1926 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 2008 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Стрельникова Прасковья Васильевна 1915 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской обл., 1992 г. Рук. Спицына Е.И. (АЛФ ПКИ, ф. 1993); ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1997 г. Рук. Спицына Е.И. (АКНПиЭ СГК, ф. 1998).

Суркова Света 1991 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 2008 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Ульянова Катя 1987 г.р. – ФЭЭ в г. Саратов, 2003 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Федосова Татьяна Геннадьевна 1969 г.р. – ФЭЭ в х. Большой Михайловского р-на Волгоградской обл., 1998 г. Рук. Семко Г.А. (ФА ВК, ф. 2001).

Чернобай Кирилл 2007 г.р. – ФЭЭ в г. Электрогорск Московской области, 2014 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Чернонемкина Лена 1999 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 2011 г. Рук. Спицына Е.И. (ЛАА).

Ющичкина Анна Ксенофоновна 1912 г.р. – ФЭЭ в с. Малая Сердоба Пензенской области, 1992 г. Рук. Спицына Е.И. (АЛФ ПКИ, ф. 1993).

АНКЕТА (для школьников)

Здравствуйте! Мы проводим социологический опрос на тему «Традиции народной культуры в нашей жизни» и будем крайне признательны, если Вы уделите немного своего времени и ответите на наши вопросы.

Ваше имя _____

Ваш пол: мужской женский

Ваш возраст _____ лет.

Вы являетесь учащимся(ейся): общеобразовательной школы
 музыкальной школы
 школы искусств

Место Вашего постоянного проживания:

- Город федерального значения
- Город регионального значения
- Рабочий поселок
- Село
- Деревня
- Иное _____

Занимаетесь ли Вы в свободное от учёбы время:

- В кружке декоративно-прикладного творчества
- Спортивной секции
- Художественной студии
- Фольклорном ансамбле
- Хореографическом коллективе
- Иное _____

Вам нравится?

- Играть в подвижные игры
- Петь
- Рисовать
- Читать книги
- Мастерить поделки
- Смотреть телевизор
- Играть в компьютерные игры
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Хотели бы Вы больше узнать об истории и традициях своего народа?

- Да
 Нет
 Затрудняюсь ответить
 Иное _____

Знакомы ли Вам игры:

«Фанты» - 1	«Лапта» - 2	«Прятки» - 3	«Казачьи- разбойники» 4	«Жмурки» - 5
«Чепуха» - 6	«Я садовником родился» - 7	«Кондалы скованы» - 8	«Сорока-ворона кашку варила» - 9	«Ладушки» - 10

- Да: 1 2 3 4 5 6 7 8 9 10
 Нет
 Знакомы некоторые из перечисленных _____
 Никогда не слышал(а)
 Затрудняюсь ответить
 Иное _____

Знаете ли Вы при ответе «да» поставьте метку:

☐ считалки	☐ скороговорки	☐ дразнилки	☐ загадки	☐ жеребьевки
☐ народные песни	☐ сказки	☐ былины	☐ пословицы	☐ поговорки
☐ колыбельные	☐ обряд колядования (христославления)	☐ виды народных промыслов	☐ народные приметы	☐ обереги
☐ гадания	☐ суеверия	☐ страшилки	☐ хороводы	☐ как пользоваться Интернет

☐ народные игры	☐ историю своего края	☐ имена своих прабабушек и прадедушек	☐ народные средства лечения простудных заболеваний	☐ народные праздники
☐ обращения к дождю	☐ язычество	☐ весенние заклички	☐ время крещения Руси	☐ легенды

Ваша любимая считалка (укажите первые строки):

у меня нет любимой считалки

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Ваша любимая скороговорка (укажите первые строки):

Я не люблю скороговорки

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Самая обидная дразнилка:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите пример современной загадки:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Жеребьёвки (жеребьёвые сговоры) помогают распределить роли в игре, разделиться на команды. Приведите варианты подобных сговоров:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Ваши любимые народные песни:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите пример пословицы:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите пример поговорки:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Какие виды народных промыслов и ремёсел Вам известны:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Какие народные приметы Вам знакомы (приведите примеры):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Виды оберегов:

Нательный крест

Икона

Ладанка

Образок с ликом святого

Иголки и булавки

Звенящие ожерелья и подвески

Браслеты

Перстни

Когти и клыки диких животных

Узоры вышивки

Узоры резьбы по дереву (например, на наличниках)

Подкова

Куклы

Колокольчики

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Какие гадания Вы знаете (приведите примеры):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите примеры суеверий:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите пример самой страшной страшилки (сюжет или текст):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Какие хороводы или хороводные песни Вам известны:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Ваши любимые народные игры (названия):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Как звали Ваших прабабушек и прадедушек?

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Известные Вам народные праздники:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Как зазывают птиц:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Язычество – это:

Религия

Многобожие

Многоверие

Ересь

Рассказывали ли Вам в детстве сказки?

Да

Нет

Не помню

Иное _____

Ваши любимые сказки:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Рассказываете ли Вы (будете рассказывать) сказки детям?

Да

Нет

Буду читать сказки вслух

Мне некогда этим заниматься

Не считаю нужным

Иное _____

Вам знакомы колыбельные песни?

Да

Нет

Выучу при необходимости

Сочиню самостоятельно

Мне пела их мама / бабушка

Это ненужное знание

Я не люблю петь

Иное _____

Ваши любимые колыбельные песни (название, первая строка или сюжет):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Как Вы относитесь к народной культуре?

- Положительно
 Отрицательно
 Не имею представления об этом
 Народная культура – это пережиток прошлого
 Иное _____

Какие элементы и произведения, на Ваш взгляд, являются частью народной культуры?

☐ песни	☐ речёвки	☐ игры на свежем воздухе	☐ скороговорки	☐ свадьба	☐ Медовый Спас
☐ сказки	☐ лозунги	☐ спортивные соревнования	☐ считалки	☐ посиделки	☐ проводы на службу
☐ былины	☐ пословицы	☐ кулачные бои	☐ дразнилки	☐ Масленица	☐ Новый год
☐ мифы и легенды	☐ поговорки	☐ танцы	☐ колыбельные	☐ Пасха	☐ Крещение
☐ суеверия	☐ приметы	☐ хороводы	☐ шарады	☐ Семика	☐ гадания
☐ промыслы	☐ обереги	☐ кузнечное дело	☐ иконопись	☐ воспитание детей	☐ игрушки

Как Вы оцениваете уровень собственных знаний о народной культуре?

- Высокий
 Средний
 Низкий
 Я не нуждаюсь в подобных знаниях
 Затрудняюсь ответить
 Иное _____

Кто знает о народной культуре больше?

- Мои родители
- Старшее поколение
- Преподаватели
- Иное _____
- Затрудняюсь ответить

Нужно ли знать традиции старины?

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Какие возможности открывает для нас обращение к наследию народной культуры? Оно позволяет:

- Больше узнать об истории народа
- Понять, чем культура моего народа отличается от других
- Научиться распознавать особенности художественных промыслов и ремёсел
- Узнать, как рождаются сказки
- Выучить песни и игры, которые знали мои далёкие предки
- Лечить травами
- Понять законы красоты и гармонии
- Стать образованнее
- Выучить народные приметы и предсказывать погоду
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

В нашей современной жизни есть место народной культуре?

- Да
- Нет
- Сейчас время компьютерных технологий
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Будете ли вы передавать собственные знания о народной культуре своим детям?

- Да
 - Нет
 - Затрудняюсь ответить
 - Иное _____
-

Спасибо за участие в нашем опросе!

АНКЕТА (для взрослых респондентов)

Здравствуйте! Мы проводим анкетирование с целью выявления знания народных традиций и выработки эффективных механизмов сохранения культурного наследия наших предков. Пожалуйста, выберите наиболее близкие Вам варианты ответов или укажите собственный!

Ваше имя _____

Ваш пол: мужской женский

Ваш возраст _____ лет.

Ваше образование: начальное среднее среднее специальное
 незаконченное высшее высшее

Социальный статус: студент ССУЗ студент ВУЗ
 работающий безработный пенсионер

Место Вашего постоянного проживания:

- Город федерального значения
- Город регионального значения
- Рабочий поселок
- Село
- Деревня
- Иное _____

Большее значение в своей жизни Вы придаёте:

- Здоровью
- Карьере
- Духовному развитию
- Материальным благам
- Иное _____

Должен ли человек заниматься саморазвитием?

- Да
- Нет
- Думать о саморазвитии надо, но не это первостепенно в нашей жизни
- Затрудняюсь ответить

Считаете ли Вы себя представителем своего народа?

- Да
- Нет
- Не вижу разницы
- Затрудняюсь ответить

Хотели бы Вы больше узнать об истории и традициях своего народа?

- Да
 Нет
 Затрудняюсь ответить
 Иное _____

Как часто Вы поёте?

- Ежедневно
 Два-три раза в неделю
 В праздники
 Вообще не пою, нет ни времени, ни желания
 Занимаюсь в любительском коллективе
 Это – моя профессия
 Иное _____

Ваши любимые песни (название, первая строка или сюжет):

- Не помню
 Затрудняюсь ответить
 Иное _____

Знакомы ли Вам игры:

«Фанты» - 1	«Лапта» - 2	«Прятки» - 3	«Казачьи-разбойники» - 4	«Жмурки» - 5
«Чепуха» - 6	«Я садовником родился» - 7	«Кондалы скованы» - 8	«Сорока-ворона кашку варила» - 9	«Ладушки» - 10

- Да, играл(а) в детстве: 1 2 3 4 5 6 7 8
 9 10
- Нет
 Знакомы некоторые из перечисленных _____
 Никогда не слышал(а)
 В них играют мои дети
 Иное _____

Ваши любимые детские игры:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Знаете ли Вы:

считалки 1	скороговорки 2	дразнилки 3	загадки 4	жеребьёвки 5
---------------	-------------------	----------------	--------------	-----------------

Да, знаю с детства 1 2 3 4 5

Знал(а), но забыл(а) 1 2 3 4 5

Нет

Знакомы некоторые из перечисленных 1 2 3 4 5

Никогда не слышал(а)

Так играют мои дети, они знают 1 2 3 4 5

Иное _____

Ваша любимая считалка (укажите первые строки):

У меня нет любимой считалки

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Ваша любимая скороговорка (укажите первые строки):

Я не люблю скороговорки

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Самая обидная дразнилка:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Жеребьёвки (жеребьёвые сговоры) помогают распределить роли в игре, разделиться на команды. Приведите варианты подобных сговоров:

- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Рассказывали ли Вам в детстве сказки?

- Да
- Нет
- Не помню

Ваши любимые сказки:

- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Рассказываете ли Вы (будете рассказывать) сказки своим детям?

- Да
- Нет
- Буду читать сказки вслух
- Мне некогда этим заниматься
- Не считаю нужным
- Иное _____

Вам знакомы колыбельные песни?

- Да
- Нет
- Выучу при необходимости
- Сочиню самостоятельно
- Мне пела их мама / бабушка
- Это ненужное знание
- Иное _____

Ваши любимые колыбельные песни (название, первая строка или сюжет):

- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Как Вы относитесь к народной культуре?

- Положительно
- Отрицательно
- Не имею представления об этом
- Народная культура – это пережиток прошлого
- Иное _____

Кто больше знает о народных традициях?

- Молодые люди
- Люди средних лет
- Пожилые люди
- Наличие или отсутствие этих знаний не зависит от возраста
- Иное _____

Какие элементы и произведения, на Ваш взгляд, являются частью народной культуры?

☐ песни	☐ речёвки	☐ игры на свежем воздухе	☐ скороговорки	☐ свадьба	☐ Медовый Спас
☐ сказки	☐ лозунги	☐ спортивные соревнования	☐ считалки	☐ похороны	☐ проводы на службу
☐ былины	☐ пословицы	☐ кулачные бои	☐ дразнилки	☐ Масленица	☐ Новый год
☐ мифы и легенды	☐ поговорки	☐ танцы	☐ колыбельные	☐ Пасха	☐ Крещение
☐ суеверия	☐ приметы	☐ хороводы	☐ шарады	☐ Семик	☐ гадания
☐ промыслы	☐ обереги	☐ кузнечное дело	☐ иконопись	☐ воспитание детей	☐ игрушки

Какие виды народных промыслов и ремёсел Вам известны:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Виды оберегов:

Нательный крест, ладанки и образки

Икона

Иголки и булавки

Звенящие ожерелья и подвески

Украшения

Когти и клыки диких животных

Узоры вышивки и резьбы по дереву (например, на наличниках)

Подкова

Куклы

Колокольчики

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Какие гадания Вы знаете (приведите примеры):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите примеры суеверий:

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Приведите пример страшилки (сюжет или текст):

Не помню

Затрудняюсь ответить

Иное _____

Какие хороводы или хороводные песни Вам известны:

- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Как звали Ваших прабабушек и прадедушек?

- _____
- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Известные Вам народные праздники:

- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Как зазывают птиц:

- _____
- Не помню
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Приходилось ли Вам участвовать или слышать об обряде колядования или христославления:

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Выполняет ли народное искусство определённую роль в развитии общества?

- Да
- Нет
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Заботятся ли о сохранении народных традиций государственные структуры?

- Конечно
- Нет
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Какие из приведенных ниже характеристик народного искусства являются, на Ваш взгляд, наиболее важными?

- Историческая и познавательная ценность
- Эстетическая ценность
- Воспитательная функция
- Национальное своеобразие
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Возможно ли сохранить народную культуру?

- Да, не только возможно, но и необходимо
- Нет, это пережиток прошлого
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Мы знаем народные традиции хуже, чем наши бабушки и дедушки?

- Да
- Нет. Наши познания шире, чем у наших предков
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

В чем основная причина утраты старинных знаний?

- Прогресс. Нам ни к чему вспоминать о пережитках прошлого
- Чрезмерная перегруженность, некогда думать о старине
- Средства массовой информации уделяют мало внимания народным традициям
- Отсутствует преемственность поколений в передаче информации
- Затрудняюсь ответить
- Иное _____

Как Вы оцениваете уровень собственных знаний о народной культуре?

- Высокий
- Средний
- Низкий
- Я не нуждаюсь в подобных знаниях

Будете ли вы передавать (передали ли Вы) собственные знания о народной культуре своим детям?

- Да
 - Нет
 - Затрудняюсь ответить
 - Иное _____
-

Что Вы считаете залогом здоровья нации?

- Наследственность, гены
 - Менталитет
 - Преемственность традиций
 - Знание своих исторических корней
 - Отказ от вредных привычек
 - Экологию
 - Затрудняюсь ответить
 - Иное _____
-

Благодарим за Ваше участие в опросе!

**Детское фольклорное воспитание: из опыта работы
фольклорного ансамбля «Переладец» ДШИ № 20 г. Саратова**

Ансамбль «Переладец» создан Спицыной Е.И. в 1996 году из числа учащихся музыкально-исполнительских отделений детской школы искусств.

Занятия в коллективе направлены на комплексное освоение базовых знаний в области традиционной народной культуры, воспитание творческой личности, обладающей компетенциями в области народно-певческого исполнительства. На всех этапах обучения дети получают информацию о быте и праздничной культуре русского народа, развивают вокальные и актерские способности, осваивают лексику традиционной хореографии и навыки исполнительства на инструментах фольклорной традиции. Работа строится с опорой на игровые формы и синтез искусств с учетом возраста, интересов и склонностей ребенка. Основу репертуара составляют произведения детского фольклора, постановки календарно-обрядовых праздников, бытовых сцен и игровых зарисовок. Воспитательный цикл включает репетиционную работу, беседы, посещения этнографических выставок, встречи с аутентичными исполнителями, вечерки, участие в массовых народных праздниках, концертно-фестивальную деятельность. Большое значение придается поддержанию комфортного психологического климата внутри коллектива.

На протяжении творческого пути коллектива многократно менялись составы участников, корректировались жанрово-стилистические предпочтения. Многочисленные концертные программы и обрядовые композиции живительным источником питали души десятков детей. Сегодня в ансамбле занимаются не только учащиеся школы, но и ее выпускники. Разновозрастной состав участников (6-20 лет) способствует обеспечению преемственности традиций коллектива, осуществлению внутренней творческой и воспитательной работы с участием старших, более опытных исполнителей.

Праздничный концерт, посвященный Дню защитника Отечества, Саратов, 2010 г.
«Младшие перенимают опыт от старших воспитанников коллектива».

Закулисье: в ожидании выхода на сцену театра оперы и балета, Саратов, 2010 г.
Слева-направо: Гладникова Арина – 6 лет, Туленкова Кристина – 20 лет,
Пискунова Екатерина – 16 лет, Орешкина Надежда – 14 лет, Михайлина Полина – 13 лет.

Х Всероссийский конкурс-фестиваль народного искусства имени заслуженной артистки РСФСР Л.А. Руслановой, Волгоград, 2010 г.
Игровая картинка «Эх, бывало»:
малыши «осваивают науку» взрослых хороводов и плясок.

Хороводная песня «В нас по морю синему», Саратов, 2010 г.

Храм Казанской иконы Божией Матери, Саратов, 2011.

После выступления на X Пасхальном фестивале детских и юношеских коллективов,
Саратов, 2011 г.

Архиерейская воскресная школа Духовно-просветительского центра при Пензенском епархиальном управлении, 2016 г.

На колокольнях Свято-Троицкого кафедрального собора, Саратов, 2010 г., храма Казанской иконы Божией Матери, Саратов, 2011 г.

IV Межрегиональный фестиваль православной культуры «Преображение», Саратов, 2016 г.

Концертное выступление на Набережной космонавтов, г. Саратов, 2015 г.

Фестиваль народной музыки «Музыкальная Волга», Саратов, 2016 г.
Игровая картинка «Свадебка».

Встреча с аутентичным ансамблем
из с. Канаевка Городищенского района Пензенской области,
Пенза, 2012 г.

Вечерка в Литературном музее «Дом Языковых», Ульяновск, 2016 г.
Творческое общение представителей различных возрастов и регионов России.

На съемках программы «Играй, гармонь любимая», Пенза, 2013 г.

На съемках программы «Играй, гармонь любимая», Саратов, 2015 г.

Участие в массовом народном празднике, Пенза, 2011 г.

Большой хоровод участников I Международного фестиваля этнической музыки и культуры «Крепость Русь», Пенза, 2011 г.

Сводный хор победителей
 III Всероссийского конкурса исполнителей русской песни «Поющая Россия»,
 Ульяновск, 2016 г.
 Солист – народный артист России Василий Овсянников.

Наследники традиций:
 участие фольклорного ансамбля «Переладец» в церемонии открытия памятника
 заслуженной артистке РСФСР Л.А. Руслановой, Саратов, 2018 г.

На церемонии открытия областных проектов
«Новые имена Губернии» и II парада достижений народного творчества Саратовской области,
Саратов, 2018 г.

Сводный хор участников Открытого Межрегионального конкурса детских фольклорных
коллективов – исполнителей народной песни памяти Л.Л. Христиансена
«Песенные россыпи», Саратов, 2018 г.

Музыкально-хореографическая композиция «Тимоня», г. Саратов, 2018 г.

В отличном настроении перед напряженной репетиционной работой.
Детская школа искусств № 20, Саратов, 2018 г.